



К.УСЕНБАЕВ

Присоединение

Ю Ж Н О Й
КИРГИЗИИ
К
РОССИИ

КИРГИЗГОСИЗДАТ

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

К 19
К 55

К. УСЕНБАЕВ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ К РОССИИ

*Под редакцией
члена-корреспондента
Академии наук Киргизской ССР
проф. М. П. ВЯТКИНА*

КИРГИЗСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Фрунзе 1960

ВВЕДЕНИЕ

Изучение процесса присоединения к России нерусских народов — одна из актуальных исторических проблем, стоящих перед советскими историками. Частью этой весьма важной проблемы является вопрос о присоединении Киргизии к России.

Правильное, марксистско-ленинское освещение этого вопроса имеет большое политическое и научное значение не только для понимания истории киргизского народа рассматриваемого периода, но и для выявления истоков исторически сложившейся дружбы киргизского и русского народов.

Если вопросу о присоединении Северной Киргизии к России посвящена работа проф. Б. Джамгерчинова¹, то в исторической литературе до сих пор нет специальных монографических исследований, освещающих процесс присоединения Южной Киргизии к России и раскрывающих социально-экономические и культурные последствия этого важнейшего исторического события.

Присоединение Южной Киргизии к России нужно рассматривать как сложный процесс, в котором переплетались стремление трудящихся киргизов к принятию подданства Русского государства, с их восстанием, направленным против гнета Кокандского ханства и его покровителя — царского самодержавия.

¹ Б. Джамгерчинов. «Присоединение Киргизии к России», Москва, 1959.

Настоящее исследование представляет собой первую попытку на основании изучения конкретного фактического материала осветить этот сложный процесс присоединения Южной Киргизии к России.

Буржуазно-националистические историки, упорно умалчивая о тесных исторических связях и совместной борьбе народных масс узбеков и киргизов против феодально-ханского гнета, делали тщетные попытки доказать, будто оседлое население и кочевники всегда находились между собой в состоянии вражды, соперничества и войны. В этой работе мы старались осветить в той или иной степени вопросы социального расслоения и классовой борьбы в киргизском обществе, проявления дружественных отношений между народами Средней Азии, в частности между узбеками и киргизами. Дружба между киргизским и узбекским народами в условиях тяжелого феодального гнета и их совместной борьбы против произвола и насилия феодалов имеет важное значение в истории обоих народов.

Настоящее исследование, кроме указанных задач, ставит перед собой цель рассказать об угнетении Кокандским ханством трудящихся Южной Киргизии.

Значительное место отведено освещению причин, толкавших царское самодержавие к завоеванию Средней Азии, в том числе Южной Киргизии; отражается также стремление английских колонизаторов к захвату Средней Азии.

Для выяснения причин вхождения Южной Киргизии в состав России необходимо исходить из общего положения, которое тогда складывалось в Средней Азии, в частности в Кокандском ханстве. При этом присоединение Южной Киргизии к России тесно связано с восстанием киргизов 1873—1874 гг. и кокандским восстанием 1875—1876 гг.

Восстание 1873—1874 гг., которое до сего времени оставалось не изученным, по существу явилось отражением борьбы южных киргизов за освобождение от власти Кокандского ханства за принятие подданства России. Южная Киргизия вошла в состав России лишь после подавления кокандского восстания. Поэтому, естественно, что значительная часть данной работы посвящена характеристике этих восстаний.

Еще XI пленум ЦК КП Киргизии, состоявшийся в 1952 г., указывал историкам республики на важность разработки вопроса о прогрессивном значении присоединения Киргизии к России¹. Необходимость широкого освещения прогрессивных результатов присоединения народов национальных окраин к России подчеркивали в своих выступлениях также некоторые делегаты XIX съезда КПСС. Однако эта проблема в истории киргизского народа до последнего времени оставалась мало разработанной, а вопрос о вхождении Южной Киргизии в состав Российской империи почти не был изучен.

Учитывая это, мы посвятили специальную главу, в которой кратко показаны прогрессивное значение присоединения Южной Киргизии к России и колониальная политика царизма по экономическому, политическому и национальному угнетению трудящихся киргизов.

Вопросы, освещаемые в исследовании, мы рассматриваем в тесной связи с историей народов Средней Азии, с политико-экономической, культурной жизнью России в 70—80 гг. XIX века.

Настоящее исследование не претендует на всестороннее и детальное рассмотрение всех вопросов, связанных с присоединением Южной Киргизии к России. Они требуют дальнейшего исследования и усилий историков. Автор останавливается лишь на тех наиболее важных моментах, которые дают возможность более четко и ярко выявить процесс присоединения Южной Киргизии к России.

При написании работы мы руководствовались трудами классиков марксизма-ленинизма, резолюциями и решениями съездов, конференций, постановлениями ЦК КПСС и ЦК КП Киргизии, имеющими отношение к рассматриваемому вопросу, а также официальными материалами (тезисы ЦК КПСС о 300-летию воссоединения Украины с Россией, приветственная телеграмма Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза украинскому и великому русскому народам по случаю 300-летнего юбилея воссоединения Украины с Россией) и др.

¹ Доклад секретаря ЦК КП Киргизии И. Р. Раззакова. Газета «Советская Киргизия» от 11 июня 1952 г.

В основу настоящей работы легли архивно-документальные материалы, которые публикуются нами впервые или были мало известны в научно-исторической литературе. Главными из этих основных источников являются:

Из ЦГИА Узб. ССР:

- а) Фонд 1—Канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства,
- б) Фонд 715—Материалы по истории завоевания Туркестанского края,
- в) Фонд 19—Ферганское областное управление,
- г) Фонд 41—Окружной инженер Туркестанского края,
- д) Фонд 336—Военный губернатор и командующий войсками Туркестанской области 1865—1867 гг.,
- е) Фонд 17—Сыр-Дарьинское областное управление 1867—1877 гг.,
- ж) Фонд 25—Управление начальника Андижанского уезда Ферганской области 1877—1880 гг.

Из важных источников ЦГИА Узб. ССР, фонд 1, оп. 31, следует выделить следующие:

- а) д. 25—О подготовке к военным действиям кокандского хана и о выступлении киргиз-кипчаков против Худояр-хана. 1868—1870 гг.,
- б) д. 122—О возмущениях, возникших в Коканде против Худояр-хана, и просьбе жителей Намангана и других о принятии этого края в русское подданство. 1871 г.,
- в) д. 196—О восстании в Коканде. 1873 г.,
- г) д. 197—О прибытии в Ходжент депутатов от кокандских киргиз. 1873—1874 гг.,
- д) д. 243а—Заговор против Худояр-хана, восстание на Чаткале и вообще о положении дел в Кокандском ханстве. 1873 г.,
- е) д. 281—Переписка по делу Абду-Керимбека, участвовавшего в беспорядках киргизов в Кокандском ханстве. 1875 г.,
- ж) д. 327—О поездке в Ташкент делегации от Пулатбека с просьбой о мире. 1875—1876 гг.

Из ЦГВИА в Москве:

- а) Фонд — Военно-учебный архив,
- б) Фонд 400—Главный штаб. Азиатская часть,
- в) Фонд 1396—Штаб Туркестанского военного округа.

Конечно, в небольшом введении невозможно дать полный обзор всех изученных и использованных нами архивных документов. Мы останавливаемся, как уже сказано, на наиболее важных из них.

Привлеченные нами архивные материалы неоднородны. Преобладающая часть их состоит из отчетов, донесений, рапортов, докладных записок и личной переписки царских

чиновников, особенно военных начальников. Многие источники односторонне и тенденциозно освещают затронутые вопросы. В различных документах зачастую встречаются взаимоисключающие утверждения, а иногда исторические события описываются в розовом свете, нередко допускается искажение фактов. К ним необходимо было относиться критически, сопоставляя их с другими историческими источниками. Во многих архивных материалах говорится о событиях в среднеазиатских ханствах, в том числе и кокандском, о восстаниях киргизов и узбеков против деспотизма Худояр-хана и его чиновников, о стремлении южно-киргизских племен к принятию их в подданство России.

В источниках мало сведений, характеризующих социально-экономические отношения южных киргизов, особенно эксплуатацию трудящихся местными феодалами. Поэтому требуемые данные пришлось собирать буквально по крупицам, путем тщательного сопоставления и анализа отдельных фактов.

До Октябрьской революции публикация архивных материалов по истории народов Средней Азии производилась редко. Наиболее ценными из опубликованных в то время источников являются изданные в Ташкенте в 1902—1915 гг. «Материалы для истории завоевания Туркестанского края» в 18 томах. В них приводится значительное количество материалов, связанных с завоеванием Туркестана царизмом, некоторые документы содержат ряд сведений, относящихся к рассматриваемому вопросу.

В исследовании существовавших в Южной Киргизии земельных отношений особый интерес представляют архивные материалы бывшего управления землями и госимуществом в Туркестанском крае. В них имеются значительные данные, свидетельствующие о землеиспользовании южных киргизов. Ценным источником является безымянная рукопись «Обозрение кокандского ханства в нынешнем его состоянии», написанная в 1841 г.¹ В ней говорится о тяжелом положении киргизов, служивших в войсках кокандских ханов, о жестоком угнетении и ограблении трудящихся Южной Киргизии со стороны ханских сборщиков (заякетчи).

¹ ЦГВИА. Фонды ВУА, дд. 5044 и 19254.

Краткое сообщение о власти Худояр-хана в Южной Киргизии находим в дневнике А. Н. Куропаткина¹, который записывал данные, касающиеся хозяйственного и политического строя киргизов, в том числе и налоговой политики кокандских ханов.

Ценнейшим источником явились письма южных киргизов к русским властям, в которых они просили оказать им помощь в борьбе против господства Кокандского ханства и принять их в подданство России². Эти письма непосредственно исходят от участников восстания, направленного против ига кокандских феодалов, поэтому правдиво отражают тяжелое положение трудящихся Южной Киргизии и причины их стремления к принятию русского подданства. Пока нами найдено и использовано в настоящем исследовании шесть таких писем. В одном из них³, написанном летом 1873 г. на имя ходжентского уездного начальника и через него — туркестанского генерал-губернатора, говорится о восстании южных киргизов, вызванном тяжелой эксплуатацией, в частности налоговой политикой Кокандского ханства, об отказе киргизов от уплаты «зьякета» и об убийстве ханских сборщиков-зьякетчи; сообщается о жестокое подавлении восстания и об аресте 240 повстанцев ханским карательным отрядом во главе с Абдурахманом Афтобачи. В письме восставших говорится о твердом решении выступить против господства Кокандского ханства и выражается просьба помочь киргизам в этой борьбе и в принятии русского подданства.

Наиболее важным источником явилось упоминавшееся выше собрание архивных материалов по истории завоевания Средней Азии царизмом. Этот сборник, охватывая период от похода ген. Перовского в Хиву до ликвидации Кокандского ханства (1839—1876 гг.) включительно, содержит богатый материал о вхождении Туркестана в состав России. Его составитель — военный инженер полковник А. Г. Серебренников в течение четырех лет (1902—1905 гг.) занимался сбором архивных материалов в городах: Петербурге, Москве, Тифлисе, Верном, Оренбурге и Омске. Им был собран огромный архивный материал в

¹ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 1, оп. 31, д. 279.

² ЦГИА Узбекской ССР, ф. 1, оп. 31, д. 197. О прибытии в Ходжент депутатов от кокандских киргизов, 1873 — 1874 гг.

³ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 1, оп. 31, д. 320, лл. 6—15.

объеме 74 больших томов, которые хранятся в Ташкенте¹. Из них 30 томов были подготовлены к печати. Но, как указано выше, только 18 томов увидели свет. В названном сборнике мы нашли много материала по вопросу о присоединении Южной Киргизии к России.

Кроме того, нами изучены и использованы рукописные фонды отделения общественных наук АН Киргизской ССР и фундаментальной библиотеки САГУ. В интересующий нас период киргизский народ не имел своей письменности. Поэтому мы старались по возможности шире использовать фольклорные материалы, в которых нашли отражение социально-экономические отношения киргизов и производ кокандских чиновников.

Важным источником явились рассказы живых свидетелей стариков-киргизов, проживающих на юге Киргизии. Эти рассказы представляют особый интерес. В них нашли отражение исключительно тяжелое положение киргизских трудящихся под властью кокандских феодалов; изнурительная служба в ханских войсках; жестокая налоговая политика; взимание с трудящихся киргизов до 20 видов разных сборов и т. д.

Что касается литературных источников, использованных в данной работе, то они указываются в постраничных сносках и в приложенном списке литературы, поэтому нет надобности останавливаться на них в кратком обзоре.

Разумеется, при использовании многих дореволюционных литературных и архивных материалов мы подходили к ним критически, извлекая из них лишь достоверные данные, проверенные путем сопоставления различных источников.

Автор считает своим долгом принести искреннюю благодарность действительному члену АН Узбекской ССР Константину Евлампиевичу Житову и др. лицам за их ценные советы при подготовке данной работы к печати.

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1. А. Г. *Серебренников*. Материалы для истории завоевания Туркестанского края. дд. 1—74.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Южные киргизы в середине прошлого века занимали примерно ту же территорию, которая ныне входит в Ошскую область Киргизской ССР. Эта территория представляет собой полосу длиной более чем 500 км, шириной свыше 350 км. Площадь ее — около 70 тыс. квадратных километров.

В состав этого района входит широкая полоса Киргизии, огибающая с севера, востока и юга Ферганскую долину и включающая полностью или частично горные хребты: Чаткальский, Ферганский, Алайский, Туркестанский и Заалайский.

На востоке район граничил с Китаем (Восточный Туркестан), в приферганской части — с кокандским ханством, на юго-западе — с бухарским эмиратом.

В состав южных киргизов в те времена в основном входили следующие четыре племени: адигине, ичкилик, монгуш, найманы, кроме них: кипчаки, кытай, багыш, чонбагыш, басыз и др. Эти племена в свою очередь делились на роды. Так, ичкилики делились на 20 родов; из них главные: кадырша, канды (канглы), найман, теит, кесек, орго, тулус, каратеит, чалтеит, бостон, кызыкаяк (кызылаяк), карасаадык. Монгуши делились на 13 родов: кудагагин, джапалак, тулейкин, джоош, джельгельди, сарлар,

сарай, кокджатык, соколак, тейне, ирке, кашка, монгол (могол). Адигине делились на 14 родов: бюрю (бору), барге (баргы), олджаке, тоуке, караварге, сарыварге, састар, кокчеуглу, ильчебек, саройдор, савай, джору, ардай и муник. Киргиз-кипчаки делились на 12 родов: джаманан, омонак, таз, шерден, кармыш, торайгыр, ахтачи, ходжам-шукур, яртыбаш, алтыке, сакау-кипчак, кызыл-аяк. Эти роды в свою очередь делились на подроды.

Согласно сообщению Л. Костенко, участвовавшего в алайской экспедиции 1876 года, общая численность этих племен была: монгуши — 1225 кибиток — 5125 человек, адигине — 3145 кибиток — 15725 человек, ичкилики свыше 9000 кибиток — 45000 человек обоего пола, багыш — 3000 кибиток — 15000 человек. Количество жителей остальных племен точно неизвестно. Но по некоторым архивным и литературным данным, общее число киргизов, населяющих южную часть Киргизстана, было около 300 тыс. человек¹.

Основная масса южных киргизов, занимаясь полукочевым скотоводством, летом кочевала на просторных урочищах Алая и Чаткала, а на зиму переселялась в долины Гульчи и Ферганы, а также в пригороды Оша, Узгена, Маргелана, Андижана, Намангана, где находились их кишлаки и зимовки. Скотоводство доставляло южным киргизам основные средства существования.

Алай, являясь главной летовкой киргизов, играл очень важную роль в их хозяйственной жизни. Его общая площадь составляет около трех тысяч квадратных верст, длина — 120 верст и ширина 15—20 верст. Трава Алая мелкая, но богатая, без сорных растений. По сообщению члена Русского Географического общества Л. Костенко, киргизы свою любимую летовку Алай называют «раем». В верхней части Алая летовали адигине и монгуши, в нижней — ичкилики, в средней — басызы и часть чонбагышей.

¹ ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 25, л. 5. Там же, ф. 19, оп. 1, д. 22594, л. 9, Кокандское ханство по новейшим известиям — Военный сборник, июль 1869 г. Туркестанский сборник, т. 23, стр. 31. *Вамбери Армений*. Путешествие по Средней Азии. СПб, 1865 г., стр. 189. Ферганская область в 1901 году. Ежегодник Ферганской области, том 1, Новый Маргелан, 1902, стр. 5. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под редакцией П. П. Семенова-Тянь-Шанского, том XIX. СПб, 1913, стр. 366 — 367.

Адигене, басызы, монгуши зимовали в долинах Ферганы и Гульчи, в окрестностях города Оша и Маргелана, а ичкилики — между Уч-Курганом и Мин-Тюбе, недалеко от города Узгена. Часть чонбагышей зимовала к востоку от Сузака. Племена кипчаки и кытай кочевали по Памирскому плоскогорью от Оша до Бадакшана и оттуда по Каракорумской цепи, а племена турайгыр, кипчаки, черики и часть чонбагышей — на границах Кашгара, недалеко от Ташмалыка. Часть из них зимовала в окрестностях города Аксу, являясь подданными Кокандского ханства. Основная часть чонбагышей обитала в Фергане—на склонах Наманганского хребта. Они вынуждены были признавать власть Китая.

Южные киргизы, используя обильные сочными кормами горные долины, разводили в большом количестве овец, коз, лошадей, крупный рогатый скот (особенно яков) и верблюдов.

В экономике киргизов скот имел важное значение. Он давал основные продукты питания — мясо, молоко. Овцы являлись главным источником мясных продуктов. Шерсть шла для изготовления различных кошм, идущих на покрытие юрты и пола. Кроме того, из овечьей шерсти и шкур делали одежду, а также различные вещи бытового обихода. Большую роль в хозяйстве киргиза-скотовода играла лошадь. В условиях подвижного скотоводческого хозяйства она являлась основным средством передвижения. На ней ездили верхом и использовали ее под вьюком. Наряду с бараниной, конина шла в пищу. Из кобыльего молока изготавливали кумыс, который являлся любимым напитком киргизов. Из конского волоса изготавливали арканы, сито, веревки и др. Конская кожа шла на пошивку обуви и сбруи. В составе стада по своей численности лошади занимали второе место после овец. Это в значительной степени объясняется тем, что в условиях экстенсивного скотоводческого хозяйства содержание лошадей не требовало больших усилий. Весною, летом и осенью они паслись на пастбищах, а зимою сравнительно легко добывали корм из-под снега. Немалую роль в экономике киргизов играло разведение крупного рогатого скота мясо-молочного направления. Волы использовались под вьюком. Кроме того, они служили тягловой силой. Кожа рогатого скота шла на изготовление сбруи, обуви и ремней. Если северные кир-

гизы не разводили яков, то на юге Киргизии, в частности в высокогорных районах, этот вид рогатого скота получил широкое распространение, играя важное значение в полукочевой жизни местного населения. Вот что пишет А. Волконский, побывавший на Алае и в Гульче в 80-х годах прошлого века: «У этих киргизов водятся яки, трудно укротимое домашнее животное, весьма ценимое киргизами и как выючная сила и как скот, доставляющий молоко, шерсть и крепкую, толщиною в палец, шкуру... Из длинной шерсти яка и пушистого хвоста плетутся мягкие веревки для выюков и лучшие подпруги. Зимой яки уходят в горы верст за 20 от жилищ своих хозяев и пасутся там, пробивая крепкими копытами снег и даже лед¹. По сообщению

И. Е. Грумм-Гржимайло, яки постепенно вытесняли другие виды рогатого скота. Это объяснялось тем, что они хорошо приспособлены к горным условиям, не требуют стойлового содержания и легко переносят суровые холодные зимы. Скот круглый год находился на подножном корму. В зависимости от времени года это требовало регулярных перекочевков. Начинались они весной, с появлением первой свежей травы. С наступлением весны киргизские скотоводы перекечевывали с зимовки на «коктоо», т. е. на весенние пастбища, где находились до конца мая. Затем откочевывали на «джайлоо», т. е. на летние пастбища, богатые сочными травами и водопоями, где оставались до августа. С «джайлоо» переходили на «куздоо», т. е. на осенние пастбища. В ноябре с наступлением зимы, с «куздоо» перекечевывали на зимовки, где оставались до новой весны. По этому поводу в работе А. А. Кушакевича, неоднократно бывавшего на юге Киргизии, говорится: «С началом весны, когда трава начнет показываться, киргизы спускаются с гор к равнине, где перекечевывают с места на место. Затем к лету киргизы отходят в горы, постепенно поднимаясь по ущельям, и доходят до своих летовок, находящихся в высоких горах, на широких травянистых плоскогорьях, иногда под линию вечного снега. К осени они снова спускаются вниз, подходят немного к равнине и затем снова отходят на свои зимовки в ущельях диких скалистых

¹ А. Волконский. От Нового Маргелана до границы Бухары. Вестник Европы. 1894, № 7, стр. 133, Туркестанский сборник, т. 429, стр. 19.

гор»¹. Подобные же сведения имеются в работах В. И. Кушелевского и К. К. Казанского.

Подвижное скотоводческое хозяйство и необходимость охранять скот от барымтачей вынуждали скотоводов кочевать аилами, состоящими из нескольких хозяйственных единиц. Однако аильную форму кочевания невозможно было соблюдать в зимнее время. Зимой аилы распадались на мелкие группы, а в большинстве случаев на отдельные семьи, которые направлялись на свои зимовки.

Не всякий земельный участок мог служить местом зимовки. Для зимовки нужны были места, которые бы служили естественным и надежным укрытием от ветра и буранов. Зимовки должны были иметь выпаса с тонким снежным покровом, иначе скот, особенно мелкий рогатый, не мог бы тебеновать, т. е. добывать корм из-под снега. В некоторых зимовках строили простые помещения для скота. В нередких случаях рядом с зимовкой находились пашни. Зимовки весной и летом охранялись от потравы. «Трава у зимовок,—писал В. Ошанин,—бережется на зиму и скот как и везде у киргиз должен добывать ее там из-под снега»².

Скотоводческое хозяйство киргизов хотя медленно, но все же развивалось. Продолжалось улучшение способов пастбы и поения скота, а также знакомство с климатическими и географическими условиями данной территории и качеством пастбищных трав. Совершенствовались производственные навыки, развивался опыт в подборе удобных мест для зимовок и охране скота от хищных зверей. Улучшалось пользование зимними, летними выпасами и уход за животными. Киргизы-скотоводы в известной степени улучшали породность животных путем индивидуального отбора производителей и маточного поголовья. Они создали народную ветеринарию, лечили больных животных и вырабатывали определенные приемы в выращивании молодняка. Весь хозяйственный инвентарь, орудия труда и

¹ А. А. Кушакевич. Сведения о Ходжентском уезде. Зап. Русск. Геогр. об-ва по общей географии, т. IV, СПб, 1871, стр. 230. Турк. сборник, т. 181.

² В. Ошанин. Каратегин и Дарваз. Изв. Русск. Геогр. общ-ва, т. XVIII, 1882, стр. 29.

жилища были приспособлены к занятием скотоводством, т. е. к полукочевому образу жизни.

Южные киргизы в отличие от северных в небольшой степени занимались заготовкой корма на зиму. В рапорте ошского уездного начальника от 28 июня 1877 г. читаем: «Киргизы-кочевники, зимующие в горной полосе Ошского уезда для прокормления скота делают на зиму запас лугового сена, которое косят около места расположения зимовок. Каждый киргиз в этой местности запасается сеном не на продажу, а только для прокормления им скота на зимнее время»¹. Обозреватель газеты «Голос», ездивший в Кашгар через Южную Киргизию, в июле 1876 г. сообщил: «На этих полях (в долине р. Кызыл-Суу—К. У.) встречается повсюду сжатое сено, сложенное бережно в снопах. В местностях, где они (т. е. река Кызыл-Суу и ее притоки: Кок-Суу, Кызыл-Каракум-Суу—К. У.) протекают, встречаются роскошные луга и заросли кустарников. На этих лужайках, поросших по краям кустарником, кара-киргизы косят сено, заготавливая его для прокорма скота на зимовках»². Как свидетельствуют некоторые данные, заготовка сена производилась лишь в состоятельных хозяйствах трудом скотоводов-бедняков для молодняка и рабочих лошадей. Основная же масса скота зимой оставалась на подножном корму. «Богатые киргизы имеют луга и заготавливают на зиму много сена, но только для лошадей», — писал А. Успенский о заготовке кормов на зиму киргизами, населявшими юго-восточную часть Ферганы³. Единственным орудием при заготовке сена являлся орок (серп). Киргизам еще не были известны косы.

Скотоводческое хозяйство киргизов носило экстенсивный характер и зависело от капризов природы и климатических условий. Большим бичом скотоводства являлись джут и разные заразные болезни. Джут, т. е. массовый падеж скота, возникал вследствие глубоких снегов или образования на снеговом покрове пастбища оледеневшего наста. А. А. Кушакевич писал: «В этих местах (т. е. в го-

¹ ЦГИА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 22592, л. 37.

² «Голос». 5 февраля 1878 г., № 44, Турк. сборник, т. 195, стр. 103.

³ А. Успенский. Ферганская долина. Краткий очерк. Окраина, 1890, № 279.

го
ш

оу
ва
ед
бь
на
се

мс
жи
ра
сн
га
из
ме
на
от
же
бы

все
пас
ски
кач
вод
мес
шал
за
улу
отб
ли
выр
лод

Геог
сбор,
т. XV

рах, прилегающих к Ходженту — К. У.), высоколежащих над уровнем моря, во время многоснежной зимы, иногда пропадают их овцы за невозможностью добывать себе корм из-под толстого слоя снега. Так было зимою 1869 — 1870 гг., снега были столь обильны, что овцы не могли проходить по его толстым напластованиям, уходя совершенно с головою в снег»¹.

Массовый падеж скота особенно тяжело сказывается на хозяйстве малосостоятельных скотоводов, которые после потери скота вынуждены были идти батрачить к баю, выполняя разные работы в его скотоводческом хозяйстве, или брать землю у киргизских и узбекских феодалов на условиях чайрикерства (издолщины), попадая в еще большую кабальную зависимость от феодальной знати.

По сравнению с другими частями Киргизии, т. е. севером и центром, Южная Киргизия, расположенная непосредственно по соседству с древнейшими земледельческими оазисами Средней Азии (в Ферганской долине), была издавна экономически тесно связана с ними.

Буржуазно-дворянские историки в своих работах и статьях, касающихся южных киргизов, неправильно характеризовали их как кочевой народ, не имевший ни кыштак, ни городов. Между тем, на юге Киргизии имелся ряд киргизских кыштак: Кара-Булак, Буджун, Баткан, Баш-Булак, Мады, Манап, Исфара, Кек (Кех), Чарк, Кыргыз-Кышлак² и другие. В Оше, Узгене и Джалал-Абаде жило, наряду с узбеками, много киргизов. М. А. Терентьев, побывавший в Оше 11 сентября 1875 года, писал: «Кипчаки и киргизы очень дорожили Ошем. Это была их столица, где никогда не стояли сарбазы кокандского хана»³.

Киргизы, населявшие южные районы Киргизстана, еще задолго до присоединения к России занимались земледелием. По этому поводу в материалах статистического уп-

1 А. А. Кушакевич. Сведения о Ходжентском уезде. Зап. Русск. Геогр. об-ва по общей географии, т. IV, СПб, 1871, стр. 230, Турк. сборник, т. 181.

2 А. Федченко. Путешествие в Туркестан, т. I, С.-Петербург, 1875, стр. 88—91. А. Серебренников. Кокандский поход 1875—1876 гг., стр. 48. А. Н. Куропаткин. Кашгария. Историко-географический очерк, 1879, стр. 220—221.

3 М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Петербург, 1906, стр. 367—368.

равления Туркестанского генерал-губернаторства говорится: «Земледелие в описываемой части Андижанского уезда возникло очень давно, по крайней мере, даже в наиболее скотоводческом Кенкол-Карагырском районе кара-киргизы уверяли, что оно существует уже семь поколений («джети ата»)»¹.

В развитии земледелия особенно важное значение имела плодородная Ферганская долина, значительная часть которой была заселена киргизами. В Ферганском районе определенная часть киргизов являлась оседлой и занималась орошаемым земледелием. «Ферганские киргизы, — писал А. Успенский, — занимаются хлебопашеством так же, как сарты, только в меньших размерах. Для хлебопашества они имеют земли в долине, при которых курганчи, т. е. места примерно в аршин ширины и в 30 аршинов длины, обнесенные со всех сторон глинобитными, довольно высокими стенами с отверстием в одной стороне для ворот. В этих курганчах киргизы строят сарай, куда они загоняют скот на ночь»². По сообщению Чокана Валиханова, киргизы адигине занимались хлопководством в Ферганской долине, около города Маргелана и Оша. Киргизы, населяющие юго-восточную часть Ферганы, выращивали пшеницу, кукурузу, бахчевые культуры, рис и хлопок³. Все это свидетельствует, что хотя техника обработки земли оставалась низкой, земледелие на юге Киргизии было более развито по сравнению с остальными ее частями. Согласно сообщению члена Русского Географического Общества В. Ошанина, здесь имелись земледельцы, собиравшие урожай 80—100 батманов (батман—мера веса от 4 до 12 пудов)⁴.

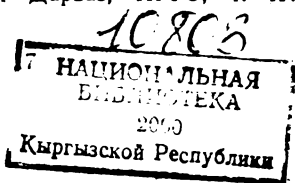
Значительная часть киргизов, живших в долине Гульчи, являлась полuosедлой и также занималась земледелием.

¹ Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд Ферганской области. Ташкент, 1913, стр. 44—45.

² А. Успенский. Ферганская долина. Краткий очерк. Окраина. 1890. № 279. О земледелии киргизов, населяющих Восточную часть Ферганской долины, говорится и в работе А. А. Кушакевича «Сведения о Ходжентском уезде». ЗРГО по общей географии, т. IV, 1871. Туркестанский сборник, т. 181, стр. 230.

³ Валиханов. Соч., СПб, 1904, стр. 30, 75.

⁴ В. Ошанин, Каратегин и Дарваз, ИРГО, т. XVII, 1882, стр. 23—29.



лием¹. Земледелие у полукочевых гульчинских и алайских киргизов соединялось со скотоводством.

Киргизы, обитавшие по Еки-Суу, то есть между Нарыном и Кара-Дарьей, сеяли рис, пшеницу, ячмень и другие злаковые растения. В нижней части Алая киргизы сеяли яровую пшеницу, ячмень, просо и люцерну. Известный русский путешественник и исследователь Киргизии А. П. Федченко о земледелии кичи алайских киргизов писал в 1871 году в газете «Туркестанские ведомости»: «Киргизы засевают здесь довольно много ячменя и даже пшеницы. Есть несколько полей люцерны (джунушки), которую снимают два раза в лето. Виденные мною поля, все орошаемые». Некоторые дехкане занимались садоводством. Они разводили фруктовые деревья, а также сажали тополь, иву² и др. Но садоводство носило подсобный характер.

Таким образом, характеристика южных киргизов буржуазно-дворянскими историками, как народа, занимавшегося исключительно скотоводством и не имевшего отношения к земледелию, не отвечала действительности. Напротив, вышеприведенные архивные и литературные материалы доказывают, что земледелие на юге Киргизии являлось одной из важных отраслей хозяйства.

На развитие земледелия у киргизов в значительной мере влияли соседние узбекские дехкане, имевшие сравнительно большой опыт в обработке земли.

Следует отметить, что развитие земледелия здесь зависело от возможности орошения: в поливных земледельческих районах вода являлась собственностью того или иного бека или датки, что ставило дехкан в зависимость от водовладельцев, как и от землевладельца.

¹ Ч. Валиханов. Соч., СПб, 1904, стр. 30, 75.

² А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, т. I, ч. 2, СПб, 1875, стр. 88—89. Его же. Из Коканда, Туркестанские ведомости № 35, 1871. Его же. Путешествие в Туркестан, том I, СПб, 1875, стр. 88—89. А. Куропаткин. Кашгария. СПб, 1879, стр. 220—221. Аналогичные данные о земледелии киргизов на Алае находим в работах: Н. А. Маев. Топографический очерк Туркестанского края. Ежегодник. Мат. для статистики Турк. края, 1872, вып. I, стр. 77—78; Л. Костенко. Военно-научная экспедиция на Алай и Памир. Военный сборник. 1877, № 4, Туркестанский сборник, т. 185, стр. 371, Живописная Россия. Под общей редакцией П. П. Семенова. СПб, 1885, стр. 215.

Земли, пригодные для обработки, принадлежали представителям феодальной знати. В записках Русского Географического общества говорится: «Бедные люди не имеют своих пашен, но, нанимаясь в услужение к богатым, получают в лето за работу зернового хлеба от 4 до 6 мешков¹. А в материалах вышеназванного статистического управления читаем: «Еще задолго до воцарения в Коканде хана Худояра кара-киргизы владели поливными землями раздельно, по праву затрат личного труда на проведение оросительных каналов»². О существовании частной собственности на пахотные земли у киргизов говорится и в других дореволюционных изданиях. Значительная часть земледельческой долины Гульчи принадлежала старшему сыну Курманджан-датки Абдуллабеку³.

После завоевания Киргизии кокандскими феодалами вся земля была объявлена ханской собственностью. Бая и другие представители феодальной знати покупали земли у хана, а бедняки, не имевшие средств, попадали в еще большую зависимость к богатым. Покупателям земли давалась грамота, написанная на таджикском языке за подписью хана. Грамота заверялась печатью. В одной только Саруйской волости до 1912 года сохранилось 8 таких грамот⁴.

В земледельческом хозяйстве на юге Киргизии имело место «чайрикерство», т. е. издольщина, что также указывает на существование феодальной собственности на землю. Феодал давал дехканину-чайрикеру семена, рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, иногда и землю, за что последний вынужден был отдавать собственнику земли половину, а иногда две трети урожая. «До прихода русских, — говорится в материалах статистического управле-

¹ *Воронин и Нифантьев*. Сведения о дикокаменных киргизах. Записки Русского Географического общества. Кн. V, СПб, 1851, стр. 151.

² *Материалы по киргизскому землепользованию*. Ферганская область, Наманганский уезд. Ташкент, 1913, стр. 29.

³ *А. Н. Куропаткин*. Кашгария. С.-Петербург, 1879, стр. 220—221.

⁴ *Материалы по кирг. землепользованию*. Ферганская область, Наманганский уезд, Ташкент, 1913, стр. 29.

⁵ *Воронин и Нифантьев*. Сведения о дикокаменных киргизах. ЗРГО. Книга V, СПб, 1851, стр. 151. *А. Успенский*. Ферганская долина. Краткий очерк. Окраина. 1890, № 279.

ния Ферганской области, — посевами занимались лишь беднейшие слои — «кедей», получавшие от богатых помощь скотом, зерном и т. п., за что последние брали себе половину урожая (первоначальная форма издольной аренды)»¹. Условия чайрикерства были тяжелыми. Чайрикеры работали почти весь сезон на полях, примитивным сельскохозяйственным инвентарем. На трудных условиях чайрикерства работали дехкане, не имевшие в своем распоряжении средств производства, особенно земли, и скотовод-бедняк, лишенный своего скота. Нужно заметить, что чайрикерство имело много общего с орточеством, бытовавшим на севере Киргизии.

Говоря об обработочной системе, которая существовала в пореформенной России, В. И. Ленин отмечал, что крестьяне иногда работали на помещика «просто» из чести, т. е. даром, за одно угощение, чтобы не лишиться других «заработков» от землевладельца². Хотя в Киргизии исторические условия были иные, чем в пореформенной России, но такой вид обработки, о котором говорил В. И. Ленин, имел место и здесь. Так, во время сбора нового урожая феодалы имели право пригласить к себе ближних дехкан, накормить их и заставить бесплатно собирать урожай в течение одного или нескольких дней. Этот вид выполнения работы назывался «ашаром». Здесь мы видим фактически бесплатное предоставление дехканином своей рабочей силы феодалу за однодневное или несколькодневное питание. Именно в этом заключалась одна из специфических особенностей эксплуатации дехкан феодалом в киргизском обществе.

Обработкой земли занимались не сами феодалы, а дехкане, лишенные средств производства. По этому поводу акад. А. Ф. Миддендорф писал: «Богатые властители из числа самих киргизов обрабатывают почву руками совершенно обедневших людей, которые работают почти только за один хлеб»³. Русский исследователь А. К. Гейнс, побывавший на юге Киргизии в 1866 г., отметил, что «у ка-

¹ Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд Ферганской области. Ташкент, 1913, стр. 44.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 164.

³ А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины. СПб, 1882, стр. 350.

ра-киргизов земледелием занимаются преимущественно бедные, которые живут круглый год на пашнях»¹.

В земледельческом хозяйстве применялись примитивные орудия труда: омач, кетмень, курук, буурсун (соха), простейшая борона в виде тяжелой доски; молотили зерно при помощи скота.

Заметное место в хозяйстве киргизов занимала охота. Киргизы охотились на горных козлов, архаров, эликов (косуль), волков, медведей, лисиц, зайцев, барсуков, сурков и других диких животных и птиц. Охота трудящимися велась не только ради меха, кожи и мяса, но и с целью уничтожения хищников, в частности волков, медведей и диких кабанов, приносящих большой вред скотоводческому и земледельческому хозяйству киргизов. У феодальной же знати она носила развлекательный характер.

Широкое распространение получила охота с дрессированными птицами: беркутами, кушами и ястребами.

Для охоты применялись капканы и всевозможные ловушки, а также огнестрельное оружие, особенно «турки», которые, по словам Воронина и Нифантьева, были «длинные, тяжелые и с фитилями вместо замков»². Подробное описание фитильного ружья охотника-киргиза имеется в работе первого исследователя Алайско-Памирских гор А. П. Федченко.

Добыча широко употреблялась в пищу, например, мясо архара, диких козлов и косуль. Меха и кожи шли не только для внутреннего потребления, но в известной мере на продажу. В газете «Голос» читаем: «Кара-киргизы называют их суур (сурок — К. У.) и ловят их в большом числе. Они сбывают их шкуры в Оше по пяти копеек за штуку. Из меха сурков кара-киргизы делают ковры и шапки»³.

Южные киргизы занимались также ремеслом, но оно не выделялось в самостоятельную отрасль и в основном носило домашний характер, удовлетворяя хозяйственные потребности семьи.

¹ А. К. Генс. Собрание литературных трудов, т. II. СПб, 1898, стр. 420.

² Воронин и Нифантьев. Сведения о дикокаменных киргизах. Записки Русск. Географического общества. КН. 5. СПб, стр. 150—151.

³ «Голос», 5 февраля 1878, № 44, Туркестанский сборник, т. 195, стр. 103.

А. Федченко по этому поводу писал: «Занятия киргизов на Алае, как и везде — скотоводство, за ним идет некоторое ремесло, исполняемое женщинами и не идущее далее потребности семьи»¹.

Многочисленные изделия производились из шерсти: «ала кайиз», «ширдак», «ерекийиз», «войлочные шляпы», «ярманчи», войлоки, которые служили для покрытия юрт и др. Южные киргизы изготовляли разные хлопчатобумажные и шелковые ткани, ковры. И. Минаев о киргизском войлочном и ткацком производстве писал: «Они изготовляют отличный войлок и ковры, также мягкую ткань и другие предметы из шерсти»². Производство кошмы и ткацкое дело, начиная от чесания шерсти, прядения и до пошива, лежало на женщинах.

Войлочные изделия, помимо покрытия юрты, служили для изготовления верхней одежды, головных уборов, теплой обуви и для подстилки на пол. Л. Костенко отмечает, что из изделий, выходящих из рук кара-киргизов, заслуживают быть упомянутыми, войлоки (кошмы), шапки, имеющие вид конуса с отогнутыми кверху полями. Женщины готовят грубую материю из верблюжьей шерсти, именуемую ярмочиней. Выделка шкур и шитье из них одежды тоже было женским занятием.

Мужчины занимались изготовлением кереге (деревянный остов юрты), уук (жерди), тундук (отверстие юрты для дымохода) и седел.

Делом мужчин было также занятие резьбой по дереву, выделка кож для обуви, чехлов и ремней, шитье обуви, изготовление посуды и производство металлических изделий. Существовали уста (ювелиры и оружейники), которые изготовляли различные женские украшения и холодное оружие: айбалта (боевой топор), найза (пика), канжаар (кинжал) и мылтык (ружье).

Род косяк занимался лесным и угольным промыслами для продажи. Практиковалась добыча железной руды, соли и угля. Словом, значительная часть предметов широкого потребления изготовлялась самими киргизами. Техника была низкая.

¹ А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, т. 1, ч. 2, СПб, 1875, стр. 160.

² И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб, 1879, стр. 200. Туркестанский сборник, т. 125, стр. 149.

Южные киргизы вели торговлю со среднеазиатскими ханствами, Китаем и Россией...

Киргизы пригоняли свой скот на среднеазиатские рынки. Были специальные узбекские и киргизские торговцы, занимавшиеся продажей скота. Иногда кокандские и кашгарские караваны выходили в горы, и торг производился в киргизских кочевьях. Торговля производилась путем товарообмена, частично на деньги. Приведем некоторые выдержки из работ, касающихся торговли южных киргизов с соседними народами. Филипп Назаров, побывавший в Кокандском ханстве в 1813—1814 гг., заметил, что жители г. Андижана «имеют торговлю с кочующими поблизости дикими черными закаменными киргизами, от коих получают всякого рода скот. Торговля производится также с черными киргизами, кочующими недалеко от г. Намангана»¹. «Заходя на зиму в долину Ферганы, — сообщает Л. Костенко, — кара-киргизы выменивают у оседлого населения разные предметы необходимости, как-то: хлеб, мату, халаты, чалмы, чай и прочие, отдавая взамен скот, шерсть, кошмы и другие предметы кочевого быта»². В записках Русского Географического общества читаем: «Баранов разведено много; торговцы выменивают их на большие суммы и отправляют в Коканд. Наши купцы с выгодой также выменивают пушной товар на русские нанки, ситцы, верверет, чугунные котлы, красные юфты и прочие. Почти все торговые обороты черных киргизов ограничиваются меною скота торговцами, приходящими из Кашгарии, России, Коканда и Китая»³.

Южная Киргизия играла важную роль в экономике среднеазиатских ханств, особенно Кокандского. Через ее территорию пролегал торговый путь из среднеазиатских ханств в Кашгар и дальше в Китай. Путь, шедший через территорию Южной Киргизии, способствовал усилению торговли с Кашгарией. Киргизы не были простыми проводниками кокандских торговцев в Кашгарию, они и сами торговали с Китаем.

Из Южной Киргизии главным образом вывозился скот,

¹ Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. СПб, 1821, стр. 71—72.

² Туркестанский край, т. 1, СПб, 1880, стр. 120. Туркестанский сборник, т. 249.

³ Воронин и Нифантьев. Названная работа, стр. 151—152.

искусно сделанные войлоки, шерсть, масло, пушной товар, меха лисьи и куны, шкуры и др. Вывозили молодые маральи рога (панты), которые китайцы ценили очень дорого в качестве лечебного средства. Из Кашгарии в Киргизию ввозились бязь, халаты, посуда, чай, сахар, свинец и другие товары¹.

Из соседних государств в Южную Киргизию ввозили предметы промышленного производства: ткани (мата, сукна и хлопчатобумажные изделия, выделанные кожи и металлические изделия, ружья, предметы домашнего обихода: котлы, пиалы, чайники, кумганы, сундуки, много различной мелочи (иголки, наперстки и т. д.).

Кокандские купцы стремились превратить Киргизию в сырьевую животноводческую базу, рынок сбыта отсталой промышленности Кокандского ханства.

Средняя Азия, в том числе и Киргизия, с давних времен поддерживала тесные торговые связи с Россией.

Россия по отношению к Средней Азии выступала как промышленная страна, поставлявшая промышленные изделия. Главными предметами вывоза из России являлись металлические изделия, составлявшие 15 процентов общего вывоза, сукна, хлопчатобумажные и шерстяные изделия, составлявшие 30 процентов общего вывоза, кожаные товары — 12 процентов, драгоценные металлы — 22 процента². Из России также вывозились: сахар, табак, предметы домашнего обихода, резиновые изделия и др. В начале 50-х годов XIX века стоимость вывоза из России в Среднюю Азию составляла около 15 млн. рублей.

Торговля России со среднеазиатскими ханствами росла из года в год. Только за десятилетие, с 1840 по 1850 год, товарооборот со Средней Азией увеличился почти на 40%³.

Следующие данные о товарах, вывезенных из России в Среднюю Азию в период с 1840 по 1850 год, ясно показывают, в какой степени в этот период Средняя Азия яв-

¹ Заметки о Средней Азии. Русский мир, 1873, № 255.

² Б. Небольсин. Очерки торговли России со странами Средней Азии. СПб, 1856, стр. 21. Г. Бардашев. Заметки о дикокаменных киргизах. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, Вып. III, СПб, 1874, стр. 389, Туркестанский сборник, т. 95.

³ А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII века по 1858 г., ч. III, 1859, стр. 193—194.

лялась рынком сбыта Российской промышленности (в фунтах стерлингов)¹.

Виды товаров	В Бухару	В Хиву	В Коканд	Всего
Золотые и серебряные монеты	213969	19210	375	229534
Медные монеты	45776	1856	2043	49675
Железо, железные изделия и другие материалы	82127	9331	10979	102437
Хлопчатобумажные изделия (текстиль)	456707	58915	7559	223181
Шерстяные изделия	50467	25869	1976	78321
Кожевенные изделия	85543	37921	4069	123533
Шелковые изделия	10550	4799	71	15420
Деревянные изделия	8595	460	826	9881
Красный товар и краски	43635	17007	693	67232
Разные товары	85416	27567	2031	115012

Из России в Коканд с 1867 по 1872 год вывезено товаров на 2600000 рублей².

Из Средней Азии в Россию вывозились продукты земледелия и скотоводства, пушной товар, фрукты, скот, шерсть, шкуры и, главным образом, хлопок. Значительная часть продуктов скотоводства, пушного товара и скота вывозилась из Киргизии³. По сообщению Г. Бардашева, в 60 — 70 годах XIX в. киргизы продавали русским купцам пушной товар и в свою очередь покупали нанки, ситец, вельвет, чугунные котлы и проч.⁴

Несмотря на наличие некоторых торговых связей с Кокандским ханством, Россией и Китаем, в частности Кашгарией, хозяйство киргизов продолжало носить в основном натуральный характер. Торг между самими киргизами по существу не практиковался. Почти каждая

¹ А. Р. Калужин. К Истории завоевания Узбекистана царской Россией, Самарканд, 1939, стр. 112.

² Материалы по истории Киргизии XIX в. Рукописные фонды отд. общ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 38, стр. 54.

³ Воронин и Нифантьев. Сведения о дикокаменных киргизах. Записки Русского Геогр. об-ва. Книга V, СПб, 1851, стр. 151—152.

⁴ Г. Бардашев. Заметки о дикокаменных киргизах. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. III, СПб, 1874, стр. 389—400. Туркестанский сборник, т. 95.

семья обеспечивала себя не только продуктами питания, но и всеми видами одежды, обуви и даже орудиями труда.

В. И. Ленин в своем докладе, сделанном на 2 конгрессе Коминтерна, указал, что в Туркестане до Октябрьской социалистической революции господствовали докапиталистические отношения¹.

Х съезд РКП (б) отметил, что у ряда народностей Средней Азии, Казахстана, Поволжья и Закавказья общественные отношения в дореволюционный период носили патриархально-феодальный характер². Это положение может быть отнесено к общественному строю киргизов интересующего нас периода.

Патриархально-феодальные отношения в Киргизии, в том числе и на юге, развивались на основе частной собственности на зимовья-стойбища и пахотные земли, а также на скот, при фактическом распоряжении пастбищами феодальной знатью и ее праве перераспределения кочевий.

Выше на основе фактических данных говорилось о феодальной собственности на пахотные земли в южных районах Киргизии. Здесь следует отметить, что и зимовья-стойбища находились в частной собственности отдельных семей. Киргизские феодалы в первую очередь захватывали на правах собственности зимовки и лежащие вокруг них выпасы, которые имели жизненно важное значение для скотоводческого хозяйства. Н. И. Гродеков о пользовании зимовьями пастбищами южными киргизами писал: «Распределение зимовых пастбищ производится между хозяевами кибиток аульными сходами. Основанием этого распределения принимается количество скота и размер хозяйства. Каждый кочевник имеет право возводить на отведенном в пользование его для зимового стойбища участке жилые и хозяйственные постройки, и общества не могут требовать сноса их. Означенные постройки составляют собственность их владельцев³. Аналогичные данные

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 217—218.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I, изд. VII, стр. 559.

³ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской обл., т. 1, Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 108.

имеются в работе В. Ошанина¹ и др. Можно заметить, что зимовки, принадлежавшие рядовым скотоводам, обычно находились на местах, имеющих меньшее экономическое значение.

Иначе обстояло с использованием пастбищ. Последние формально находились в пользовании общин. Каждое племя, а внутри племени роды и родовые подразделения имели более или менее строго закрепленные за ними районы кочевания. Исследователь Алайско-Памирских гор Г. Е. Грумм-Гржимайло отмечает, что «им (т. е. киргизам, кочующим на Алае — К. У.) и торопиться решительно некуда, место их никто не займет, ибо каждый род, каждый аул кочует в определенном и всем известном районе»². «У кара-киргизов никто не может занять летовку, — сообщает Н. И. Гродеков, — где издавна кочует известный род. Можно просить: у меня нет летовки; позвольте быть вашим соседом. Но при отказе нельзя ничего сделать, ибо какое право можно иметь на чужую летовку»³. По киргизскому обычаю в пределах этих районов представители феодальной знати обладали монопольным правом распоряжаться пастбищами, регулировать перекочевки и определять место весенних и летних кочевий. Без разрешения главенствующего феодала никто не осмеливался самовольно кочевать. «Летовки занимаются киргизами на правах потомственного пользования, — говорится в работе Н. И. Гродекова. Поземельное пользование при таком порядке распределено неравномерно и находится в руках зажиточных людей, у которых бедные состоят работниками»⁴. Кто без позволения аульных прикочует к аулу или пригонит свой скот, — писал Г. Загряжский о праве киргизского феодально-родового правителя в пользовании пастбищами, — тот подвергается строгому выговору бия и немедленно должен откочевать и отогнать свой скот. Если он не послушается, то аульные могут прину-

¹ В. Ошанин, Каратегин и Дарваз. Изв. Русск. Географ. общ-ва. т. XVIII, СПб, 1882, стр. 29.

² Г. Е. Грумм-Гржимайло. Очерк припамирских стран. Изв. Русск. Географ. общества, т. XXII, 1886, стр. 98.

³ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 111.

⁴ Там же, стр. 102, 109, 111.

дить его к этому силой»¹. Рядовые скотоводы кочевали не там, где им хотелось, а там, где им разрешалось главенствующим феодалом.

Общинная форма пользования пастбищными угодиями вовсе не мешала представителям феодальной знати эксплуатировать рядовых скотоводов путем тех или иных форм внеэкономического принуждения, увеличивать поголовье скота да и вообще свое богатство, упрочивать политическое могущество. Феодалы, обладая монопольным правом распоряжаться весенними и летними кочевьями, т. е. по существу являясь собственниками земли, могли присваивать такие виды прибавочного продукта, как «чон-ооз», «короо башы», «от май», «союш» и др. Вот что сказано в упомянутой работе Н. И. Гродекова: «Если один род заходит в пастбище другого, то представители (родовые правители — К. У.) последнего получают с пришедших куробаши, т. е. с каждого табуна (куро-табун до 600 голов) по одному барану»².

Феодално-родовой правитель взимал «туякат» (пошлину) и поборы со скототорговцев и караванчей лишь в силу того, что он распоряжался данным районом, т. е. по существу был его владельцем.

В условиях подвижного полукочевого хозяйства феодальная собственность на землю выражалась в монопольном праве главенствующего феодала распоряжаться пастбищем, регулировать движение кочевников и перераспределять кочевья.

Таким образом, общинная форма пользования пастбищами по существу прикрывала фактическую частную собственность киргизских феодалов, еще сильно окутанную пережитками дофеодальных отношений и патриархально-общинным укладом.

Могущество и власть представителей киргизской феодальной знати определялись числом их подданных, размером кочевий, которыми они распоряжались, и количеством скота. Захват лучших зимовок феодальной знатью и

¹ Г. Загряжский. Юридический обычай киргиз. Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края, СПб, 1876, вып. IV, стр. 170—171.

² Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 111.

их право распоряжаться общинной землей вызывали внутри киргизского общества обострение борьбы за землю.

Из вышесказанного мы не должны делать вывод, что складывание феодальных отношений в Киргизии, в частности ее южных районах, относится к 60 — 70 годам XIX века. В связи с захватом знатью права распоряжения пастбищными угодьями, находившимися в общественном пользовании, и концентрацией скота в руках отдельных лиц с появлением частной собственности на зимовья-стойбища, складывание феодальных отношений началось в значительно более ранний период.

В рассматриваемое время южные киргизы, как и северные, формально делились на отдельные роды, о чем уже говорилось в начале данной главы. Аилы в основном состояли из семей, находившихся друг с другом в кровном родстве. По этому поводу Н. И. Гродеков писал: «При кочевании киргизы и до настоящего времени следуют древнему обычаю. Кочуют обществами одного рода, допуская в свои аулы из других родов лишь родственников по женской линии или бедняков, нанимающихся в работники... Каждый род имеет свои определенные места летних (джайлоо) и осенних (жуздоо) кочевок»¹. Это придавало киргизской общине патриархально-родовую форму. Однако под этой формой скрывались классовые отношения.

В киргизских родах господствовали, как показано выше, общественные отношения, основанные на частной собственности на средства производства. Что касается летовок, формально находившихся в общественном пользовании рода, то и ими фактически распоряжались феодалы.

Люди, входившие в состав одного рода, считались формально равноправными, но фактически трудовые массы были сильно зависимы от феодальной знати.

Незадолго до присоединения к России между родами Южной Киргизии, в интересах феодальной знати, шла междоусобная феодально-родовая война, главной целью которой был захват лучших пастбищ, зимовок или же угон скота и грабеж населения. Документов, которые бы характеризовали феодально-родовые войны, происходив-

¹ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. 1, Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 109.

шие на юге Киргизии в 60—70 гг. XIX в., сохранилось немного. Но в мемуарах и в периодической печати того времени об этом встречается немало сведений. Так, Ф. Гельвальд о феодально-родовой войне южных киргизов писал: «Кара-киргизы не имеют между собой ни малейшей связи и никаких общих государственных учреждений. Их многочисленные племена совершенно отделены друг от друга и враждуют между собой и даже каждое отдельное племя разветвляется в свою очередь на новые подразделения, которые равным образом находятся между собой во вражде. Все их военные силы поглощены бесконечной внутренней борьбой»¹.

В 1866 г. барымтачи из рода чон-чоро, напав на род турк, угнали 2500 баранов. В рапорте военного губернатора Семиреченской области от сентября 1875 года говорится о взаимных набегах между родами сарт, кочующих на Тогуз-Тюре и найман, находящийся на юго-востоке от Андижана. Только в одном набеге, состоявшемся в июне 1875 г., были угнаны родом сарт у намайцев 14 тыс. баранов, 80 лошадей и 20 верблюдов².

Феодально-родовые войны, в которых участвовали целые роды, велись в интересах феодальной знати, являлись источником обогащения для нее.

Эти войны для киргизской бедноты были разорительными, приносящими еще большую нищету и бедствия. Для укрепления своей власти на юге Киргизии и усиления эксплуатации киргизских трудовых масс кокандские ханы активно поддерживали войны, происходившие между родами киргизов³. Междоусобные войны тормозили объединение киргизских племен и ослабляли их в борьбе против кокандских властителей.

В частном и общественном быту киргизов сохранились патриархально-родовые пережитки. Они выражались в таких явлениях, как «кун», «барымта», «калым» (выкуп за невесту), «ураан» (боевой клич), «тамга» (родовой знак), сохранение авторитета родового старшины — «аксакала», система родства и др. Существование родового быта на

¹ Ф. Гельвальд, Естественная история племен и народов, СПб, 1885, стр. 751.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 272, лл. 88—89.

³ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. 1, Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 12.

юге Киргизии хорошо освещено в работе Н. И. Гродекова. В ней читаем: «Огромное значение родового начала вытекает из права сильного; личность находит защиту только у своего рода. За поступки ее отвечает род. Очистительная присяга налагается не на оговоренную личность, а на другое лицо из ее рода. Взыскание платит и получает не лицо, а род. При неуплате куна убивается не непременно убийца, а любой человек из его рода. Невеста принадлежит не лицу, а роду. Вдова достается ближайшему родственнику умершего, а разведенная должна выбрать нового мужа среди рода прежнего мужа. Опекуном является всегда ближайший родственник»¹.

Все члены общества обязаны были помочь в уплате куна, кровью мстить за кровь.

Куном называлось мщение за кровь убитого родственника или цена крови, штраф, который получал потерпевший род за убитого. Кун считался «олджо» (находка), и получатель должен был отдать феодалу большую часть куна. Самому получателю куна оставалась незначительная часть иска. В период развития феодальных отношений кун служил средством обогащения феодальной знати и в то же время способствовал разорению трудовых масс киргизов.

«Барымтой» назывался набег на аул ответчика в целях возмещения нанесенного ущерба, когда ответчик не подчинялся приговору бия. Основной целью барымты было обогащение путем грабежа айлов других владений, а не возмещение причиненного ущерба. На юге Киргизии этот характер барымты особенно ярко проявлялся в 50-х годах XIX века в борьбе между племенами адигине и монгуш, а в 70-х годах — между родами найман и сарт, также между чон-чоро и турк².

Барымта очень тяжело отражалась на хозяйстве трудовых масс киргизов. Она усиливала межродовую вражду и тормозила объединение южных киргизов в единую силу в борьбе против гнета кокандских ханов. Организатором и

¹ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. 1, Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 12.

² Г. Загряжский. Заметки о народном самоуправлении у кара-киргиз. Мат. для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. III, СПб, 1874, стр. 365. Турк. сборник, том 95.

инициатором барымты являлась феодально-родовая знать, для которой барымта служила источником обогащения.

Ф. Энгельс указывал, что родовой быт создавал великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма¹. Это наглядно видно на примере общинно-родового быта киргизов. Феодально-родовая знать в своих узкоклассовых корыстных целях была заинтересована в сохранении патриархально-родового строя. Она использовала родовые пережитки среди населения для того, чтобы крепче держать трудящихся в повиновении. Представители феодально-родовой знати всячески культивировали и полностью поддерживали пережиточные представления о родоплеменной общности в целях притупления классовой сознательности трудовых масс. Многие формы феодальной зависимости маскировались оболочкой патриархально-родового быта.

Пережитки родового строя облегчали эксплуататорам взимание с трудовых масс — «сородичей» — поборов и податей и обеспечение своих хозяйств по существу бесплатной рабочей силой.

В условиях патриархально-феодальных отношений, где основой хозяйства являлось скотоводство, важным средством эксплуатации трудящихся служил скот, сосредоточенный в основном в руках феодалов. Как отмечено выше, особенность эксплуатации в общественных отношениях в Киргизии состояла в том, что она проводилась под видом «родовой помощи» в виде «саана» и «куча». Рядовой скотовод или дехканин, работавший у феодала, был ли он в родственной связи с хозяином или нет, считал себя родственником и выполнял все работы на богатого «сородича» под видом оказания ему помощи.

«Сааном» называли предоставление баем овец или дойной коровы бедным сородичам для пользования молоком или шерстью. Первоначально «саан» и «куч» были видами помощи зажиточных членов общин своим обедневшим сородичам. В рассматриваемый период «родовая помощь», замаскированная патриархально-родовой оболочкой, служила знати основным способом эксплуатации трудящихся.

«Кучем» называли предоставление феодально-родовой

¹ Архив Маркса—Энгельса, том I (VI), стр. 246.

знатью рабочего скота своим общинникам на временное пользование. Бедняки, получавшие саан или куч, обязывались бесплатно пасти скот или выполнять другие работы у феодалов.

Таким образом, саан и куч превратились в своеобразную заработную плату, обеспечивающую хозяйство знати необходимой рабочей силой.

В скотоводческом хозяйстве отработки принимали несколько иную форму по сравнению с земледельческим хозяйством. Здесь основным объектом эксплуатации являлись так называемые «коншу» — бедняки, не имевшие скота и работавшие у бая. Они были закабалены представителями феодальной знати. Г. Е. Грумм-Гржимайло, побывав на Алае, писал о киргизских коншу: «Они как-то сами собой группируются вокруг богатейших, которые в конце концов третируют их как слуг и управляют ими вполне бесконтрольно, хотя наружно такие отношения и не проявляются резко»¹. Коншу со своими семьями перекочевывали с баями и обслуживали хозяйства последних: пасли скот и выполняли всевозможные виды мелкой работы; жены коншу доили коров, кобыл, овец, стирали белье и помогали в домашнем хозяйстве феодалов; дети коншу ухаживали за байскими ягнятами и телятами. За всю эту работу коншу получал одну-две коровы или несколько дойных овец с правом пользования молоком. Кроме того, он пользовался рабочим скотом, как тягловой силой во время перекочевки.

Киргизские баи в большинстве случаев не нанимали пастухов, а пользовались даровым трудом бедняков-коншу. В числе коншу могли быть обедневшие родственники феодала, иногда дальние родственники и даже чужеродцы. Феодал имел право в любое время отобрать свой скот, выданный коншу за его работу.

Баи для обслуживания своего скотоводческого хозяйства, кроме коншу, имели также и наемников, так называемых «малаев» или «джалчи», не имевших своего скота для самостоятельного существования. Джалчи делились на «койчу» (чабан), «жылкычы» (табунщик) и «уйчу» (пастух). Они нанимались на разные сроки, обычно

¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Очерк припамирских стран. Известия Русск. Геогр. общ-ва, т. XXII, 1886, стр. 99. Турк. сборн., т. 405.

на год. За работу в течение года получали «бир кара», т. е. одну корову или лошадь. Письменных договоров не заключалось, поэтому иногда баи отказывались от уплаты за работу. Токтогул, выступая против баев и знати, отказывавшихся от уплаты за труд джалчи, пел:

Да будет проклят бай,
Батраку за труд не платит он.
У манапов волчьи глотки,
Людей едят они вместо скота¹.

В этих строках Токтогула выражено чувство народного гнева к феодальной знати, подвергавшей народ жесточайшей эксплуатации.

Хозяин мог наказать наемника по своему усмотрению. Джалчи, коншу и дехкане во всем были зависимы от феодалов. Бывали случаи, когда через некоторое время отдельные джалчи, коншу или малаи, приобретшие себе средства, изъявляли желание вести свое хозяйство самостоятельно, но хозяева задерживали их на своих работах до определенного времени.

В земледельческом хозяйстве работали «джатакчи» («лежащие», т. е. не кочующие) и «ороочу». Это были киргизские бедняки, работавшие у феодальной знати за неимением своего скота и земли. За свою работу они получали незначительную часть урожая.

Наконец, были настоящие пауперы, «джакыры» и «байкуши», лишенные каких-либо средств существования. Их число увеличивалось в джутовые годы или во время феодально-родовых войн. Джакыры были готовы выполнять любые работы у феодалов в самых трудных условиях.

К категории зависимых людей относились также рабы— «кулы»², хотя в XIX веке они в общественно-политической жизни киргизов уже не играли существенной роли.

Все киргизы, находившиеся в подчинении манапа,

¹ Токтогул Сатылганов. Избранные произведения, Фрунзе, 1950, стр. 8.

² Г. Загряжский. Кара-киргизы. Этнографический очерк. Туркестанские ведомости, 1874, 5 ноября, № 44. Его же. Юридический обычай киргиз. О различных родах состояний и о правах им приобретенных. Материалы для статист. Туркестанского края. Вып. IV, СПб, 1876, стр. 154. Туркестанский сборник, т. 122.

носили название «букары», но среди них были зажиточные хозяйства, из которых иногда вырастали крупные и средние баи.

В рассматриваемый период в классовой структуре общества на юге Киргизии совершенно явственно выступают два класса: класс эксплуататоров—феодалная знать: баи, бии, беки, казы, минбаши, курбаши и датки, с одной стороны, и класс эксплуатируемых—трудящиеся массы, с другой. По этому поводу у О. Шкапского упоминается: «Социальный уклад кара-киргиз заключается в том, что весь народ разделился на два класса. Главную массу кара-киргизского населения составляла, так называемая «букара» или «фукара», что вполне соответствует старорусскому понятию о «подлом» народе. Над букарой стоял класс имущих кара-киргизов, между которыми и была поделена вся булака, как были поделены крестьяне между русскими помещиками»¹. А. Загряжский писал: «Кара-киргизы по состоянию разделяются, или вернее, разделялись на манапов (белая кость) и булака (черная кость, народ, чернь)»².

Датки и беки в политическом отношении мало отличались от манапов, господствовавших в Северной Киргизии.

Вся власть на юге Киргизии сосредоточивалась в руках беков, которые в отличие от манапов назначались кокандскими ханами. В 1870 году Г. Бардашев о власти беков писал: «Каждый бек был своего рода князь, владыка своего народа»³.

Беки облагали булаку различными налогами, носившими название «салык», «чыгым», и взыскивали различные пошлины с торговцев, например, «туякат» со всего поголовья скота, прогоняемого через территорию данного рода. Беки сдавали формально принадлежащие всему роду джайлоо (урочище) в аренду другим родам и взыскивали при этом арендную плату «отмай» и «чоп-ооз», шедшие в их карман. Кроме того, беки собирали с

¹ О. Шкапский. Киргизы-крестьяне. Изв. Русск. Геогр. об-ва, 1905, том 41, стр. 770.

² Г. Загряжский. Кара-киргизы. Этнографический очерк. Турк. ведомости, 1874, № 44, 5 ноября.

³ Г. Бардашев. Сведения о дикокаменных киргизах. Туркестанские ведомости, 1870, 7 декабря.

трудовых масс так называемые «джардам» (помощь) и «кошумча» (добавочный)¹.

В середине XIX в. наиболее крупными беками на юге Киргизии являлись: Умар-бек, Мааразык-бек, Муза-бек, Садык-бек, Мирза-бек, Давлет-бек и пять сыновей Курманджан-датки: Абдулла-бек, Камчи-бек, Хасан-бек, Махмуд-бек, Мафлан-бек. Беки подчинялись датке. Из них нам известны следующие: Алим-бек-датка, Курманджан-датка, Койчу-датка, Джанан-датка и Иса-датка.

В политическом отношении более крупным являлся Алим-бек-датка, а после его смерти — его жена Курманджан-датка, имевшая под своей властью около 9 тыс. юрт киргизов².

Курманджан-датка при помощи своих сыновей управляла всем Алаем. Ее власть продолжалась около 45 лет, являясь главной опорой кокандских ханов в эксплуатации трудящихся на юге Киргизии. Она облагала различными налогами алайских киргизов, взыскивала «туякат» (пошлина) с торговцев, проходивших через Алай и Кашгар и дальше в Китай, наказывала своих подданных по своему усмотрению. В известиях Русского Географического общества о власти манапов и беков говорится: «Букара не несет барщины, не платит манапу определенного оброка, но зато на все, что принадлежит букаре, что заработано ее трудом, имеет право манап. Нужно последнему принять и угостить гостя, он берет у первого попавшего своего подданного барана и угощает гостя. Придет киргиз к манапу и попросит себе коня, — манап останавливает первого встречного киргиза, ссаживает его с лошади, передает просителю. Словом, всем имуществом своих подданных манап распоряжается, как своим собственным³. Хотя здесь автор имел в виду манапов, но это в равной мере относилось

¹ *Сатар хан Абдул Гафаров*. Краткий очерк внутреннего состояния кокандского ханства перед завоеванием его русскими. Туркестанские ведомости, № 26. 30 июня 1892 г.; *Н. И. Гродеков*. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 111; *М. Венюков*. Опыт военного обозрения русских границ в Азии, СПб, 1873, стр. 306.

² *М. Терентьев*. История завоевания Средней Азии, том II, СПб, 1906, стр. 412.

³ *О. Шкапский*. Киргизы-крестьяне. Изд. Русск. Геогр. общ-ва 1905, том 41, стр. 771.

и к бекам на юге Киргизии. Ибо, как видно из вышесказанного, власть и способ эксплуатации со стороны беков на юге, мало отличались от манапских на севере.

Беки не только распоряжались имуществом своих подданных, но даже вмешивались в их семейные дела. Были случаи, когда беки продавали за калым девушек и жен трудящихся (своих подданных).

Народный гнев против манапов и беков нашел яркое отражение в песнях Токтогула. В своей песне «Пять манапов» Токтогул с исключительной силой изобразил киргизских деспотов-богачей, обиравших народ самым бесчеловечным образом:

Пять манапов—волчий род,
Притесняли вы народ,
Заставляли бедняков
Слезы лить—за вас, волков.
Превратили вы в бродяг
Всех, кто голоден и наг,
Обворован, разорен
Вами каждый был бедняк!¹

Произведение великого акына, созданное в конце XIX века, вполне может быть отнесено к характеристике беков рассматриваемого периода.

Разница между баями и беками заключалась в том, что политические права баев, в отличие от беков, были ограничены: их господствующее положение основывалось только на богатстве, но не на происхождении. Баи не имели права облагать букару различными налогами и сборами, взыскивать пошлыны и штрафы, сдавать пастбища в аренду. Но баи в своих руках имели многочисленный скот, который служил им орудием эксплуатации коншу, джалчи и других представителей трудящихся.

Баи жестоко угнетали массы. Поэтому трудящиеся киргизы говорили: «Бай, не найдя у себя для закола ягненка, попросил у бедняка последнего. Кто на солнце надеется—умрет от холода, кто смотрит на бая—умрет от

¹ Токтогул Сатылганов. Избранные произведения. Москва, 1940, стр. 15—16.

голода»¹. Баи поддерживали власть беков в их борьбе с трудящимися.

В состав господствующего феодального класса входили также «казы» и «бии» (судьи).

Дореволюционные исследователи, исходя из интересов царизма и местной феодальной знати, называли суд биев «народным судом». На самом деле он был антинародным судом.

Бии формально «выбирались» народом, но фактически назначались представителями феодально-родовой верхушки, в частности датки и беками. Вот что пишет исследователь судебного права киргизов и казахов Г. Загряжский. «Народ не понимает силы выборного начала и им нисколько не пользуется. На все должности, за малыми исключениями, лица не выбираются, а назначаются родоправителями... Если родоправитель человек влиятельный, то все выборы будут сделаны по его назначению... Если представители групп самостоятельны, то в каждой группе распоряжается свой родоправитель, назначая себя в бии, а своих джигитов или родичей — в аульные старшины; десяточные и пятидесяточные решительно никакого голоса не имеют»². Судебный процесс велся с учетом классового и имущественного положения сторон, при вмешательстве беков.

Адат, служивший удобным орудием в руках феодалов для эксплуатации трудящихся, можно было применять так, как хотелось баям, бекам и датки. П. Рейнталь в 1871 г. об этом писал: «Все зависит от случая, от личных отношений, но не от закона. Прежде родоправители грабили народ на основании силы захвата, а теперь они ставят судебные приговоры и следовательно тоже грабят»³.

Несправедливость биев при разборе дел бедняков и

¹ Б. Керимжанова. Поговорки и пословицы киргизского народа. Фонды отд. общ. наук АН Кирг. ССР, инв. № 826, стр. 125—126.

² Г. Загряжский. По поводу заметок о народном самоуправлении у кара-киргизов. Туркестанские ведомости, № 9, 1871.

³ П. Рейнталь. Заметки о народном самоуправлении у кара-киргиз. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. III, СПб, 1874, стр. 363, Турк. сборн., т. 95.

грабеж феодалами трудовых масс при помощи биев хорошо видны из песни Токтогула:

Если ты должен ростовщику,
Судом отнимут твое все добро.
Через год за барана возьмет он двух,
За рубль свой два возьмет.

Если вовремя долг не вернешь,
К бию пойдет он,
А бий и болуши в беду
Ввергнут тебя навсегда¹.

Судебные функции, выполняемые казы и биями на основе шарията и адата, при вмешательстве феодалов и баев, являлись мощным источником обогащения. Г. Загряжский рассказывает следующий случай. Ремесленник-киргиз по имени Кийке из племени ичкилик, заняв у торговца-узбека 3 рубля, не мог вернуть их хозяину. Тогда сарт стал требовать с Кийке отданные деньги, и когда последний не вернул трех рублей, то отобрал у него быка. Кийке обратился к биям, которые присудили, чтобы сарт заплатил Кийке пять быков. Сарт в свою очередь на волостном съезде биев жаловался, что он никакого быка от Кийке не получал и не знает, за что с него требуют пять быков. Изумленный Кийке доказывает свою правоту, но он беден и ничего не имеет, кроме быка, отнятого у него сартом. Бии присудили, чтобы за сарта кто-нибудь принял оправдательную присягу и тогда Кийке заплатит ему пятнадцать быков. Сарт, разумеется, приискал присягающего, и Кийке приговорен к уплате пени. Этот случай так невероятен, что мне откажутся верить, а между тем это совершенно верно»². Бии получали от подсудимых так называемый «бийлик» (вознаграждение бию). «Из определяемого штрафа,— писал Г. Загряжский,— бии получают известную часть (бийлик). Кроме того, они имеют право получить поднесенные по решению ими дела подарки (тартуу)»³. О бийлике гово-

¹ Токтогул Сатылганов. Избранные произведения. Фрунзе, 1950, стр. 8—9.

² Г. Загряжский. Заметки о народном самоуправлении у каракиргиз. Мат. для статист. Турк. края. Ежегодник, вып. III, СПб, 1874, стр. 368, Турк. сб., т. 95.

³ Его же. О народном суде у кочевого населения. Ежегодник. Мат. для статист. Турк. края, СПб, 1876, вып. IV, стр. 184.

рится и в статье П. Рейнталя «По поводу заметок о народном самоуправлении у кара-киргиз». «Бий за решение,— читаем в ней,— которым довольны обе тяжущиеся стороны, получает в вознаграждение $\frac{1}{10}$ часть иска, в случае же неудовольствия одной из сторон дело поступает на волостной съезд и $\frac{1}{10}$ часть иска делится между решавшими дело биями»¹. Размер бийлика зависел от характера преступления и социального положения подсудимого.

Согласно адату, вор, изобличенный в краже скота, должен был вернуть украденный скот. Кроме того, на него мог быть наложен «айып» — штраф, в нередких случаях состоящий из «тогуз» (девять голов скота, начиная с верблюда и кончая бараном). Из этого штрафа бий получал вознаграждение так называемый «ат тон», т. е. лошадь и халат, в крайнем случае — халат. Этим бий не ограничивался, от подсудимых он получал большие взятки. Значительная часть штрафа шла в пользу феодалов, участвовавших вместе с бием в разборе дела. На долю получателя оставалась незначительная часть штрафа. С целью получения бийлик бии часто предъявляли фиктивные обвинения к совершенно безвинным трудящимся. Вот что говорится по этому поводу в работе Г. Загряжского: «Два бия Бекбулак и Дооран должны были отдать четырех лошадей. Своими платить не хотелось, надо было добыть бийлик. Они учиняют такую штуку: заехали в аул Бекбулата двое киргиз с Доораном: Бекбулат как хозяин угостил бузой, а так как киргизы всегда впроголодь, то они и напились бузы до опьянения. Напившись поспорили, а поспоривши — подрались. На другой день Бекбулат и Дооран начали их судить и приговорили, чтобы один заплатил более побитому девять лошадей (у него был выбит зуб), а потерявший зуб заплатил бы 6 лошадей первому. Три

¹ Г. Загряжский. Заметки о народном самоуправлении у кара-киргиз. Материалы для статистики Турк. края. Ежегодник, вып. III, СПб, 1874, стр. 368. Турк. сборник, т. 95; Его же. О народном суде у кочевого населения Турк. края по обычному праву. Ежегодник. Материалы для статистики Турк. края, СПб, 1876, вып. IV, стр. 194; Материалы для статистики Турк. края. Ежегодник. Вып. III, СПб, 1874, стр. 378 (Турк. сборник, т. 95).

лошади назначены в бийлик и делу конец. Бии получили трех лошадей»¹.

Феодалынные грабежи, производившиеся при помощи биев, нашли яркое отражение в народных пословицах и поговорках. Одна из них говорит: «Если два бия, то исков будет четыре».

Помимо описанных налогов и повинностей, в киргизском обществе в пользу эксплуататорских классов существовали «союш», «туякат», «чоп-оос», «салык», «чыгым», «кошумча», «жол чымыгы», «конок алуу», «тартуу» и др. поборы. Из них широко распространенным и разорительным являлся так называемый «союш», взимаемый для бекского стола в виде скота—лошадей, баранов и др. Вообще не только «союш», но и все виды налогов, в основном, взимались скотом, а в редких случаях — деньгами и ценными вещами.

«Чоп-оос» взимался в пользу бека с каждого чужеродца-скотовладельца за пользование пастбищем. Собирался он соответственно поголовью скота. «Туякатом» называли налог за прогон скота через территорию, принадлежавшую тому или иному беку. Туякат, как и другие подати, полностью шел в карман бека. В «салык» входили все виды налогов, взимавшихся с трудящихся в пользу местных правителей.

Под видом покрытия расходов, связанных с местным управлением, с трудовых масс собирался особый налог «чыгым». Этот налог не имел определенного размера. Пользуясь этим, беки собирали чыгым в таких размерах, какие им хотелось.

По случаю уплаты калыма за невесту, устройства аша (поминок), тоя (пир) и свадьбы, баям, бекам и биям подвластные им люди должны были делать разные приношения. Это называлось «кошумча». Правда, кошумча формально носил добровольный характер. Однако эта добровольность была весьма относительной, и кошумча фактически становился обязательным.

«Конкок алуу», т. е. прием гостей, представлял собой особый вид повинности. Беки и бии, с целью поднятия сво-

¹ Г. Загряжский. Заметки о народном самоуправлении у каракиргиз. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. III, СПб, 1874, стр. 368.

его авторитета и распространения влияния, организовывали той или аш, на который приглашались многочисленные гости. Бек имел право распределить прибывших гостей между подвластными ему людьми и обязать их в течение празднества кормить гостей и их лошадей, давать гостям жилище, постель и т. д.

Одним из видов феодальных повинностей, окутанных патриархально-родовой паутиной, является «жол-чыгым». Он собирался в случае дальнего выезда представителей феодальной знати для покрытия предстоящих расходов путника в дороге. Фактически «жол чыгым» собирался в обязательном порядке со всех семей, особенно находившихся в кровном родстве с путником.

Как видно из всего сказанного, бай, беки, бии и другие представители эксплуататорских классов, пользуясь живучестью форм патриархально-родового быта, прикрывали ими феодальные формы эксплуатации и жестоко угнетали трудовые массы.

Вышеприведенные материалы опровергают лживую концепцию буржуазно-националистических историков, утверждавших об отсутствии классов и классовой борьбы в киргизском обществе. Марксизм учит, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», «угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу...»¹.

Непомерная эксплуатация, непосильные налоги и всевозможные поборы, бесправное положение трудовых масс вызывали социальные конфликты. В интересующий нас период между феодальной верхушкой и трудовыми массами киргизов обострялась классовая борьба, хотя она не приняла широких размеров ввиду укоренившихся пережитков патриархально-родового быта. Однако нередко бывало, что бедняки, ограбленные и обездоленные, доведенные до крайности, убивали отдельных беков, баев и биев, чтобы освободиться от тяжелого гнета.

Следует также коротко остановиться на вопросах религии киргизов. Киргизы, как и все народы Средней Азии и Казахстана, исповедовали ислам. Однако среди них со-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 424.

хранились сильные пережитки шаманизма¹. Архивные и литературные источники показывают, что ислам среди киргизов развивался сравнительно слабо. В материалах по землепользованию киргизов, населявших южную часть Киргизстана, мы читаем, что «кара-киргизы чужды того религиозного фанатизма, каким отличаются многие оседлые мусульманские народности»². Л. Костенко по этому поводу в указанной работе писал: «Хотя кара-киргизы считаются магометанами, но едва ли сотому из них известно имя пророка». И. Минаев, исследовавший в середине прошлого столетия быт населения верхней части Аму-Дарьи, указывал, что в XVII веке киргизы «обратились в магометанство, а до того времени держались шаманизма»³. «Магометане они (киргизы, населяющие Алай — К. У.), — замечает Г. Е. Грумм-Гржимайло, — очень плохие, религию игнорируют и за обряды принимаются только тогда, когда аул навещает ходжа. Это бывает раз в год — в ромазан. Молиться они не умеют, а намаз совершают только старцы, причем болтают бог знает что»⁴.

Кокандские феодалы в начале XIX века, завоевав Киргизию, усиливали пропаганду магометанской религии среди киргизов, чтобы использовать ее в качестве орудия эксплуатации трудящихся. Они усиленно строили мечети, мектебы и восстанавливали мазары. Достаточно сказать, что в 70-х годах прошлого столетия в одном только г. Оше было пять медресе, в которых занимались около ста шакиров, а в Ошском вилайете — 102 мектебе, в которых учились более 1500 детей...⁵

¹ И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб, 1879, стр. 202. О бытовании шаманизма в среде киргизов более подробно говорится в работе Л. Костенко «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности». Туркестанский сборник, т. 29, стр. 48—55.

² Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской обл. (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды), Ташкент, 1915, стр. 101.

³ И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб, 1879, стр. 202.

⁴ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Очерк припамирских стран. Известия Русск. Геогр. общества, т. XXII, 1886, стр. 98—99; Турк. сборник, т. 405.

⁵ ЦГИА Уз. ССР, ф. 19, Ферганская обл., д. 968, лл. 162—173, фонды отд. общ. наук АН Кирг. ССР, инв. № 62, л. 267.

Насажждение ислама среди киргизов шло путем насилия, о чем свидетельствуют рапорт Колпаковского от 4 сентября 1873 г. «Кокандские ханы,—сказано в нем,—силою хотят подчинить жизнь киргизов шарияту»¹.

Проповедниками ислама в Киргизии являлись кокандские муллы, ишаны, калпы и хаджи. В этом деле немалую роль играла также местная знать.

Кокандские властители старались при помощи ислама держать трудовые массы в повиновении. Надо отметить, что, по сравнению с северными, южные киргизы, в результате систематического внушения мулл, оказались под влиянием ислама. Но по сравнению с другими, особенно оседлыми народами Средней Азии, влияние ислама здесь было все же слабо.

Ислам в Киргизии, как и на всем мусульманском Востоке, призывал трудящихся терпеливо переносить произвол и насилие баев, манапов, беков, датки и других феодалов. В руках феодальной верхушки ислам служил средством эксплуатации трудовых масс. Не случайно крупные феодалы имели своих мулл, а некоторые из них устраивали мектебы, в которых готовились будущие проповедники ислама.

Существование и развитие ислама в Киргизии объясняется заинтересованностью в нем киргизской феодальной знати. Ислам являлся сильнейшим тормозом хозяйственного и культурного развития коренного населения. Он притуплял классовое самосознание трудящихся масс, тормозил развитие революционного движения в Средней Азии, в том числе и в Киргизии.

Муллы, ишаны, калпы и муфтии были жестокими эксплуататорами киргизских, узбекских и других мусульманских народных масс. В свою пользу они взимали особые налоги: «ушур», «битир», «садага» и др. «Заезжие из Коканда и других городов ханства,—читаем в сборнике, составленном А. П. Хорошкиным, — муллы набирают в кара-киргизских кочевьях за свои молитвы много разного добра»².

Ушур взимался с земледельцев в размере $\frac{1}{10}$ части

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 278, лл. 1—8.

² А. П. Хорошкин. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. СПб, 1876, стр. 25, Туркестанский сборник, т. 116.

урожая, а со скотоводов — по одной голове с каждой 100 голов. «Битир» собирали во время уразы (пост) в натуральном или денежном виде. Его размеры не были точно установлены. Поэтому муллы могли требовать «битир», в каком им хотелось размере.

Бывали случаи, когда беднота, разоренная в результате феодального гнета, уклонялась от уплаты ушура и битира, но тогда муллы наказывали ослушников по шариату, а размеры уплаты увеличивались в несколько раз и взимались силою. Имущество «нарушителя» корана конфисковывалось.

Муллы не ограничивались сбором битира и ушура.

Согласно исламу, определенная часть имущества умершего должна была идти в пользу муллы. Родственники умершего обязаны были делать муллам приношения, так называемые «доорон» и «джанаса». Кроме того, существовал еще ряд подношений и подарков, шедших в карман духовенства. Так, за совершение богослужения каждый мусульманин обязан был принести мулле определенную сумму денег, которая называлась «намаз акысы».

По корану жених должен был пригласить муллу для бракосочетания и сделать ему подарки деньгами, вещами или скотом. Это называлось «нике акысы». Жених не мог уклониться от «нике», ибо в таком случае он обвинялся в нарушении правил корана, а его жена считалась незаконной.

Кроме этого, в пользу мулл шли все шкуры скота, зарезанного во время религиозных праздников «курманайта» и «орозо айта». В эти дни верующие рано утром являлись на определенное место для совершения намаза и обязательно должны были делать подарки и приношения в пользу муллы.

Таким образом, муллы при помощи религии, налагали добавочный гнет на плечи трудящихся. Киргизский народ говорил: «Где много травы, там бык поправляется, где много покойников, там мулла наживается. Остерегайся муллы, который потихоньку ходит. Остерегайся хаджи в полосатом чапане»¹.

¹ *Ашубаев и Чекменев. Киргизские пословицы и поговорки. Рукописные фонды отд. общ. наук АН Кирг. ССР, инв. № 118, стр. 28. Б. Керимжанова. Поговорки и пословицы киргизского народа. Фонды отд. общ. наук АН Кирг. ССР, инв. № 826, стр. 141.*

Эксплуатация киргизских трудовых масс муллами и ишанами ярко отражена в творчестве Токтогула. В своих острых обличительных песнях он клеймил ишанов и мулл, грабивших и обманывающих народ. В его песне «Ишан-Калпа» говорится:

Хищник в белой чалме—ишан
Разоряет твои стада.
Как стервятники—кузгуны.
Эти люди для нас страшны¹.

Не бедна ишана мошна,
Из десятка бараньих голов
В дар ишану идет одна.
Эй, наперстник бога, ишан!
Вы, калпы и муллы, и бакши!
О спасеньи ль нашей души
Вы заботитесь, господа?
Не народная ль вы беда?²

Эта песня Токтогула, относящаяся к более позднему периоду, в равной мере характеризует нравы и действия проповедников ислама 60—70 годов XIX века.

Притеснения и поборы со стороны мулл и ишанов играли немалую роль в общей системе унижения и эксплуатации киргизских трудовых масс.

В заключение можно отметить, что, несмотря на некоторые специфические особенности, указанные выше, общественно-экономические отношения у южных киргизов, как и у северных, носили патриархально-феодальный характер. Хотя земледелие на юге Киргизии, по сравнению с северной ее частью, было более развито, но все же основной отраслью хозяйства южных киргизов, как и северных, оставалось скотоводство. В среде господствующего класса на юге Киргизии встречаются такие социальные категории, как датки, бек, казы и т. п., которых не имелось у северных киргизов. Однако датки и беки по своей социальной природе мало чем отличались от манапов и баев, существовавших на севере Киргизии.

Таково было общественно-экономическое положение Южной Киргизии накануне ее присоединения к России.

¹ Токтогул Сатылганов. Избранные произведения. Москва, 1940, стр. 18—23.

² Токтогул Сатылганов. Избранные произведения. Фрунзе, 1950, стр. 20—21.

ВОССТАНИЕ 1873—1874 гг. И СТРЕМЛЕНИЕ ЮЖНЫХ КИРГИЗОВ К ДОБРОВОЛЬНОМУ ПРИНЯТИЮ ПОДДАНСТВА РОССИИ

Накануне присоединения к России трудящиеся Южной Киргизии томились под гнетом местных феодалов и кокандских ханов. Как показывают многочисленные исторические данные, гнет кокандских феодалов толкал южных киргизов искать спасения от него у своего соседа — России. Поэтому, чтобы выяснить причины стремления южных киргизов к принятию подданства России, необходимо кратко остановиться на эксплуатации трудовых масс Киргизии кокандскими феодалами во главе с ханом.

Южная Киргизия была полностью завоевана кокандским ханством в начале XIX века¹. Завоевательная политика кокандских ханов носила жестокий характер, свойственный отсталым государствам. «Подчинение киргизских родов, — писал В. Наливкин, — сопровождалось исключительными жестокостями кокандских властей»². Их на-

¹ Мир Иззет Уллы. Путешествие Мир Иззет Уллы в кокандское ханство в 1812 г. Сводный текст по английскому и французскому переводам. Перевод и примечания Ю. А. Соколова. Труды Среднеазиатского гос. ун-та, вып. 78, Исторические науки, № 11, 1956, стр. 47. В. Наливкин. Краткая история кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 78.

² В. Наливкин. Названная работа, стр. 121.

беги отличались неслыханными зверствами: нукеры грабили аулы, угоняли скот, убивали детей и стариков, сжигали кибитки, увозили женщин и девушек в гаремы вельмож поработителей.

Южные киргизы, защищая свою свободу и независимость, оказывали кокандским завоевателям сопротивление, но раздробленные на отдельные роды, ведущие междоусобные войны, в самом начале образования кокандского ханства подпали под его иго.

Ханы возвели на захваченной территории Южной Киргизии ряд военных укреплений, служивших одновременно административно-торговыми пунктами. Самыми крупными из них являлись: Дарут-Курган, Софи-Курган, Кызыл-Курган, Чиназ, Тюре-Курган и Таш-Курган¹. Дарут-Курган построен Алимханом с целью наблюдения за кочевниками нижнего Алая. В укреплении жил датка с небольшим гарнизоном, с помощью которого собирал «зякет» (сбор со скота)². При Худояр-хане, ввиду участвовавших нападений на это укрепление со стороны алайских киргизов, гарнизон был увеличен до 560 человек.

Укрепление Кызыл-Курган также построено на Алае по приказанию Мадалы-хана в 1827 г. Начальник этого укрепления Кара-бек имел власть над частью алайских киргизов. На Чаткале возведено укрепление Чиназ, начальник которого управлял всем Чаткалом. На Гульче построено кокандскими властями довольно сильное укрепление—Таш-Курган. Управители названных укреплений не зависели друг от друга. Каждый из них имел неограниченную власть в своем владении и подчинялся непосредственно хану³.

Ханские чиновники, находившиеся в укреплениях, при помощи военной силы управляли окружающими киргизами-кочевниками. Жившие в укреплениях кокандские зякетчи (сборщики) собирали с киргизов различные сборы деньгами и натурой, а торговцы вели торговлю с местным населением.

¹ А. Н. Куропаткин. Кашгария. Историко-географический очерк страны. СПб, 1879, стр. 116.

² Л. Костенко. Экспедиция в Алайские горы. Русский инвалид, 1876, № 239. Туркестанский сборник, т. 150, стр. 129.

³ В. Г. Котельников. Ферганская область. Живописная Россия, т. X, Русская Средняя Азия. СПб, 1885, стр. 209—210.

При каждом укреплении ханскими представителями были построены «зынданы» (темницы-колодцы), где томилось немало мужественных представителей киргизского народа, боровшихся против ига кокандских ханов за независимость и свободу.

На Юге Киргизии, как и во всех подвластных Кокандскому ханству землях, царили беззаконие и произвол. Ханские чиновники не останавливались и перед физическим уничтожением местного населения. Военные гарнизоны во главе с датки грабили и убивали подвластных им киргизов. Представители ханской власти имели право отбирать киргизских малолетних девушек, даже продавали в рабство детей киргизской бедноты¹.

Произвол и насилие кокандских ханов и крупных феодалов нашли отражение в киргизских народных песнях. Вот содержание одной из них:

Окружили нас
Железной решеткой.
Наши богатыри
Навсегда заключены в зындан.
Ханские джигиты в синих сапогах
Сильно оскорбили белокопачных киргизов,
Нанесли нам глубокое оскорбление.
Такая несчастная доля стала у киргизов².

Тяжесть гнета кокандских феодалов в первую очередь испытывали киргизские трудовые массы. Поэтому они неоднократно нападали на укрепления кокандцев, уничтожая представителей хана, находившихся в них. Так, по сообщению Л. Костенко в 1872 г. «гарнизон укрепления (Дарут-Курган — К. У.) вместе с даткою был захвачен врасплох алайскими киргизами и вырезан до одного человека»³. Но вскоре это укрепление было восстановлено кокандским ханом Худояром, жестоко наказавшим восставших киргизов.

¹ *Воронин и Нифантьев*. Сведения о дикокаменных киргизах. Записки Русск. Геогр. общества, кн. 5, СПб, 1851, стр. 153.

² *И. Абдурахманов*. Отражение ига кокандских ханов в народных песнях (перевод наш—К. У.). Фонды отд. общ. наук АН Кирг. ССР, инв. № 829, стр. 1.

³ *Л. Костенко*. Экспедиция в Алайские горы. Русский инвалид. № 239, 1876 г. Туркестанский сборник, т. 150, стр. 129.

В то время, когда среди трудящейся массы нарастала ненависть и созрела готовность к открытому выступлению против поработителей, основная часть местной феодальной знати нашла общий язык с кокандскими властителями. Представителям местной феодальной знати кокандский хан предоставил большие привилегии.

Киргиз Алимбек, получивший от хана звание датки, занимал высокую должность при хане и имел большое влияние в ханском дворце¹. В 1868 г. он был убит за участие в заговоре против кокандского хана. После смерти Алимбека его жена Курманджан-датка заняла место своего мужа. От хана Худояра она получила за свои заслуги высокое звание «Датки Алая». Старшего сына Курманджан-датки Абдуллу-бека Худояр-хан в 1865 г. назначил хакимом Ошского вилайета (область).

Вся власть в Киргизии находилась в руках ханских представителей и их помощников—киргизской феодальной знати, а многочисленная киргизская беднота была бесправной. Кокандский хан дал своим представителям в Киргизии неограниченное право управления местным населением. В «Военно-статистическом сборнике» об этом читаем: «Управление в Коканде деспотическое, но непосредственная власть хана ограничивается только городом и его округом. Остальная часть ханства управляется беками и хакимами, которые пользуются, в пределах вверенных им округов, неограниченной властью»². Говоря о гнете кокандских властителей, ни в коем случае нельзя забывать о борьбе между крупными феодалами за власть.

Начиная с 40-х годов XIX в. и почти до падения Кокандского ханства, т. е. до 70-х годов, должность ляхкари (главнокомандующий ханскими войсками) занимали представители киргизских и кипчакских крупных феодалов. Они стремились использовать недовольство трудящихся Южной Киргизии и взять власть в Коканде в свои руки³.

Борьба за власть в ханстве между знатью кочевых и

¹ Ч. Ч. Валиханов, Соч., СПб, 1904, стр. 75.

² Н. Обручев, Военно-статистический сборник, вып. III, СПб, 1863, стр. 130.

³ ЦГИА Уз. ССР, ф. I, оп. 34, д. 25, лл. 6—10.

оседлых народностей особенно усилилась в 50—60 гг. XIX в.

В 1853 г. кокандский хан казнил регента, кипчака Мусульманкула, управляющего ханством в течение 8 лет. Вместе с тем Худояр-хан отдал приказ «стереть с лица земли всех кипчаков и киргизов». Их убивали повсеместно, начиная от Оша и Ак-Мечети до самых отдаленных восточных пределов Коканда, убивали в городах, на базарах, дорогах и в кишлаках. Нарочно посылались отряды для их истребления¹. Таким образом, в течение трех месяцев было варварски убито 20 тысяч кипчаков и киргизов². По словам В. Наливкина, «в Коканде трупы валялись повсюду, весной они начинали разлагаться: по всему Коканду стоял смрад». Послушные Худояру палачи убивали не только активных сторонников Мусульманкула, но и сотни кипчакских и киргизских детей, стариков и женщин.

Особенно сильно пострадали кипчакские и киргизские дехкане. По приказу Худояр-хана их земли были конфискованы и продавались по пониженным ценам. Но узбекские дехкане, сочувствуя тяжелому положению кипчакской и киргизской бедноты, отказывались покупать эти земли. Тогда Худояр-хан стал осуществлять свой приказ принудительным порядком, жестоко наказывая тех, кто уклонялся от выполнения его воли³.

Сотни дехкан, земли которых были отобраны ханом, оказались жертвой голода, наступившего весной 1854 года.

Борьба между знатью кочевых и оседлых народов за власть разоряла хозяйства трудящихся, вела к человеческим жертвам. Вместе с тем она толкала узбекских и киргизских трудящихся на совместную борьбу против феодальной эксплуатации.

Кокандское ханство, будучи отсталым феодальным государством со слабо развитой экономикой, удерживало власть над рядом народностей Средней Азии при помо-

¹ Н. Нурекин. Очерк истории Коканда с 1841 по 1864 г. Туркестанские ведомости, № 35, 5 сентября 1872 г.

² А. Л. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине. Военный сборник, 1876, № 4, стр. 421—422.

³ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань. 1886, стр. 180.

щи военной силы. Ханы игнорировали киргизские обычаи и нравы. В рапорте Колпаковского от 4 сентября 1873 г. говорится, что кокандские ханы силою хотят подчинить жизнь киргизов шариату¹. Пренебрежение ханов к народным обычаям киргизов отмечала и газета «Санкт-Петербургские ведомости». В ней 28 сентября 1874 г. сообщалось: «Политика прежних кокандских властей возобновлена Худояр-ханом еще в большей степени. Кочевое население, имеющее свои особые нравы и обычаи, насильственно начали подчинять шариату»².

Чтобы держать киргизов в покорности, кокандские властители использовали реакционное учение ислама, разжигали ненависть между трудящимися узбеками и киргизами. Однако узбекские и киргизские народные массы, испытывавшие одинаковый гнет, стали понимать, кто является их общим врагом. У них было одно стремление — избавиться от кабальной эксплуатации. И в борьбе против феодального режима они поддерживали друг друга, крепла дружба между ними. В рапорте полковника Вейенберга говорится, что если не было солидарности между киргизами и узбеками, «то не потому, что они относились враждебно один к другому: подобные отношения существуют только между главными представителями этих народностей, а хлебопашец или работник вполне сочувствует кочевнику, живущему своими стадами»³.

Близость и дружба между узбекскими и киргизскими народными массами не ограничивалась только совместной борьбой против феодально-ханского гнета. Эти две братские народности имели много общего в экономике и культуре. Южные киргизы, по сравнению с северными, находились в более тесных отношениях с узбеками, оказывая взаимное влияние на обычаи, нравы, а также развитие культуры и хозяйства друг друга. В развитии земледелия, особенно в расширении оросительной сети, на южных киргизов имели определенное влияние узбекские дехкане.

Вражда проявлялась только между узбекскими и кир-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 32, д. 278, лл. 1—8.

² Санкт-Петербургские ведомости, 28 сентября 1874 г., № 268.

³ ЦГВИА, фонд ВУА, д. 6874, л. 22.

гизскими феодалами. Как уже говорилось выше, киргизская феодальная знать, претендуя на высокие должности в ханском правительстве, боролась с узбекской феодальной верхушкой, используя своих сородичей. При этом узбекские и киргизские феодалы наживали большие богатства. Так, Худояр, собирая огромные средства с подвластных ему трудовых масс, стал первым миллионером в ханстве. Его богатство доходило до 7 млн. рублей золотом¹.

Худояр-хан был ярым деспотом. Достаточно сказать, что по его приказанию только за пять лет (1866—1871 гг.) было казнено более 3000 человек. Казнил он даже за то, что бедняк приобретал сад, начинал строить дом и вообще устраивать свою жизнь не так, как хотелось хану..²

Наиболее жестоким пыткам подвергались люди, участвовавшие в восстании против ханской власти. Современник Худояра М. Алибеков в своих воспоминаниях писал, что ноги восставших «связывали крепко веревкой, между ними заколачивали кол, ноги опускали в воду, где кол разбухал и причинял страшную боль, забивали под ногти деревянные гвозди»³.

Тяжелым гнетом ложилась на трудящихся узбеков и киргизов служба в ханских войсках. Определенного срока службы не было. В мирное время южные киргизы должны были представить для службы в ханских войсках 500 всадников⁴.

Но этим кокандские ханы не ограничивались. По сообщению Чокана Валиханова, в военный период с киргизов собирались еще вспомогательные войска⁵ в неопределенном количестве — столько, сколько требовалось кокандским ханам для ведения войны.

Между ханствами Средней Азии происходили частые

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 557, л. 5. Миддендорф. Очерк Ферганской долины. СПб, 1882, стр. 422.

² А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, т. 1, 1875, стр. 55—56.

³ М. Алибеков. Домашняя жизнь Худояр-хана. Ежегодник Ферганской области, том II, вып. 1903, Новый Маргелан, 1903, стр. 113.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254, л. 31.

⁵ Ч. Валиханов. Соч., СПб, 1904, стр. 446—447.

столкновения, которые требовали немалого числа воинов. Поэтому значительная часть южно-киргизской молодежи насильно забиралась в ханские войска. Условия службы были очень тяжелые. Джигиты должны были сами себя обеспечивать конями, военным обмундированием, оружием, а также продуктами питания. За военную службу им ничего не платили¹. В случае смерти воинов их семьям не оказывалось никакой помощи, а в условиях междоусобных феодальных войн было немало человеческих жертв.

Уклонявшиеся от военной службы подвергались пыткам. Феодальная знать занимала командное положение в армии, но она могла откупиться от военной службы.

Особенно разоряло киргизских дехкан вытеснение их из плодородной Ферганской долины. Начиная с первого же кокандского хана Алима, земли мелких и средних киргизских дехкан систематически захватывались в пользу хана и кокандских крупных феодалов. Об этом В. Наливкин писал: «...к настоящему времени киргизы оказались совсем почти вытесненными из среднего пояса Ферганской долины, где теперь лишь некоторым из них принадлежат небольшие участки культурной земли с курганами (хутор)»². Изъятие земли киргизских дехкан особенно усилилось в период правления Худояр-хана³.

Дехкане, лишенные земли, вынуждены были работать на самых тяжелых условиях у хозяев. Часть дехкан, отесненная из плодородной Ферганской долины, переселялась в горные районы Алая, Гульчи и Чаткала, где стала обслуживать хозяйства крупных скотоводов.

Ханы не трогали земли непосредственно находившиеся в собственности киргизских феодалов. Вытеснение из плодородных долин тормозило оседание кочевников, развитие земледелия и вообще препятствовало экономическому развитию южных киргизов.

Наряду с другими повинностями, киргизская и узбекская беднота обязана была бесплатно выполнять государственные и ханские работы. Они несли следующие

¹ ЦВИА Уз. ССР, фонд 1, оп. 34, д. 122, лл. 8—9.

² В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 34.

³ ЦГИА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 22683, л. 4.

Великому Шейху Бухарскому
и Ферганской области

В. А. Н.

Премьеру В. на Г. и Г.
Р. и Г. и Г. и Г.

1 (1881)

Мирному Киргизскому Каймаку
и Каймаку Ферганской области,
Ташкенту, Самарканду,
Ургенчу, Бухаре, Хиве,
Коканду, Заранду, Мерв
и Афганистану,

Прощение

В то время когда Киргизы,
Ташкентцы, Самаркандцы, Мервцы,
Ургенчане, Бухарцы, Хивинцы,
Кокандцы, Зарандцы, Мервцы
и Афганцы, проматывали нашу
землю. В то время когда
Киргизы, Ташкентцы, Самаркандцы,
Мервцы, Ургенчане, Бухарцы,
Хивинцы, Кокандцы, Зарандцы,
Мервцы и Афганцы, проматывали
нашу землю. В то время когда
Киргизы, Ташкентцы, Самаркандцы,
Мервцы, Ургенчане, Бухарцы,
Хивинцы, Кокандцы, Зарандцы,
Мервцы и Афганцы, проматывали
нашу землю.

Начало прошения жителей киргизского кишлака Кызыл-Аяка
начальнику Ферганской области о возвращении им земли, изъятой
Худояр-ханом (дается в переводе на русский язык).

трудовые повинности в пользу ханов, беков и других представителей феодальной знати: ремонт оросительных систем, сооружение новых каналов, починка дорог, мостов, постройка и ремонт крепостных стен и дворцов.

Условия работы были нетерпимые. В своей одежде, со своими орудиями труда, ничего не получая за работу, целыми годами работали бедняки у хана. Н. Петровский приводит слова одного дехканина: «С нас ташат за все: за караул лавок, за место на базаре, где мы временно останавливаемся со своими возами, за купленную пиялку, за проданный хворост и солому. На ханские работы выгоняют тысячи людей: рабочим не только не дают пищи, но еще с них берут деньги»¹. Люди, работающие на государство и ханов, массами умирали от голода и разных болезней (цинга, тиф, оспа и др.). Опоздавших или не выходивших на работу ждали невыносимые пытки. О варварских наказаниях за отказ или уклонение от работы даже царский чиновник Кауфман вынужден был 14 августа 1874 года в своем отчете сообщить: «В случае неявки их на работы люди эти наказываются палками, причем случается, что их забивают до смерти. Иногда бывает и то, что несчастных ослушников ханской воли живыми зарывают в землю»². Кокандский бедняк, живший в 70-х гг. XIX в., говорил: «Избави боже, если кто-нибудь уклонится от работы: бывали примеры, что таких людей на самом месте работы живыми зарывали в землю»³.

Киргизы, попав под власть Кокандского ханства, подобно узбекским трудовым массам, были обложены различными натуральными и денежными поборами. Особенно «в последние годы своего царствования Худояр-хан изыскивал всевозможные средства для увеличения своей казны и личной наживы за счет своих подданных»⁴. Количество поборов и податей, взимаемых с южных киргизов, продолжало расти с каждым годом. Если киргизы в

1 Н. Петровский. Очерк Кокандского ханства. Вестник Европы, книга X, 1875, стр. 745.

2 ЦГВИА, фонд ВУА, д. 6868, лл. 111—112.

3 Н. Петровский. Очерк Кокандского ханства. Вестник Европы, книга X, 1875 г., стр. 745.

4 ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 113.

40—50 гг. XIX века в основном платили только три вида податей: «тюндук зякет», «алал зякет» и «харадж», то в 70-х годах прошлого столетия они платили 20 видов поборов и податей¹.

Были специальные люди, занимавшиеся придумыванием новых видов налога. Эти люди получали награду и подарки от хана за каждую новую, придуманную ими форму обложения. Так, Иса-Аулиэ, придумавший несколько видов новых налогов, был быстро выдвинут Худояр-ханом из простого писаря в ханские вельможи.

В период царствования Худояр-хана взимались налоги со скота, с торговли, с земледелия, с фруктовых деревьев, с угля, обжигаемого в горных лесах, с камыша, с сена, с каждой купли и продажи на базаре, с разных товаров, со съестных припасов и со всякого имущества. Даже с колючки, с хвороста, с жизьяка и со всякого бурьяна, собираемых для топлива, взимались налоги². Но алчный Худояр-хан этим не ограничивался. Он взимал налоги в размере $\frac{1}{40}$ части с имущества умерших. С девушки, вступившей в замужество, взималось 10 тенге (2 рубля), а с вдовы — 5 тенге (1 рубль). Еще больший налог взимался с жениха³. Все эти налоги составляли неисчерпаемый источник обогащения жадного хана, обиравшего до нитки своих подданных.

Количество поборов и податей продолжало беспрерывно расти. Накануне присоединения Южной Киргизии к России размер зякета увеличился в несколько раз. Кроме того, собирали военный налог в размере трех овец и одной лошади с юрты. Военные сборы по положению должны были взиматься во время войны, но ханские сборщики делали это и в мирное время.

Наряду с вышеуказанными налогами, киргизы обязаны были снабжать хлебом кокандские гарнизоны, давать скот на продовольствие не только хану, но и его чиновникам, кормить сборщиков податей. «...Кокандцы брали с помощью всевозможных насилий до 6 баранов с

¹ Н. П. Пантусов. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве, Туркестанские ведомости, № 17, 1876.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 113—114.

³ Н. П. Пантусов. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве. Туркестанские ведомости, № 17, 1876.

кибитки, — писал С. Зыков, — в это число не входили еще «подарки», даваемые киргизами как главному зякетчи, так и его помощникам»¹.

Каждый ханский сборщик старался собрать налога больше установленной нормы, ибо лишние суммы полностью шли в его карман. «Определенного жалования сборщики не получали, — писал В. Г. Котельников. — Они отчисляли себе определенную ярлыком часть из собранного»².

Самым тяжелым налогом являлся «зякет». Если в 30-х годах XIX в. со 100 голов скота бралось в зякет по одной голове, то в 40—50-х годах XIX столетия по одной бралось уже с 40 голов. В 70-х годах прошлого века размер зякета, собираемого с южных киргизов, резко увеличился: по одной голове взималось уже с 25 баранов. Эта норма была распространена также на крупный рогатый скот и на лошадей. С пяти верблюдов брали в зякет одного барана³.

Как видно, размер зякета непрерывно возрастал. Зякет взимался не только со скота, имевшегося в наличии, но иногда брался и за погибший в период джута.

Этот налог должен был взиматься по обычаю один раз в год ранней весной, но фактически взимали его в год несколько раз.

Взимание налогов с трудовых масс ханскими сборщиками сопровождалось обычно применением пыток и избиением налогоплательщиков, а иногда продажей их детей в рабство. В. Наливкин о действиях одного из ханских правителей писал: «По своей жестокости и алчности Мирза-Ахмет оказался слугою, вполне достойным своего господина. Так, например, собирая с киргиз недоимки, он продавал их малолетних детей в рабство»⁴.

Бывали случаи, когда ханские сборщики, собирая подати и поборы убивали людей, отказавшихся от уплаты.

¹ С. Зыков. Очерк утверждения русского владычества на Аральском море и р. Сыр-Дарье. Морской сборник, № 6, СПб, 1862, стр. 308.

² В. Г. Котельников. Ферганская область. «Живописная Россия», т. X. Русская Средняя Азия. СПб, 1885, стр. 210—211.

³ Н. П. Пантусов. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве, Туркестанские ведомости, № 17, 1876.

⁴ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 186—187.

В письме киргизов полковнику Перемышльскому от 16 августа 1855 г., где выражается просьба о принятии их в подданство России и оказании им помощи в борьбе против ханской власти, говорится: «Из-за страха даем кокандцам зякет, но не по доброй нашей воле»¹.

Зякетчи во время сбора отбирали у киргизов все то, что им нравилось: скакунов, ценные вещи, зерно и т. д. Мало того, зякетчи требовал, чтобы периодически поставляли в ханский гарем несовершеннолетних девушек.

В записке одного царского чиновника о грабеже трудящихся киргизов ханскими сборщиками сказано: «К тому должно присовокупить, сбор этой подати сопровождается в Коканде столь большими злоупотреблениями, что едва ли тамошние киргизы не отдают ежегодно двадцатой части стад своих. Сборщики, посылаемые правительствами областей, позволяют себе, по словам самих кокандцев, разные притеснения и через то вынуждают подарки и прибавку, сверх законного положения»².

Особенно зверски опустошались ханскими сборщиками те аулы и кишлаки, жители которых открыто выражали недовольство тяжелым ханским гнетом. Собиратели налога, грабя и разоряя эти кишлаки и айлы, брали все, что попадало им под руку. Они угоняли табуны лошадей, отары овец и стада коров. Сборы податей в этих районах отмечались кровавыми насилиями.

Разорение бедных от налогов, взимаемых с киргизов, подчеркивается и в киргизской народной песне:

Кокандцы собрали юных девушек,
Забрали мастериц-женщин,
Забрали у нас скакунов и иноходцев,
Забрали отборных верблюдов.
На службу забрали джигитов,
С земледельцев забрали хорадж.

Вся тяжесть налогового гнета ложилась на плечи киргизских трудящихся. Представители феодальной знати всякими путями освобождались от ханских налогов или платили лишь незначительную долю. Покровительство-

¹ ЦГИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32а, лл. 3—7.

² ЦГВИА, фонд ВУА, д. 19254, л. 39.

вавший в то время хану А. Куропаткин, посетив Киргизию в 1870 году, писал: «Зажиточные люди или вовсе освобождаются от уплаты, или с них берется ничтожный процент с урожая и со скота. Хорадж, вместо 10 процентов, берется с богатых в размере 2 процента, а с бедных—20 процентов и выше»¹.

Крупные беки и датки наживались за счет налогов, которыми облагалось местное население. Поэтому они оказывали большую помощь представителям ханской власти в сборе всех податей и поборов.

Несостоятельные бедняки вынуждены были обращаться с просьбой к баям. Баи, платившие налоги за бедняков, помимо долга, взимали большие проценты. Немало бедняков вынуждено было всю свою жизнь работать у феодала за недоимки.

Долги умерших налогоплательщиков переходили на сыновей или близких родственников. В случае отсутствия у умершего недоимщика сыновей или близких родственников, его имущество конфисковывалось в пользу хана. Жаловаться было некому и некуда.

Киргизские трудовые массы, разоренные непомерными налогами, нередко нападали на ханских сборщиков и отнимали у них скот, имущество и деньги, собранные с местного населения. О таких случаях рассказывает М. Терентьев: «Когда серкеры, т. е. сборщики, возвращались со сборов податей, то по дороге им устраивали засады, грабили их до последней копейки»². Было немало случаев убийств ханских сборщиков киргизской беднотой, измученной многочисленными поборами.

Голод, охвативший целые аулы и кишлаки, а часто всю Южную Киргизию, стал обычным явлением. В киргизском обществе господствовали мракобесие и бесправие.

Трудящиеся оставались сплошь неграмотными, а наука и письменная литература для них были недоступны. Двойной гнет кокандских властителей и местных феодалов с каждым годом усиливался, положение народных

¹ А. Н. Куропаткин. Кашгария. Историко-географический очерк страны. С.-Петербург, 1879, стр. 41.

² М. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Петербург, 1906, том II, стр. 332—333.

масс становилось все хуже и хуже. В результате киргизский народ был обречен на голод и вымирание.

В этих невыносимых условиях народные массы Южной Киргизии поднимались на решительную борьбу за право на жизнь, за существование, и в этой борьбе искали поддержки у своего могущественного соседа—России, твердо решившись перейти в ее подданство.

Вопрос присоединения Южной Киргизии к России очень тесно связан с народно-освободительным восстанием южных киргизов против господства Кокандского ханства 1873—1874 гг. Восставшие, борясь против Кокандского ханства, неоднократно обращались к русским властям за содействием, просили о принятии их в подданство России (о причинах этого более подробно будет сказано ниже).

После подавления восстания ханскими войсками значительная часть восставших перекочевала на территорию Северной Киргизии, которая до этого уже была присоединена к России. Поэтому необходимо остановиться на восстании 1873—1874 гг.

Грабежи, насилие и произвол, чинившиеся представителями ханской власти, вызывали среди обнищавших и разоренных трудящихся киргизов и узбеков ответные действия против угнетателей. В 1845 г. восстали ошские киргизы¹. В 1856 г. поднялось на восстание племя адигине. Вскоре к нему присоединилась значительная часть и других киргизских племен. Восстание охватило почти всю Южную Киргизию². Сорок тысяч человек вооруженных союлом (палками), плетями, саблями, айбалта (боевыми топорами), отчасти огнестрельными ружьями и четырьмя легкими орудиями, двинулись навстречу ханскому карательному отряду. Единого командования войсками восставших не было, но при каждом роде был свой датка. Сражение повстанцев с ханским карательным отрядом произошло в местности Самгар недалеко от г. Маргелана. Большая часть повстанцев скрывалась от неприятеля в оврагах и ямах, а меньшая выступила

¹ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань. 1886, стр. 161.

² Показания участника восстания Махамед-Музабека Джумабаева, записанные 30 января 1868 г. ЦГИА Уз. ССР, фонд 1, оп. 34, д. 25.

вперед навстречу карательному отряду. Когда завязалась битва, сражавшаяся часть восставших отступила назад, а неприятель бросился вдогонку. В это время вступила в бой скрывавшаяся часть повстанцев и обратила ханский отряд в бегство. В этой битве карательный отряд был полностью разбит. Восставшие, одержав блестящую победу, заняли город Маргелан, где простояли 10 дней¹.

Под влиянием восстания киргизов происходили волнения и возмущения против Худояр-хана и его чиновников и в других городах и кишлаках Кокандского ханства. Часть недовольных трудящихся кипчаков и узбеков присоединилась к восстанию. Вскоре повстанцы подошли к г. Коканду. Жители этого города отворили ворота, а Худояр-хан бежал в Бухару, откуда он вернулся лишь через 9 лет, т. е. в 1865 году при помощи бухарского эмира.

После бегства Худояра ханом был провозглашен Малля-хан, и киргизы, кипчаки возвратились в свое кочевье. Отдельные из их начальников получили места в кишлаках, а некоторые остались при Малля-хане². Однако положение народных масс Южной Киргизии не улучшалось и при новом хане.

Среди алайских киргизов в 1858 г. вспыхнуло восстание, угрожавшее власти Кокандского ханства в Южной Киргизии. Такое же восстание возникло в 1859 году в Гульче. По сообщению А. Федченко, в 1871 г. на борьбу с поработителями снова поднялись алайские киргизы³. «Причиной нынешнего восстания,— читаем в заметке из Средней Азии, — было увеличение зякета со скота и обложение пошлиною дикорастущих фруктовых деревьев в горах близ Оша. Плодами этих деревьев пользуются черные киргизы»⁴.

Но все эти разрозненные выступления подавлялись ханскими карательными отрядами. За подавлением, как правило, следовала жестокая расправа, сопровождавшаяся

¹ ЦГИА Уз. СССР, ф. 1, оп. 34, д. 25, лл. 5—6.

² Там же.

³ А. Федченко. Путешествие в Туркестан, т. I, часть II, СПб, 1875, стр. 95—97.

⁴ Биржевые Ведомости, 1873, № 337. Туркестанский сборник, том 73, стр. 45.

массовыми убийствами и грабежами населения. «Кокандские власти возбуждали против себя негодование кочевников, — говорится в отчете ген-адъютанта фон-Кауфмана, — негодование которых несколько раз переходило в открытую ожесточенную борьбу. По усмирении мятежа каждый раз наступали многочисленные казни, жертвы насчитывались не десятками, а сотнями»¹.

Экономическое и политическое порабощение трудящихся, истязания и пытки по-прежнему продолжались в Южной Киргизии. Терпению обездоленных скотоводов и земледельцев наступил предел. Десятилетиями накапливавшаяся ненависть к ханам и их пособникам—местным феодалам привела к крупному восстанию в 1873—1874 гг., которое охватило всю Южную Киргизию и юго-восточную часть Кокандского ханства. В нем участвовало более сотни тысяч человек, и оно сыграло большую роль в присоединении Южной Киргизии к России. О причинах возникновения восстания в секретном отчете Кауфмана от 1881 года читаем: «С 1873 года начинается целый ряд восстаний и беспорядков в ханстве, вызванных жестокостью, алчностью хана и непомерными налогами и поборами, взимающимися по приказанию владельца Коканда с населения»².

Восстание началось в апреле 1873 г. Поводом послужило увеличение налогов, взимаемых кокандцами. Весной 1873 г. к киргизам, кочующим на юго-востоке Коканда, явились ханские зякетчи и потребовали от них уплаты «зякета» и «хараджи», размеры которых были увеличены в 3 раза³. Киргизы, решительно отказавшись от уплаты названных налогов, избили приехавших к ним сборщиков. Несколько зякетчи было убито, а имущество и скот, собранные ими с местного населения, отобраны восставшими. Получив об этом сведения, Худояр-хан отправил против восставших карательный отряд, состоявший из многочисленных регулярных сипаев (кавалерии) во главе с беком Алимианом, с приказом «наказать киргизов».

¹ ЦГИА Уз. ССР, фонд. 1, оп. 34, д. 346, л. 113.

² Там же, л. 185.

³ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 114. Ю. А. Россель. Среднеазиатская культура и наша политика на востоке, Вестник Европы, 1878, № 6—7, Турк. сборник, т. 222, стр. 606—607.

Тем временем восстание быстро распространилось по всему Алаю и Гульче. Количество повстанцев резко увеличилось. К восставшим киргизам присоединилась значительная часть кипчаков. Но в ожесточенной битве плохо вооруженные повстанцы были разбиты карательным отрядом. Началась варварская расправа с восставшими. Действия карательного отряда были настолько жестоки-ми, что 20 тыс. кибиток киргизов и 10 тыс. кипчаков вынуждены были бежать в предгорья Кашгар-Даван в местности Кирлик и Хазараты, которые считались неприступными для кокандских войск¹.

Никакие жестокости не могли, однако, сломить духа восставших. Они готовились к новому выступлению. Узнав об этом, Худояр-хан в мае 1873 г. послал против них карательный отряд под командованием Абдуррахмана Афтобачи. Афтобачи, увидев силы и настроение повстанцев, побоялся предпринимать против них военные действия. Он, выдавая себя за сторонника восставших, советовал им не выступать против власти Худояр-хана и не проливать кровь, а лучше послать к хану, «в знак примирения и покорности», делегацию в количестве 40 человек. Повстанцы поверили Афтобачи и послали к хану делегацию, которая должна была объяснить тяжелое положение восставших киргизов и кипчаков и просить о сокращении размеров податей и поборов; особенно зякета.

Афтобачи со своим отрядом явился к хану, как усмиритель восставших. По приказу Худояра все делегаты были казнены.

Восставшие стали готовиться к новому вооруженному выступлению.

В июне 1873 г. киргизы и кипчаки, собравшиеся в Кирлике и Хазараты, двинулись оттуда в сторону Ферганы. Они без боя заняли Узген, являвшийся главным стратегическим укреплением Кокандского ханства для поддержки его власти над Алаем и Гульчой. Ханская казна, хранившаяся в этом укреплении, была захвачена восставшими, а представители ханской власти во

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 278, лл. 16—18; оп. 34, д. 196, лл. 28—30.

главе с комендантом укрепления Алим-Кипчаком-убиты¹.

Повстанцами взято также укрепление Сук, а военный гарнизон хана, находившийся здесь, уничтожен. Худояр-хан отправил против восставших карательный отряд под начальством своего брата Муратбека, являвшегося беком города Маргелана. Его отряд потерпел полное поражение. Восставшие без боя взяли Ош, Сузак, Булак-Баши, Уч-Курган и другие города и кишлаки; трудящиеся переходили на сторону восставших, а беки и старшины бежали.

Худояр-хан, боявшийся оставаться в Коканде, переехал в Маргелан и послал против восставших карательный отряд во главе с Абдурахманом Афтобачи и наманганским беком Шаумило. На этот раз Афтобачи не удалось обмануть восставших и задержать их выступление.

Между повстанцами и карательным отрядом произошел ряд столкновений. В последней битве, происшедшей недалеко от Тюре-Курана Афтобачи потерпел поражение, его войска разбежались, а он сам бежал в Тюре-Курган, откуда — в Коканд. После этого восставшими был взят Андижан².

Восстание, охватывая все новые и новые районы Южной Киргизии, распространялось и на Ферганскую долину. В нем принимали участие киргизские роды мундуз, кушка, багыш, басым (каманы) и кара-багыш. Во главе восставших стоял Мамыр, они заняли город Ханабат³. Против них был направлен регулярный карательный отряд. В битве недалеко от Ханабата повстанцы, «имея дурное вооружение, состоящее из пик, союлов и сабель», не могли противостоять относительно хорошо вооруженным ханским войскам и потерпели поражение. С обеих сторон были большие потери. Восставшие потеряли убитыми 300 человек; кроме убитых, были и пленные, которых распределили между кишлаками по 5 — 7 человек и посадили на кол⁴. Мамыр со 100 джигитами бежал в кочевья

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 196, лл. 27, 28.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 196, лл. 27, 28, 30.

³ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 278, лл. 43—46.

⁴ Там же.

племени адигине¹. К весне он перешел на урочище Тогуз-Торо с той целью, чтобы втянуть киргизов в общую борьбу против Худояр-хана. Потом он обратился к туркестанской администрации с просьбой принять его в русское подданство. Но на эту просьбу Мамыра царское правительство долго не давало ответа. Поэтому Мамыр, преследуемый ханским карательным отрядом, перешел в Кашгар в надежде получить поддержку кашгарских киргизов в борьбе против Коканда. Вернувшись из Кашгари в апреле и мае 1874 г., он снова стал во главе восставших киргизов, о чем будет сказано немного ниже.

После битвы под Ханабатом значительная часть восставших киргизов, в поисках спасения у русских, перекочевала на территорию Токмакского уезда.

Вскоре после ханабатского поражения восстали адигиненцы. К ним присоединилась часть трудящихся кипчаков. Но они были быстро разбиты ханскими карательными отрядами².

Очаги восстания продолжали возникать в разных районах Южной Киргизии. Летом 1873 г. поднялись на восстание киргизы-кутлуксеидовцы и найманцы. Во главе восставших стал Мулла Исак Хасан Оглы, выдававший себя за внука Алим-хана—Пулат-хана.

Мулла Исак был сыном Хасана из киргизского рода бостон племени ичкилик. Его отец работал мударисом Маргеланского «Ак-мадраса». После окончания сельского мектеби он учился в кокандском мадрасе — «Тумкатаре», а потом — маргеланском «Ак-мадрасе». В 1867 году, бросив учебу, он поселился на жительство в кочевье своего рода бостон вблизи кишлака Сока, а в 1869 г. переехал в родной кишлак Ухне, где некоторое время работал иманом. Вскоре Мулла Исак поселился в г. Андижане. Здесь он служил иманом при одной из городских мечетей и одновременно занялся торговлей табаком. По торговым делам ему приходилось часто ездить в Ташкент. В Ташкенте он познакомился со старым воином, сподвижником бывшего кокандского ляхкари киргиза Алым-Кула, Кураминцом Абду-Мумином Аталыком. Абду-Мумин кочевал на Чаткале. В 1867 г. он поселился в Ташкенте. У этого Абду-Мумина в качестве работника остался жить Мулла Исак. Абду-Мумин со своими рассказами о выступлениях против кокандских ханов оказывал значительное влияние на молодого Мулла-Исака. «Вероятно рассказы Абду-Мумина о Мусульманкуле, Алымкуле, о восстаниях киргизов и кипчаков, потрясавших ханство

¹ ЦГВИА, фонд ВУА, д. 6868, лл. 175—176.

² ЦГИЛ Уз. ССР, фонд. 1, оп. 31, д. 278, лл. 43—46.

и ставивших на престол своих ханов, произвели сильное впечатление на молодого Мулла-Исака и породили в нем стремление к приключениям». (Н. П. Кoryтов. Самозванец Пулат-хан. Ежегодник Ферганской области. Новый Маргелан. Вып. 1902 г., стр. 20).

Восставшие киргизы ввиду своей политической отсталости и забитости пытались избавиться от кокандского гнета путем свержения жестокого Худояр-хана и провозглашения на его место более «справедливого» хана. Именно с такой целью в 1872 г. депутация киргизов во главе с Ширдаткой приехала в г. Самарканд, где в одном из мадрасе проживал внук Алим-хана — Пулат-бек и вошла с ним в тайное сношение. Депутаты предложили Пулат-беку ехать с ними в Наманганский вилайет и там объявить себя ханом, ручаясь ему за полную поддержку киргизских родов, но тот отказался. Депутация на обратном пути заехала в Ташкент и остановилась в доме Абду-Мумына, которому рассказала о своей неудаче в попытке найти «справедливого» хана. Эти разговоры слушал и Мулла-Исак. Через Мумына он предложил себя вместо внука Алим-хана. Мулла Исак изъявил полное желание принять имя Пулат-хана, на что и депутаты с радостью согласились (Н. П. Кoryтов, названная работа, стр. 20—22).

Вскоре Мулла-Исак, выдавая себя за Пулат-хана, в сопровождении 200 вооруженных киргизов, появился на Чаткале. Амины и аскалы ближайших Чаткалу кишлаков (Ала-Бука, Ахтам, Нанай, Кук-яр, Мамай и Сафит-Булян) признали Пулат-хана. (В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886 г., стр. 213. Н. Павлов. История Туркестана, Ташкент, 1910, стр. 174).

Заняв кишлаки Ахмат, Наная и Кок-Яра, восставшие приближались к г. Намангану. Против них был направлен карательный отряд во главе с наманганским беком. Не решаясь сразиться с восставшими, отряд 2 дня стоял в кишлаке Сафит-Буляне. Тем временем восставшие напали ночью на его позиции, расположенные между Сафит-Буляном и Ала-Букой, и нанесли ему большой урон.

На следующий день ханский отряд вынужден был вступить в сражение. Он двигался на реку Ала-Бука, занятую повстанцами. Повстанцы вышли навстречу ханским войскам, в нескольких верстах от Ала-Буки они встретились. Их разделял широкий овраг с обрывистыми берегами. Обе стороны оглашали воздух неистовыми воинственными криками, по вечерам раздавались ружейные выстрелы, но ни те, ни другие не решались перейти овраг. Наконец восставшим это надоело, и часть их стала спускаться в овраг. «При виде такой отваги беки одними из первых пустились наутек; за ними бежали их войска; киргизы бросились в погоню, догнали задних и перебили их».

В этой битве отряд наманганского бека был разбит. Повстанцы заняли кишлаки Кукумбая и Юмалах-шейха¹. Но вскоре они потерпели поражение в борьбе с карательным отрядом, посланным Худояр-ханом из городов Намангана, Тюра-Кургана и Яны-Кургана. После поражения Пулат-хан бежал на Чаткал. За ним был послан карательный отряд. Но Пулат-хану удалось благополучно спастись от преследования. Ханский отряд подверг жестокому грабежу киргизские аулы, жители которых принимали участие в восстании.

Одновременно с кутлук-сеитовцами и найманами восстали киргизы, кочующие к северу от Намангана, которые разбили ханский отряд, возглавлявшийся беком Гадаймаем, и приблизились к Намангану. Но вскоре они тоже потерпели поражение в борьбе с новым ханским карательным отрядом².

В середине 1873 г. восстание распространилось по всей Южной Киргизии. Вскоре восстали ляйлякские киргизы. Поводом к этому восстанию послужило следующее обстоятельство. К ляйлякским киргизам явились ханские сборщики и потребовали от них уплаты зякета. Ляйляковцы обратились к начальнику зякетчей с просьбой. предоставить им семидневный срок для уплаты налога. Последний не только не удовлетворил просьбу ляйляковцев, но, наоборот, угрожал донести о них хану, как о непокорных злодеях.

Кокандский начальник приказал своим джигитам разогнать толпы людей, собравшихся вокруг него. Джигиты начали бить невооруженных ляйляковцев. Киргизы, не выдержав насилий ханских сборщиков, убили самого начальника зякетчи и четырех его охранников³. Все имущество и скот, собранные зякетчи с местного населения, были отобраны восставшими.

Против восставших выступил карательный отряд, но был наголову разбит. Тогда хан послал новый карательный отряд в количестве 1000 человек под начальством Абдурахмана-Афтобачи. Афтобачи вступил с восставшими в

¹ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 214—215.

² Там же, стр. 213—215.

³ ИГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, л. 243-а, л. 19.

переговоры, уверял их, что он «сочувствует их делу и уговаривал разойтись, обещая наладить дело мирным путем». Поверив ему, восставшие стали разъезжаться. Этого только и ожидал карательный отряд: он бросился на повстанцев и разбил их. Около 400 человек были взяты в плен и привезены в Коканд, где их казнили по приказу хана.

На восстание поднялись киргизы, кочевавшие на юге Ляйляка в местности Кияк-сай. Четыре тысячи человек под руководством Мамурбая напали на крепость, расположенную недалеко от г. Андижана. В апреле 1874 г. восстали кара-кульджинские киргизы. 5—6 тысяч человек, предводимые Мамыром (он же Мамыр-Бача), заняли укрепление Курган-Бардан, расположенное в 8 верстах от Андижана. Ханом был направлен против них карательный отряд в количестве 2000 сарбазов¹. Ему удалось подавить это выступление киргизов. После поражения Мамыр бежал в русские владения — на урочище Капка, где был схвачен Токмакским уездным начальником, боявшимся распространения народного восстания и отправлен в Лепсинскую станицу под надзор местных властей с целью «удалить его от очага восстания и отнять у него вместе с тем возможность подбивать наших (подданных России—К. У.) киргиз к вмешательству в кокандские беспорядки».

В конце июля 1874 г. восстали чаткальские киргизы. Руководителями этого выступления являлись Мусульманкул (родственник бывшего кокандского ляхкари киргиза Алымкула) и Пулат-хан. «Мусульманкул уговорил Мумына (тот же кураменец Абду-Мумын Аталык, у которого в качестве работника жил Пулат-хан — К. У.) присоединиться к ним для общего действия против Худояр-хана, восстановившего против себя все кочевое народонаселение»². Повстанцы в количестве 10 тысяч человек двинулись из Чаткала вниз через ущелье Алабуки по направлению города Касан³. К ним присоединились попутные киргизские роды кытай и другие. Они приближались к Касану. Навстречу им вышли со своими войсками беки крепостей Чартака и Яны-Кургана.

1 августа у кишлака Сефит-Булака повстанцы разбили

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 243-а, лл. 20, 21, 62.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, лл. 175—176.

³ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 243-а, л. 122.

войска ханских беков и заняли вышеназванные две крепости и подошли к г. Касану. Правитель этого города бежал в Тюре-Курган, расположенный около Намангана. Восставшие без сопротивления заняли Касан. Его жители присоединились к повстанцам. Сборщики податей Амлякдар и другие представители ханской власти, находившиеся в Касане, были убиты восставшими¹.

В начале августа 1874 г. на подавление усилившегося восстания хан послал карательный отряд, состоявший из 7000 сипаев (кавалерия) и 1000 сарбазов (пехоты), под начальством Абдурахмана Афтобачи и Иса-Аулиэ². В сражении, происходившем недалеко от Намангана, у кишлака Тюре-Кургана, плохо вооруженные и слабо организованные повстанцы были разбиты. Большие жертвы имелись с обеих сторон, 300 человек из восставших попали в плен³.

Остатки разбитых повстанцев во главе с Пулат-ханом отступили в горы севернее Намангана. На урочище Кызыл-Тогай они пытались дать отпор карательному отряду, преследовавшему их. Но здесь они были окончательно разбиты сравнительно хорошо вооруженным, регулярным отрядом Афтобачи⁴. Мусульманкул был убит. Пулат-хан бежал в горы северо-западной части ханства, а Мумын возвратился в Чаткал, где «был захвачен Аулиэ-Атинским уездным начальником и подвергнут аресту в г. Аулиэ-Ата за принятие участия в восстании кокандских киргиз»⁵.

Восстание на юге Киргизии продолжалось около полутора лет. В борьбе с ханскими карательными отрядами повстанцы неоднократно одерживали победы. Но в начале августа 1874 г. плохо вооруженное и неорганизованное восстание потерпело поражение. Как обычно, началась варварская расправа с восставшими. «Худояр-хан,—говорится в Санкт-Петербургских ведомостях,—приказал вырезать бунтовщиков-киргизов и кипчаков без всякого суда, не только десятками, но сотнями, так что, можно сказать,

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, лл. 176—177.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 243-а, л. 117; ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 123.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, лл. 176—177.

⁴ ЦГИА Уз. ССР, ф. 17, оп. 3, д. 442, л. 116.

⁵ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 61, л. 156.

он обратил Коканд в лобное место»¹. Карательный отряд под начальством Абдурахмана Афтобачи действовал против восставших киргизов с неслыханной жестокостью².

Кроме указанного отряда, был сформирован и направлен против восставших другой отряд во главе с Мулла Юлдашем пансатом. По пути карательные отряды грабили и сжигали киргизские аулы и кишлаки. Особенно варварскому грабежу и убийству подвергались киргизы, кочующие по течению рек Алабука, Урюкты и Касан³. Каратели убивали всех, кто им встречался. Они не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Количество одних только повешенных составило более 1000 человек. Капитан Безсонов, спустя более двух месяцев, проезжая по местности, где действовал карательный отряд, видел болтавшиеся на деревьях трупы, покинутые дома и остатки сожженных кибиток⁴. Подтверждение о варварских действиях ханских карательных отрядов в Южной Киргизии находим также в отчете Кауфмана. Ханские джигиты «убивали женщин и детей, — сказано в его отчете за 1874 г., — беременным женщинам распарывали животы. За неимением виселиц вешали на деревьях»⁵.

Имущество и скот восставших были разграблены сыпаями, сарбазами Афтобачи и Мулла Юлдаш пансата. Карательные отряды, производя многочисленные погромы, оставляя дымящиеся аулы и кишлаки, с огромной добычей — скотом и имуществом возвращались в Коканд. За кровавое подавление восстания киргизов 1873—1874 гг. Абдурахман Афтобачи был пожалован Худоярханом титулом «параванчи».

Жестокие действия карательного отряда не могли сломить освободительное движение народных масс Южной Киргизии, боровшихся за свою свободу. Волнения среди южных киргизов против кокандских властителей продолжались и после подавления восстания. «Кочевни-

¹ С.-Петербургские ведомости, № 268, 28 сентября, 10 октября 1874 г.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, лл. 176—177; ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 122—123.

³ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 215.

⁴ ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 278, л. 11.

⁵ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 93—176 или ф. 1, оп. 31, д. 278, лл. 1—11.

ки-киргизы,— говорится в секретном письме Туркестанского генерал-губернатора от 31 июля 1873 года,— высказали еще решимость защищать свою самостоятельность. В настоящее время дикокаменные киргизы, утомленные постоянными несправедливостями, не видя им конца, поднялись против Худояр-хана и дали своей ненависти вырваться наружу¹. Повстанцы уничтожили кокандские крепости, находившиеся на территории Южной Киргизии, убивали сборщиков податей, беков, хакимов и других представителей хана.

[Восстание южных киргизов 1873—1874 гг. было все-народным; оно являлось одним из крупнейших восстаний в истории киргизского народа в XIX веке, носило национально-освободительный характер.] Восставшие боролись за свою независимость и право на существование. Но оно протекало неорганизованно и одновременно, без единого руководства и программы действия. Ему была свойственна локальность и стихийность. Очаги его возникали в разных районах Южной Киргизии и не имели связи между собой. Это давало возможность карательным отрядам подавлять каждое выступление восставших по отдельности.

В восстании принимали участие 42 киргизских рода, составлявшие 132500 юрт киргизов, т. е. почти все южные киргизы (роды: басыз, мундус, найман, кесек, теит, кыдырша, бостон, каратент, кутлуктеит, кызылаяк, джору, беру, тооке, монгуш, монгол, кипчак, киргиз-кипчак, кытай, абакат, каман, тамга, саяк, катаган, найгут, кушчу, карабагыш и др.)².

Восстанием были охвачены все слои населения: киргизские, кипчакские мелкие и средние скотоводы, дехкане, обнищавшие и разоренные в результате грабительской политики кокандских поработителей.

В нем принимала участие и часть представителей киргизской феодальной знати. Но наиболее крупные феодалы во главе с Курманджан-даткой и ее сыновьями, занимавшие высокое положение, оставались в стороне от восстания, потому что кокандские ханы предоставляли

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 278, лл. 1—8; фонды отд. общ. наук АН Киргизской ССР, инв. № 81, лл. 103—105.

² ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 320, лл. 10—11.

им неограниченные права в эксплуатации и угнетении местных трудящихся.

Цели и задачи киргизских трудящихся и представителей феодальной знати, участвовавших в восстании, были неодинаковы. Трудовые массы хотели освободиться от господства Кокандского ханства, подвергавшего их жесточайшему гнету. А представители феодальной верхушки пытались воспользоваться массовым стихийным народным восстанием для укрепления своих классовых позиций.

Надо отметить, что трудящиеся узбеки, обездоленные и разоренные кокандскими ханами и чиновниками, сочувствовали и поддерживали восстание киргизов 1873—1874 гг. «Очень сомнительно, — говорится в секретном письме туркестанского генерал-губернатора от 31 июля 1873 года, — чтобы Худояр-хан нашел много сторонников, так как и оседлое (узбекское — К.У.) население ожесточено против него сильными поборами, которые с каждым годом увеличиваются, и доброжелательно смотрит на возникшие беспорядки¹. Поддержка восстания киргизов 1873 — 1874 гг. узбекским трудовым населением ярко видна и из секретного донесения Колпаковского от 4 сентября 1874 года: «В городах Коканде и Андижане, — сказано в нем, — сильные волнения. Ожидают только прихода киргизов, чтобы к ним присоединиться и свергнуть Худояр-хана»². В рапорте того же Колпаковского от 21 сентября 1874 года читаем: «Волнение между кочевниками (киргизами — К. У.) нашло себе отголосок и в среде оседлого (узбекского — К.У.) народонаселения, недовольного жестокостями и чрезмерными поборами хана»³.

Часть трудящихся узбеков принимала активное участие в восстании киргизов 1873—1874 гг. Как видно из вышеизложенного, при взятии повстанцами городов Оша, Касана, Чартака и Яны-Кургана, узбекское трудовое население, проживавшее в этих городах, присоединилось к восставшим. Беки и другие ханские чиновники этих го-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 196, лл. 1—8. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 174.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 278, лл. 26—30.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 174; ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 119.

родов бежали, а городской правитель Алим-хан, сборщик податей Амляк-дар и другие ханские представители, не успевшие бежать, были убиты повстанцами. Необходимо подчеркнуть, что с присоединением к восставшим киргизам значительной части узбекских трудовых масс восстание приобрело антифеодальный характер.

Народно-освободительному и антифеодальному восстанию южных киргизов против хана сочувствовали северные киргизы. Они по-братски приняли 2500 юрт восставших киргизов, бежавших от жестокой расправы Худояра. Северные киргизы скрывали многих участников восстания от преследования ханских властей.

Восстание 1873—1874 гг., хотя и кончилось поражением, имеет большое прогрессивное историческое значение. Оно нанесло серьезный удар феодальным устоям, сильно расшатало господство Кокандского ханства над Южной Киргизией и резко усилило стремление южных киргизов к соединению с Россией.

Народные массы Южной Киргизии, томившиеся под двойным гнетом — местной феодальной знати и кокандских эксплуататоров, — еще задолго до возникновения восстания 1873—1874 гг. неоднократно обращались к русским властям с просьбой о принятии их в подданство России. Так, в конце июня 1864 г. киргизы, населявшие Чаткал, в частности Карабурунское и Каракиштакское ущелье, обратились к подполковнику Лерхе «с просьбой о принятии их в подданство белого царя». Но Лерхе не мог удовлетворить их просьбу. Поэтому они с этой же просьбой послали своих представителей—Кадрали, Берди и Сатыбалды — к начальнику Аулие-Атинского уезда¹. В 1872 г. киргизы «изъявили желание,—читаем в газете «Голос», — принять русское подданство»². В январе 1873 года «киргизы сами просили,—писал Ю. Россель,—чтобы их приняли под русское покровительство»³.

Как сказано выше, стремление южных киргизов к

¹ А. Г. Серебренников. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. 1864, Ташкент, 1914, т. 17, ч. 1, стр. 200—201.

² «Голос», № 112, 1874, Туркестанский сборник, т. 73, стр. 180—181.

³ Ю. Россель. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. Вестник Европы, 1878, №№ 6—7, стр. 607.

принятию подданства России усилилось в период восстания 1873—1874 гг. Южные киргизы, борясь против власти кокандского хана, видели, что силы не равны, что необходима помощь извне. Поэтому они искали покровительства и поддержки у России и решили связать свою судьбу с судьбой великого русского народа. Повстанцы, которыми руководит Мусульманкул, переманили к себе Мумына: он жил в г. Ташкенте и мог ходатайствовать перед администрацией Туркестанского генерал-губернаторства об оказании помощи и покровительства восставшим киргизам, а также о принятии их в русское подданство. В случае успеха восстания повстанцы хотели использовать Мумына в «переговорах с русскими властями, с которыми они надеялись быть в хороших и дружественных отношениях»¹.

В самом начале восстания, весной 1873 г., его участники обратились к исполняющему обязанности Туркестанского генерал-губернатора Колпаковскому с просьбой о покровительстве и помощи. Для получения более подробных достоверных сведений о восстании к алайским киргизам Колпаковский послал своего представителя Магомет-Мурата. Алайцы спросили у русского посланника: «Будут ли русские оказывать помощь хану? Они говорили, что их удерживает от решительных действий только единственно боязнь этой помощи»². Когда Магомет-Мурат ответил, что русские не будут оказывать помощи хану, тогда восставшие с радостью сообщили ему о своей готовности выступить против власти Кокандского ханства. Но Колпаковский, не желавший портить своих отношений с кокандским ханом, скоро порвал всякие связи с восставшими.

В августе 1873 г. лаякские киргизы послали своих представителей Кул-Магомета и Камбар-Серкера к Токмакскому уездному начальнику майору Эллеру и просили его быть «тамыром», т. е. другом. Киргизские посланцы сообщили Эллеру о готовности повстанцев исполнить все то, что скажет русский начальник и просили его дать советы по поводу борьбы против Коканда³. Токмак-

¹ ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 61, л. 155.

² ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 278, лл. 16—18; Фонды от-
деления общественных наук АН Кирг. ССР, инв. № 81, л. 98.

³ ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 179, лл. 7—8.

ский уездный начальник послал капитана Безсонова к восставшим и обещал им оказать вооруженную помощь¹. Однако Эллер не исполнил своего обещания. Поэтому ляйляковцы второй раз послали делегацию к токмакскому уездному начальнику с вышеупомянутой просьбой. Но по приказу туркестанского генерал-губернатора Кауфмана Эллер прекратил переговоры с восставшими и приказал делегации удалиться с территории Токмакского уезда².

Несмотря на это, восставшие киргизы продолжали настойчиво обращаться к русским властям за помощью, за содействием, изъявляя желание добровольно принять подданство России.

Осенью 1873 г. восставшие киргизы написали письмо ходжентскому уездному начальнику. Ввиду важности этого письма мы приводим его значительную часть. В нем говорится: «Мы, не вынося несправедливости (Худояр-хана — К. У.), ограбили зякетчи. Худояр-хан послал к нам войска свои, от которых мы и убежали в горы, оставив наши кочевки. Но ханский военачальник успел захватить у нас 240 человек в плен. Привез этих людей в г. Ассак и по приказанию хана всех велел посадить на кол. Тогда мы все собрались и объявили себя врагами хана. Вы прислали к нам человека, и мы все очень этому были рады и сделались с вами тамырами (друзьями — К. У.). Теперь уже обращаемся к Вам как к тамыру. Вы большой начальник и можете нам посоветовать и приказать, и все, что Вы скажете, мы исполним. Если прикажете драться — будем драться, ибо от всяких притеснений и обид мы потеряли всякое терпение»³.

Как отмечено выше, весной 1874 г. один из руководителей восстания Мамыр обратился к туркестанскому генерал-губернатору «с просьбой принять его в русское подданство»⁴. Но генерал-губернатор не торопился с ответом, Мамыр так и не дождался ответа на свою

¹ ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 278, лл. 43—46. оп. 34, д. 197, л. 8. Фонды отделения общественных наук АН Кирг. ССР, инв. № 81, л. 89, инв. № 1489, лл. 15—16.

² ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 197, л. 1.

³ ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 197, л. 7.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, лл. 175—176.

. Кудогарт почини на нас войска
свои, отъ которыхъ мы идѣжали
въ горы, оставивъ наши погосты
Ахъ Хинский военный ланка у насъ
дѣлать писты у насъ 2,0 человекъ въ
писты, привезъ 5000 лошадей въ гор
Ахъ, и по приказанию хана, всѣхъ
нашъ военныхъ посидитъ на холъ Мо
гда мы все содрались и одѣвными
свои врагами Хана Все прислали
къ намъ человека и мы все огонь
Отъ насъ зови ради и съ нами съ
Вами тамъ тамъ. Теперь уже
обращаемся къ Вамъ какъ къ та
мъ. Все большой начальство и
можете намъ посоветовать и при
казать и все что Вы скажете, мы
исполнимъ. Если прикажете брать
ся, — будемъ брать, и до отъ ва
кнѣ приключений и оиде, мы по
терали всякое терпение

Из письма восставших киргизов начальнику Ходжентского
уезда (перевод).

просьбу и вынужден был обратиться к киргизам, кочевавшим в пределах Китая.

В апреле 1874 года восставшие киргизы тринадцати родов, число которых составляло 200 тысяч человек, в своем письме Джура-беку (Джура-бек имел дружественные отношения с генералом Кауфманом) просили ходатайствовать перед генерал-губернатором Туркестана о принятии их в подданство России. Вот что говорилось в этом письме: «Как Вам известно, все кара-киргизы, подведомственные Коканду, считаются подданными Худояр-хану. Притеснения, гонения, страшные казни, как-то: сажание на кол, которым подвергаемся мы со стороны хана, и наказания палками принудили нас отпасть от хана и принять враждебное положение в отношении его. Рода означенных кара-киргизов: мундуз, кутчи, утуз-оглы, туялас, найман, кызыл-аяк, нуйгут, киргиз-кипчаки, адигине, ахтаци, бури и барги, за исключением автобачи; численность киргизов и кипчаков доходит до 200 тысяч кибиток. Нежелая из приличия беспокоить Вас, мы до сего времени писали и посылали людей своих к Абдукаюм Серкеру (в Ходжент). Нечаянно встретили одного из ваших людей Абдукаюм Караулбеги, который передал нам милостивые слова Ваши и порадовал нас. Пользуясь этим случаем, сообщаем, что положение кара-киргизов Вам хорошо известно. Если будет возможность и не составит для Вас труда, доложите обо всем вышеизложенном генерал-губернатору. При согласии его превосходительства, мы, несчастные кокандские подданные, могли бы избавиться от тиранства Худояр-хана и найти спокойствие»¹.

Повстанцы не получили положительного ответа на свои письма. Но это не разочаровало их. В начале мая 1874 г. восставшие киргизы рода илят из племени мундус послали своих представителей — Алтыбай-бия и Джанузак-бая — к исполняющему обязанности туркестанского генерал-губернатора Колпаковскому. Вместе с этой делегацией было отправлено письмо, в котором говорилось: «Как мы, так и наши доверители в прошлом году откочевали из Кокандского ханства в Токмакский военный округ, дабы спастись от преследований

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 243-а, лл. 23—24.

„Какъ ваше извѣстно, всѣ киргизы
изъ подданствѣнныхъ Коканду, спускаю-
сь подданствомъ Ходасѣ-хану. Притѣ-
неніи, гонимы, страшныя казни, кака-
то: сажаніе на колъ 1^ю, которымъ по-
вергаютъ эти киргизы съ стороны хана,
и наказанія палками, принуждаютъ ихъ
отпасть отъ хана и принять въ руки
наше покровленіе въ отношеніи его.

Если будетъ возможность и не со-
ставитьъ для Васъ труда, — дозо-
вольте обо всемъ вышеизложенномъ
2 Губернатору. При соизвѣщеніи Пре-
восвѣщенства, несчастные ко-
кандскіе подданные смогли бы изба-
виться отъ тиранства Ходасѣ-
хана и найти спокойствіе.

Отрывок из письма южных киргизов Джура-беку о принятии их в
подданство России (перевод).

кокандского хана, который немилосердно казил наших
киргизов и грабил наше имущество. Мы поселились неда-
леко от г. Токмака в местности называемой Кетмень-Тю-
бе, Тогуз-Торо, но тут нас начали притеснять и гнать жив-
шие там киргизы, родов Керимбек и Чура Буатай. Мы
же, не желая возвращаться обратно в кокандское ханст-
во, где нас неминуемо ждет смерть, просим ходатайства
Вашего высокого превосходительства перед государем
всероссийским о принятии нас и наших доверителей под
свое высокое подданство, об отводе нам и нашим довери-
телям места для кочевий.

В нашем роде мундус-ият находится две тысячи ки-
биток, которые поголовно принимают подданство Рос-

بسیار داریامفتاحی بکفایت و نور خوبی باشد که نور کمالی است که در صورتی که در این

ایک صبیحہ ایک فیروز مغرور لاریہ میں عرسفہ ۲۷۱۰ء بمبئیہ رسالہ ای تب س الحف

[illegible]

Прощение киргизского рода илят из племени мундус
исполняющему обязанности генерал-губернатора
Колпаковскому.

сии. Мы бы давно явились к вашему высокопревосходительству, но нас караулили и не пускали в Ташкент, так что мы только теперь могли тайком приехать сюда и лично просить у вашего высокопревосходительства о своем вышеизложенном»¹.

Генерал-лейтенант Колпаковский дал отрицательный ответ на эту просьбу киргизов.

О тяготении к России, симпатиях населения к русскому народу ярко говорит тот факт, что тысячи семейств восставших киргизов, спасаясь от жестоких действий ханского карательного отряда, переходили в Северную Киргизию, которая до этого вошла в состав Российской империи. Так, после ханабадского поражения, летом 1873 г., 1700 кибиток повстанцев перекочевали из восточной части Ферганы на территорию Токмакского уезда². Осенью того же года 800 семейств восставших киргизов переселились с юго-востока Андижанского вилайета в Аулие-Атинский уезд³. Им был отведен земельный участок в местностях Кетмень-Тюбе и Тогуз-Торо.

Весною 1873 года Абдуррахман Афтобачи собрал биев и почетных лиц Южной Киргизии, подарил им халаты и просил ходатайствовать о возвращении киргизов, перекочевавших в русские владения Токмакского и Аулие-Атинского уездов. С этой же целью Худояр-хан послал Атабия к токмакскому уездному начальнику. Но Худояр-хан получил ответ, что возвратить беженцев в зимнее время нет возможности, а вернуть их возможно будет с наступлением весны⁴. Действительно, весною 1874 г. беженцы-киргизы по приказу Колпаковского были возвращены на территорию Кокандского ханства. Худояр-хан решил наказать этих киргизов. «Они были разграблены военачальником Ахмед-беком Батыр башием... потому часть из них опять возвратилась в Токмакский уезд»⁵. Но основная

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 243-а, л. 27.

² ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 196, л. 70; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 174.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 12.

⁴ ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 114—119. Фонды отделения общественных наук АН Кирг. ССР, инв. № 81, стр. 88—90.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 174. ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 115—119.

То приказник губернатора Колосиков
сам — мой возвращавшийся офицер, по звану
13-го эскадрона, по воле Кудоларь Калал, — сам своим
разведчиком на Трапизе Масы 200-го
войска, под предводительством Батыра —
самим Акимов — Бела, Попзатов. Денис, Аким
протаман, Сили и Александра, которые звались
у нас славянскими Кисловыми во время погони
иной людей Кислова — которые для Акимов,

Кислов — батюшка и Кисловых, Кисловых,
Кисловых и Батыров — самим казнили, отрезать
полюды, звали Кисловых, Кисловых, Кисловых,
Кисловых и Кисловых и Кисловых у 400 кибитках
беззастенчиво много изурядовали, после того сам дома
или на дур, Кисловых; они снова преследовали
нас — разбавили которые Кисловых и Кисловых —
дур от одними, после того сам разбавили
по горам и на трестом дуром собравшись, то-
гда идти на дур. Кисловых.

Из прошения киргизов — племени мундус, кушчу, басыз и адигине
токмакскому уездному начальнику подполковнику Лысовскому
(перевод).

часть, лишенная всякого имущества и скота, прибыла в
Фергану.

Неоднократное обращение восставших киргизов к рус-
ским властям с просьбой о принятии их в подданство Рос-
сии и перекочевка 2500 юрт повстанцев в русские владения
показывают, что восстание 1873 — 1874 гг. по существу
явилось борьбой народных масс Южной Киргизии за
освобождение от ига Кокандского ханства. Но эта борьба
неизбежно ставила вопрос о присоединении к России, к
стране, которая стояла на более высокой ступени истори-

ческого развития и имела большие революционные перспективы, великое будущее.

Русская ориентация южных киргизов объясняется тем, что лишь Россия могла освободить киргизский народ от ига Кокандского ханства. Не случайно киргизские трудовые массы дело освобождения Киргизии связывали с Россией. Следует отметить, что к этому стремились не только киргизские трудовые массы, но и некоторые представители господствующих классов, которые при этом, разумеется, исходили из своих классовых интересов. Киргизские феодалы, хотя и пользовались льготами, но одновременно находились в зависимом положении от кокандских правителей. Поэтому с присоединением к России они хотели освободиться от этой зависимости и безраздельно эксплуатировать подвластных им трудящихся.

Одной из основных причин стремления южных киргизов к принятию русского подданства является то, что они хотели воссоединиться со своими братьями — северными киргизами. По сравнению с Южной Киргизией, Северная Киргизия, ранее присоединенная к России, оказалась в значительно лучших условиях. Южные киргизы искали с переходом в подданство России более спокойную жизнь, чем это было при господстве кокандских ханов и их чиновников. Это хорошо видно из следующего заявления южных киргизов посланнику туркестанского генерал-губернатора Магомет-Мурату: «Сколько сот киргизов наших единоплеменников (т. е. казахов и киргизов — К. У.), в подданстве белого царя в Оренбургском крае, в Сибири и в Туркестане, и все благодарят бога. Такого же желаем и мы»¹.

В усилении симпатии киргизов к России немалую роль играла экономическая заинтересованность населения в присоединении к России, особенно торговые связи с Русским государством. Экономические связи с русским народом стали жизненно необходимы для киргизов.

Царские власти давали отрицательные ответы на все просьбы южных киргизов как о принятии в подданство России, так и об оказании им помощи и покровительства. В сентябре 1873 года исполняющий обязанности турке-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 31, д. 278, лл. 16—18. Фонды отд. общ. наук АН Кирг. ССР, инв. № 81, л. 98.

станского генерал-губернатора Колпаковский посланнику Кул-Магомету, явившемуся к нему с просьбой о принятии ферганских киргизов в русское подданство, сказал, что «просьба их не может быть принята, ибо могущественный государь не желает увеличивать своего государства за счет владений кокандского хана»¹. Император Александр II не желал присоединения ханства к России². Еще в 1871 г. Александр II дал указание туркестанскому генерал-губернатору Кауфману: «Ходатайство кокандцев подчиниться России, — если таковое последует, — необходимо отклонить»³.

Такое указание объясняется внутренней и внешней обстановкой, сложившейся в царской России в начале 70-х годов XIX в., прежде всего боязнью русского правительства народных восстаний, которые в то время происходили во владениях Кокандского ханства и могли быть направлены не только против феодально-ханского гнета, но и против царизма. Кроме того, в этот период любое новое приобретение России в Средней Азии могло вызвать вооруженное вмешательство со стороны капиталистической Англии, стремившейся к захвату Средней Азии. А царская Россия, испытывавшая острые финансовые затруднения и запуганная крестьянскими и национальными движениями, не хотела осложнять свои отношения с Англией. Весною 1873 года министр иностранных дел России Горчаков в беседе с Кауфманом сказал, что нужно стараться не восстанавливать Англию против России в азиатском вопросе⁴. М. Терентьев в работе «Россия и Англия в Средней Азии» писал: «Нам нельзя было сделать ни шагу, чтобы не расшевелить английских дипломатов..., чтобы не встревожить Ост-Индийскую империю, сыпавшую деньгами, обещаниями и агентами во все ханства»⁵.

Казахстан и значительная часть территории Средней Азии, попавшие под власть России, пока в основном удовлетворяли потребность русской промышленности в рынках сбыта и в сырье. Царскому правительству целесообразнее

¹ ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 122, л. 2.

² Магомет-Якуб, эмир кашгарский. С.-Петербург, 1903, стр. 3.

³ ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 123—124.

⁴ М. Терентьев. История завоевания Средней Азии, том III, СПб, 1906, стр. 423.

⁵ М. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии, 1875, стр. 218.

было освоить эти территории и временно отказаться от новых приобретений. Как отмечено выше, царизм боялся народных движений и освободительной борьбы. А его сравнительно немногочисленные военные силы буквально тонули в массе населения Средней Азии и Казахстана. Вот почему туркестанский генерал-губернатор вынужден был временно отказаться от новых приобретений и не хотел принять южных киргизов в подданство России.

Кроме того, и без завоевания царское правительство имело возможность свободно хозяйничать в Кокандском ханстве.

Царская власть в рассматриваемый период хотела создать такое положение, при котором Кокандское ханство, сохраняя тень «независимости», являлось бы в сущности колонией царской России. Для осуществления этой цели царское самодержавие опиралось на Худояр-хана и окружавших его феодалов. Поддержка царизмом власти Худояр-хана и окружающих его феодалов над трудящимися Южной Киргизии ярко видна из записки от 16 мая 1874 года, авторы которой неизвестны. «Недовольные,—читаем в ней,—готовые для достижения своей цели жертвовать всем своим достоянием и даже жизнью, увидели невозможность продолжать хотя бы и подпольную борьбу с врагом, поддерживаемым могущественной Российской державою»¹. Генерал-адъютант Кауфман, получив сведения о подавлении восстания южных киргизов, в своем поздравительном письме от 8 октября 1874 года Худояр-хану писал: «Для меня было весьма приятно узнать, что смуты и беспорядки в подвластной Вам стране, как кажется, совсем прекратились. Искренне желаю, чтобы не повторялось подобное положение дел»².

Но все сказанное не означает, что у царизма вообще отсутствовало стремление к политическому объединению с империей среднеазиатских ханств. В благоприятных политических условиях это стремление должно было осуществиться.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 107.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 117.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ К РОССИИ

Каковы были в середине второй половины XIX века политические и экономические предпосылки включения Южной Киргизии в состав Российской империи? Что толкало царское правительство к захвату Средней Азии, в том числе Южной Киргизии? На эти вопросы мы находим ясный ответ у В. И. Ленина. Развитому капитализму свойственно стремление «расшириться на другие территории, — писал он, — заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма. В России это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и Юго-Восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь»¹. Во второй половине XIX века, несмотря на препятствия, созданные пережитками крепостничества, капитализм в России развивался быстрыми темпами. Особенно быстро развивалась хлопчатобумажная промышленность, о чем свидетельствуют следующие данные роста стоимости ее продукции в 1850—1870 гг.

¹ *В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 76.*

(в тыс. руб.)

Годы	Бумагопрядильная промышленность	Бумажоткасная промышленность	Красильная и отделочная промышленность
1850	15877	12771	16224
1860	28670	19343	23104
1870	48431	48025	30731 ¹

Развивавшийся капиталистический способ производства уже в 70-х годах прошлого столетия натолкнулся на узость внутреннего рынка. Капиталистические отношения требовали расширения торговли. В Средней Азии имелись выгодные условия для сбыта промышленных товаров, поскольку здесь очень слабо была развита промышленность.

Разнообразные товары фабрично-заводской промышленности, вывозимые из России, находили широкий спрос среди кочевого и оседлого населения Южной Киргизии. Начиная с 1868 года, русские купцы стали вести торговые операции непосредственно с южными киргизами. Но им приходилось платить значительные пошлины находившимся здесь представителям ханской власти Коканда. Торгово-промышленные круги России ставили перед правительством царской России вопрос о необходимости овладения Южной Киргизией, в числе других районов Востока.

Средняя Азия, и в частности Южная Киргизия, привлекала царское самодержавие и как богатая сырьевая база. Для развивавшейся капиталистической промышленности России требовались дешевые источники сырья. Средняя Азия не имела своей крупной промышленности, в то же время она была богата шерстью, скотом, кожей, шелком, фруктами, хлопком и другим важным сырьем.

Как было уже сказано, из Средней Азии в Россию вывозились продукты земледелия и скотоводства (хлопок, шерсть, кожа, фрукты, скот и др.).

Русская хлопчатобумажная промышленность, кото-

¹ Е. В. Бунаков. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. Советское востоковедение, том, 2, АН СССР, 1941, стр. 22.

рая делала значительные шаги вперед, остро нуждалась в среднеазиатском хлопке. В связи с гражданской войной (1861—1865 гг.) в Америке почти все хлопчатобумажные предприятия Европы переживали серьезный кризис. Цены на американский хлопок необычайно возросли. Так, если в 1861 году пуд хлопка стоил 5 руб. 52 коп., то в 1862 году он поднялся до 12 руб. 97 коп., в 1863 году — до 18 руб. 60 коп., в 1864 году дошел до 20 руб. 12 коп.¹ Из приведенных данных видно, что цены на американский хлопок за три года возросли почти в 4 раза. В то же время среднеазиатский хлопок стоил в 1864 г. почти в 2 раза дешевле. Это повлекло за собой резкое сокращение ввоза заморского хлопка в Россию. Только в первые два года гражданской войны ввоз американского хлопка в страну сократился в 6 раз; наоборот, в этот же период ввоз хлопка из Средней Азии в Россию увеличился в 3 раза².

Значение Средней Азии, как хлопковой базы, для бурно растущей русской текстильной промышленности сильно возрастало. Немаловажное значение, как источник хлопкового сырья, имела и Южная Киргизия. Здесь, особенно в восточной части Ферганской долины, уже тогда возделывался хлопок. Таким образом, Южная Киргизия интересовала царское правительство как район, производящий необходимое сырье для развивавшейся текстильной промышленности.

В то же время этот край привлекал царскую Россию и как дополнительный источник для пополнения государственной казны, который смог бы давать ей значительные доходы ежегодно. В этот период Россия переживала чрезвычайно тяжелые финансовые затруднения. Поэтому царское правительство стремилось к расширению числа объектов налогового обложения, к увеличению источников государственных доходов путем приобретения новых обширных территорий с миллионами новых подданных.

Одной из причин, толкавших самодержавие к завоеванию Средней Азии, в том числе и Южной Киргизии,

¹ М. Терентьев. Англия и Россия в борьбе за рынки, стр. 112.

² А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии. Исторические записки, № 9, 1940, стр. 209.

была и угроза аграрной революции. Крымская война кончилась поражением царских войск. Она не только не ослабила классовых противоречий в стране, а привела их к крайнему обострению.

Противоречие между развивавшимся капитализмом и господствовавшим крепостническим строем достигло невиданной остроты. Крестьянская реформа 1861 года не могла разрешить этого противоречия и его основу — аграрного вопроса. Ведь она проводилась крепостниками и являлась только первым шагом на пути превращения России в буржуазную монархию. В результате этой реформы значительная часть крестьянских земель была отрезана в пользу помещиков. Огромное количество крестьян лишилось земли, в еще большей степени подверглось гнету со стороны помещиков и проникавшего в деревню капитализма.

Царское самодержавие решило избавиться от усилившейся угрозы революции путем захвата новых территорий, в частности Средней Азии, и переселения туда избыточного населения из центральных губерний России. Об этом в «Туркестанском сборнике» ясно сказано, что Киргизия давно уже считалась одним из лучших районов для русских крестьян-переселенцев¹.

Переселенческая политика царизма преследовала также цель создания из крестьян-переселенцев, наряду с военно-казачьими переселенцами, твердой опоры для проведения колониальной политики на окраинах.

Царизм стремился к скорейшему приобретению Средней Азии еще и потому, что Англия, усилившая свою экспансию в Иране, Афганистане и Кашгарии, угрожала захватить Среднюю Азию (более подробно об этом сказано ниже). Активная экспансия Англии в сторону Средней Азии создала серьезную угрозу среднеазиатским владениям². Южная Киргизия, непосредственно граничавшая с Кашгарией, имела важное значение для сохранения безопасности России от посягательств со стороны британских захватчиков. М. Грулев писал, что «Алайский и Заалай-

¹ Туркестанский сборник, том 472, стр. 1—2.

² И. Брагинский, С. Раджабов, В. Ромадин. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. Вопросы истории, № 8. 1953, стр. 29.

ский хребты вполне надежно прикрывали нашу новую границу с юга»¹.

К колонизации Южной Киргизии царизм толкали и интересы русского купечества, стремившегося овладеть торговыми путями, пролежавшими через территорию Южной Киргизии в Кашгар и дальше в Китай. С 30-х годов XIX века установились торговые связи с Кашгарией. Южная Киргизия являлась лучшим путем для проникновения в Кашгар и Кульджу.

Киргизстан привлекал русских промышленников еще и как страна, богатая самыми разнообразными рудами и углем. Рудник Кызыл-Кия благодаря русским исследователям был известен в России еще задолго до присоединения Южной Киргизии.

Ко всему этому добавим желание представителей помещичье-дворянского класса получить новые обширные поместья за счет колонизации новых территорий, в частности Средней Азии, в том числе и Киргизии.

Таким образом, царское правительство, исходя из интересов помещиков и капиталистов, начало свои военные действия, направленные к завоеванию новых территорий. После Крымской войны царизм устремляется в Среднюю Азию и на Дальний Восток. Что касается Ближнего Востока, т. е. черноморских проливов, то решение этого вопроса пришлось отложить до более благоприятного времени.

В 60-х годах XIX века в состав России были включены Приамурье и Уссурийский край. В этот же период началось наступление царских войск в глубь Средней Азии.

К середине XIX века царизм подчинил себе все три казахские жузы. В 1847 году царские войска заняли устье Сыр-Дарьи. Здесь было сооружено укрепление Раимовское, которое после было названо Аральским фортом. Отсюда осуществлялось продвижение вверх по Сыр-Дарье к кокандской крепости Ак-Мечеть (теперь Кызыл-Орда). В 1852 году была занята кокандская крепость Кош-Курган. В конце июля 1853 года, после нескольких сильных сражений, колонна Перовского заняла главное укрепле-

¹ М. Грулев. Соперничество России и Англии в Средней Азии. С.-Петербург, 1909, стр. 78.

ние Кокандского ханства на территории Казахстана—Ак-Мечеть. После этого была создана Сыр-Дарьинская военная линия, которая являлась плацдармом для дальнейшего проникновения царских войск в Среднюю Азию.

Царизм вел наступление на Среднюю Азию также со стороны Сибири. В 1847 году у Семиреченского Улу-Тау было построено укрепление Копал. В начале 50-х годов XIX века царские войска заняли Заилийский край. В 1854 году на реке Алмаатинке заложено укрепление Верное (ныне город Алма-Ата).

В середине 50-х годов прошлого столетия Сибирская военная линия вплотную подошла к границам Северной Киргизии. Северные киргизские племена, томившиеся под гнетом кокандских властителей, одно за другим начали добровольно принимать подданство России. Первым его приняло племя бугу, кочевавшее на берегах Иссык-Куля (1855 год); затем — все остальные северо-киргизские племена: сарыбагыш, солто, саяк-саруу и кушчу (первая половина 60-х годов XIX века).

Царским войскам на территории Северной Киргизии пришлось столкнуться с военными отрядами кокандского ханства. В октябре 1860 года под Узун-Агачем царские войска под командованием подполковника Колпаковского разбили главные военные силы Коканда. Осенью 1862 года Пишпек и Токмак, являвшиеся главными укреплениями кокандцев в Чуйской долине, были окончательно заняты царскими войсками при помощи местных жителей. В мае 1863 г. отряды капитана Проценко заняли кокандские укрепления Куртка и Джумгал в Нарыне. Летом следующего года отряд полковника Черняева овладел крупной кокандской крепостью Аулиэ-Ата (ныне Джамбул), после чего племена саруу и кушчу, кочевавшие в Таласе, приняли подданство России.

Таким образом, к 1865 году вся Северная Киргизия была освобождена от господства кокандского ханства и присоединена к России. Но Южная Киргизия еще оставалась под властью кокандских феодалов.

Весною 1864 года против Кокандского ханства было послано два отряда. Со стороны Сибирской военной линии (из г. Верного) выступил отряд полковника Черняева, состоявший из 2600 солдат при 18 орудиях, а со стороны Оренбурга (из форта Перовского) навстречу ему

пошел отряд под начальством полковника Веревкина в количестве 1200 человек.

Как уже указывалось, летом 1864 года Черняев взял Аулиэ-Ата. Тогда же Верекин занял г. Туркестан. В конце сентября того же года эти отряды встретились и овладели г. Чимкентом. Таким образом были соединены Сибирская и Сыр-Дарьинская военные линии.

Вытеснив кокандцев из юго-западного Казахстана и Северной части Киргизии, царские войска вступили на территорию самого Кокандского ханства. Осенью 1864 года Черняев организует поход на Ташкент, имевший более ста тысяч жителей и являвшийся одним из самых крупных центров Кокандского ханства. Первое наступление на Ташкент было неудачным, отряд был принужден отступить к Чимкенту. Весною 1865 года Черняев совершил второй поход на Ташкент. В этот раз ему удалось сломить сильное сопротивление защитников и взять крепость Ниязбек, являвшуюся ключом к Ташкенту. 17 мая 1865 г. после трехдневной упорной борьбы Ташкент был взят царскими войсками¹.

В 1865 году из всех вновь приобретенных земель была образована Туркестанская область, входившая в состав Оренбургского генерал-губернаторства. Начальником этой области был назначен Черняев.

В 1866 году царскими войсками были заняты Ходжент, Ура-Тюбе, Джизак. Тем самым пути в Заравшанскую долину в гг. Бухару и Самарканд — попали в руки царизма. Во второй половине этого года царские войска под командованием ген. Романовского усилили военные действия против Бухарского эмирата. В мае 1868 года взяты Самарканд и ряд укреплений по направлению к Бухаре. В этом же году заключен мирный договор с Бухарой, по которому земли, занятые царскими войсками, переходили к России, а хан становился вассалом царизма.

В 1867 году Туркестанская область была преобразована в Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте, которое состояло из двух военных губерна-

¹ М. Терентьев. История завоевания Средней Азии, том 1, СПб, 1906, стр. 319.

торств: Сыр-Дарьинского и Семиреченского. В состав Туркестанского генерал-губернаторства входили все вновь приобретенные земли за счет Кокандского ханства и Бухарского эмирата: Северная Киргизия и часть Казахстана. Генерал-губернатором и командующим войсками генерал-губернаторства был назначен генерал-адъютант фон Кауфман. Царское правительство представило ему право непосредственно вести переговоры со среднеазиатскими ханами, объявлять им войну и заключать мир.

Часть феодалов во главе с самим ханом Худояром, видя силу царской России, стремившейся к окончательному захвату всей Средней Азии, протянула свои руки русскому самодержавию с тем, чтобы сохранить внутри ханства свое господствующее положение. Стремление Худояр-хана к сближению с царским самодержавием объясняется еще и тем, что хан боялся нараставшей борьбы против него трудящихся масс подвластных ему узбеков и киргизов.

29 января 1868 года Худояр-хан подписал торговый договор, предложенный Кауфманом. По этому договору Россия получила в Кокандском ханстве право: 1) свободного проезда русских купцов во все города ханства, 2) учреждения, где пожелает Россия, караван-сараев, 3) иметь караван-башей во всех городах ханства, 4) уравнивания русских купцов с мусульманами относительно пошлин, 5) свободного пропуска через Коканд русских караванов во все соседние владения¹. Таким образом, этот договор фактически ставил Кокандское ханство в вассальную зависимость от царского самодержавия.

Подписав договор 1868 года, Худояр-хан стал марионеткой в руках туркестанского генерал-губернатора. «Худояр-хан понял, что его существование всецело зависит от русского могущества,—читаем в корреспонденции из Ташкента, помещенной в газете «Русский инвалид» за 1870 год, № 62,—и потому о всех своих действиях как внешних, так и внутренних, он доносит туркестанскому генерал-губернатору и спрашивает его соизволения»². Он всячески старался проя-

¹ М. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии, СПб, 1876.

² Туркестанский сборник, т. 40, стр. 78.

вить рабскую преданность перед своим покровителем— царской властью; послушно исполнял любое желание царизма. В 1869 году за все свои заслуги хан был пожалован титулом «высочества» и орденом Станислава 1-й степени с бриллиантовой звездой¹.

Но Худояр-хану были важны не награды царской власти, а ее покровительство и помощь в подавлении народного восстания. Как уже указывалось, царизм, боявшийся народных восстаний и классовой борьбы трудящихся не меньше хана, не скупился на поддержку и помощь последнему в этом случае.

В 1873 году был предпринят поход на Хиву. В походе приняли участие многочисленные царские войска с артиллерией. Они окружили город со всех сторон и 28 мая 1873 года вынудили его гарнизон сдаться без боя. Хан признал себя вассалом России и обязался уплатить контрибуцию в 2 миллиона рублей. В августе 1873 года было подписано мирное соглашение, по которому все земли ханства на правом берегу Аму-Дарьи отходили к России; русские суда получали преимущественное право плавания по реке Аму-Дарье, а русские купцы—строить пристани на левом ее берегу.

* * *

Русский царизм в Средней Азии столкнулся с захватническими экспансионистскими устремлениями Англии. В. И. Ленин указывал, что в середине XIX века Англия претендовала на роль мастерской всего мира, поставщицы фабрикатов для всех стран, которые должны были в обмен на промышленные товары снабжать ее сырьевыми материалами. Англия, — отмечал В. И. Ленин, — выступала более долго, более упорно и более сильным противником России в большей части Азии². В своем стремлении установить мировое господство английские капиталисты особое значение придавали захвату Средней Азии — этого богатого источника сырья и рынка сбыта. Правящие круги Англии считали этот район выгодным стратегическим плацдармом для удара по России с тыла—востока. В середине прошлого века бур-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 101.

² В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 116.

жуазная Англия, укрепившаяся в Индии, установила свой контроль над Афганистаном, Ираном и Турцией. Но, не ограничиваясь этим, она старалась завоевать Среднюю Азию и хищнически высасывать ее богатства.

Английское правительство посылало сюда своих агентов с поручением узнать о богатствах этой страны, путях ее сообщения, военных силах, государственном устройстве и условиях торговли. В 1833 году агент Ост-Индийской компании лейтенант Бернс проник из Кабула в Бухару. Он собрал довольно богатые сведения о среднеазиатской торговле, о торговых путях, торговых центрах, предметах вывоза и ввоза. В 1838 году сюда были посланы английские агенты Стоддарт, Аббат, Конноли и Шекспир с поручением заключить «оборонительный» и наступательный союз со среднеазиатскими ханствами и поднять их против России.

Стоддарт, прибыв в Бухару, обещал эмиру Насрулле доставлять бухарцам все необходимые предметы на самых выгодных для них условиях и предлагал заключить наступательный и оборонительный союз против России. Это предложение английского агента не было принято. Причем бухарское правительство об этом сразу сообщило русским властям.

Конноли под видом «караван-баши» побывал почти во всех крупных городах Средней Азии. Его караван состоял из 30 верблюдов, сопровождаемых индийцами¹. Летом 1838 года он со своим караваном был в Хиве. Оттуда пробрался в Ташкент и Коканд. Из Коканда Конноли переехал в Бухару, где по указу эмира был арестован и заключен в зындан вместе со Стоддартом.

Аббат и Шекспир были посажены в зындан в Хиве. Но вскоре им удалось бежать. 17 июля 1842 года после трехлетнего заключения Стоддарт и Конноли были публично казнены в Бухаре².

Кроме этих агентов, в 30—40-х гг. XIX в. в Средней

¹ Английские путешественники в Средней Азии. Туркестанские ведомости, № 30, 1 августа 1872 г. М. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии. 1875, стр. 209 (215). Его же. История завоевания Средней Азии, том 1, СПб, 1906.

² М. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии, 1875, стр. 209 (215).

Азии подвизались такие матерые британские шпионы, как Томсон Бернс, Джерард, Вуд, Муркрофт, Лич, Требек и Паттингер, развивавшие активную деятельность по подготовке захвата этой страны Англией.

Нежелание среднеазиатских правителей заключить «оборонительный» союз против России и убийство английских агентов объясняется тем, что в это время ханства были более заинтересованы в дружбе с русскими, чем с Англией. Среднеазиатские купцы вывозили много товаров в Россию. Они были связаны с русскими купцами, отпускавшими им свои товары в кредит. Русские изделия, в частности текстильные, быстро реализовались на среднеазиатских рынках. Это способствовало ослаблению влияния здесь Англии.¹

Но английское правительство не успокаивалось. Оно продолжало посылать своих агентов. В 50—60 годах прошлого столетия в Средней Азии побывали Адольф, Абдул-Маджит, Магомет Хамид, Джонсон, Вамбери, Монгомери, Форсит, Хавальдар¹ и многие другие. Из них Абдул-Меджит и Вамбери были во всех трех ханствах и собрали много сведений о влиянии России, об экономике и государственном строе ханств.

Посылка агентов в Среднюю Азию не прекратилась и в 70-х гг. XIX в. Вот что говорится по этому поводу в работе М. Терентьева «Россия и Англия в Средней Азии»: «Со стороны Ост-Индии к нам не раз проникали разные подозрительные личности, впоследствии оказавшиеся английскими агентами»².

Английская пропаганда широко спекулировала на религиозных чувствах мусульман. Английские агенты заявляли, что будто русские хотят искоренить мусульманство и истребить всех людей, исповедовавших религию ислама, что якобы Англия не даст мусульман в обиду и может спасти их от русской опасности³. Англичане призывали население Средней Азии к газавату, т. е. к «священной войне» против русских.

Но эта агитация не имела успеха. Народы Средней

¹ Английские путешественники в Средней Азии. Туркестанские ведомости, 1 августа 1872 г., № 30.

² М. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии, 1875, стр. 220—221.

³ Там же, стр. 217—218.

Азии враждебно относились к проискам английских агентов.

Не ограничиваясь антирусской агитацией, английские колонизаторы иногда организовывали вооруженное сопротивление против продвижения русских войск в глубь Казахстана и Средней Азии. Такое сопротивление было организовано, например, в конце 1853 года недалеко от форта Перовского против отряда капитана Шкупа. В Джизакском сражении, происходившем около Ура-Тюбе, также принимало участие несколько англичан¹.

Рост экономических и торговых сношений народов Средней Азии с Россией сильно беспокоил английских капиталистов. «Всякие попытки, — говорилось в одной английской газете, — монополизировать азиатские рынки исключительно в пользу одной державы (России — К. У.), — должны осуждаться теми, которые веруют в цивилизирующее влияние торговли и этому следует мешать по мере сил и возможности»².

Исходя из своих захватнических интересов, правящие круги Англии выдвинули идею создания «коалиции» мусульманских государств, куда должны были войти все три ханства Средней Азии, Афганистан и Турция, во главе с Турцией, которая уже находилась под влиянием Англии.

Реакционная Турция, подобно английским захватчикам, старалась поднять народы Средней Азии против России под видом «объединения» мусульманских народов. В донесении посла России в Турции Н. П. Игнатьева в январе 1873 года об этом сказано: «Южная Турция (т. е. младотурецкая партия Мидхат-паши — К. У.), равно и английские агенты надеются мало-помалу возбудить враждебные к нам чувства в Средней Азии, пользуясь местным недовольством»³. С целью захвата Средней Азии сюда были посланы многочисленные турецкие эмиссары, которые вели среди населения антирусскую агитацию.

Английские капиталисты, пускаясь на различные ма-

¹ М. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии, 1875, стр. 217—218, 220—221.

² Биржа. Отзывы заграничной прессы о наших среднеазиатских делах. Туркестанские ведомости, № 31, 7 августа 1873 г.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6853, лл. 15—16.

хинации, предпринимали настойчивые усилия захватить в Средней Азии рынки сбыта и вытеснить оттуда русские товары. Этих целей англичане не достигли.

Агенты капиталистической Англии и султанской Турции, обосновавшись в Кашгаре, усиленно плели тонкие интриги, нити которых тянулись в расположенное по соседству Кокандское ханство. Опираясь на феодально-клерикальные элементы, они пытались вызвать здесь антирусское движение. Английское правительство старалось поднять народы Средней Азии на борьбу против России при помощи кашгарского правителя Якуб-бека, владения которого непосредственно граничили с Киргизией. В 1868 году в своих захватнических целях английское правительство признало Якуб-бека правителем Кашгара и «подарило ему, — как пишет М. Терентьев, — батарею скорострельных пушек»¹. Вскоре Якуб-бек был признан правителем Кашгара и турецким правительством. Турецкий султан, прислав свое посольство к Якуб-беку, пожаловал ему звание эмира². В 1870 — 1874 гг., кроме неофициальных визитов, Кашгар дважды посетило английское посольство, возглавляемое Форсайтом. Якуб-бек со своей стороны тоже не раз посылал посольства в Турцию и Англию. Его родной брат Хамиль-хан был назначен послом Кашгара в Константинополь. Сам Якуб-бек находился под влиянием реакционной Турции. Достаточно сказать, что он в своих владениях чеканил монеты с изображением турецкого султана Абдул-Азиса.

Якуб-бек находился в полной политической зависимости от Англии и послушно исполнял ее желания, о чем может свидетельствовать его речь, произнесенная перед английской миссией 11 декабря 1873 года. «Королева английская, — сказал он, — для меня как солнце делает счастливыми подобных мне «бедняков», когда обращаем к ним лицо свое»³.

Англия старалась усилить власть Якуб-бека, расширить его владения за счет территории среднеазиатских ханств и создать под боком России крупное мусульман-

¹ М. Терентьев. История завоевания Средней Азии, С.-Петербург, 1906, том II, стр. 330.

² Там же.

³ Там же, стр. 330, 332.

ское государство¹, которое должно было вступить в войну с Россией.

В начале 60-х г. прошлого века, под диктатом английского правительства, Якуб-бек послал своих представителей к кокандскому хану и заключил с ним тайный договор². По этому договору кашгарский правитель должен был оказывать вооруженную помощь кокандскому хану в случае борьбы против русских³.

Правящие круги Англии старались толкнуть Якуб-бека на войну с Россией. Но Якуб-бек не мог выполнить требования англичан потому, что в это время он вел войну с Китаем.

Нередко англичане посылали в Среднюю Азию в качестве своих агентов людей из приближенных Якуб-бека.

Свое стремление к захвату Средней Азии английская буржуазия прикрывала опасениями за свои восточные колонии, особенно за Индию. Почти все газеты и журналы, издававшиеся в тогдашней Англии, были наполнены статьями «о русской угрозе» Индии⁴. Такая шумиха была рассчитана на обман мирового общественного мнения и активизацию антирусской пропаганды. В этот период в Лондоне вышли, известные своей антирусской направленностью, так называемые «научные труды» Генри Раулинсона и Джемса Хуттона. Отъявленный враг России и выразитель захватнической политики английской буржуазии на Востоке, Генри Раулинсон утверждал, что если Россия дойдет до Мерва (Мары), то тем самым получит в свои руки ключ от Индии, которым и не замедлит воспользоваться. Джемс Хуттон, подобно Генри Раулинсону, говоря об опасности для Индии, призывал англичан на борьбу против России.

Наиболее активным выразителем захватнической политики Англии был Вамбери, побывавший в Средней Азии под видом дервиша. В своих статьях, опубликованных в английских газетах и журналах, он призывал англичан «действовать всеми способами» против России

¹ ЦГВИЛ, ф. ВУА, л. 6874, л. 158.

² ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 266, л. 3.

³ Там же.

⁴ Е. Толбухов. Устроитель Туркестанского края. История Туркестанского края. 1914, стр. 902, М. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии, С.-Петербург, 1875, стр. 3.

и приостановить ее движение в глубь Средней Азии, которое якобы ставит под угрозу Индию¹.

Желая путем дипломатического давления вынудить Россию отказаться от противодействия английскому проникновению в бассейн Аму-Дарьи и верхнего течения Сыр-Дарьи, в сентябре 1865 г. министр иностранных дел Англии лорд Рассель официально предложил русскому правительству «обменяться нотами для выяснения положения обеих держав в Средней Азии»². Министр иностранных дел России князь Горчаков отклонил это предложение Расселя. Тогда английское правительство начало преследовать русских купцов в Афганистане и в Кашгаре.

В начале 1869 года британское правительство поставило вопрос о создании буферного государства между двумя державами — Англией и Россией. Таким государством должен был стать Афганистан, а границей между сферами влияния Англии и России — река Аму-Дарья³. Во время переговоров по этому вопросу выяснились, однако, истинные намерения правительства Англии в отношении Афганистана, который она хотела сделать не нейтральным государством, а военной базой против России.

В начале 1873 года между Англией и Россией было достигнуто соглашение, по которому все земли, лежащие к северу от р. Пянджа (верхнее течение Аму-Дарьи), входили в сферу влияния России⁴, а Бадахшан был присоединен к Афганистану⁵.

Успехи России в среднеазиатских делах, в частности подчинение Хивинского ханства в 1873 г., растущее влияние царизма в Средней Азии усилили действия английских капиталистов против России.

Англо-русское соперничество в Средней Азии приня-

¹ Е. М. Толбухов. Устроитель Туркестанского края. История Туркестанского края. 1914, стр. 902.

² Борьба классов, № 4, 1936, стр. 47—48.

³ А. И. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских. С.-Петербург, 1890, стр. 313—314.

⁴ М. Грулев. Соперничество России и Англии в Средней Азии. С.-Петербург, 1909, стр. 79.

⁵ А. И. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских. С.-Петербург, 1890, стр. 313—314.

ло острый характер, особенно в середине 70-х годов прошлого столетия. Об этом Ф. Мартенс пишет: «В 1875 г. неисчерпаемый Восточный вопрос, сношения между Россией и Англией по поводу Средней Азии приняли более враждебный характер и язык дипломатических нот сделался менее дружелюбным». Как известно, в 1874 г. к власти в Англии пришли консерваторы, проводившие враждебный России внешне-политический курс. В значительной степени этим объясняется сильное обострение англо-русских отношений в Средней Азии во второй половине 70-х годов XIX века.

Как видно из приведенных данных, английские колонизаторы всячески стремились к захвату Средней Азии. Происки Англии здесь непосредственно задевали жизненно важные интересы русского и среднеазиатских народов, завязавших в половине XIX столетия экономические и культурные связи между собой.

Россия в тот период являлась главным препятствием распространению английской агрессии на Востоке, особенно в Средней Азии.

* * *

Отход большей территории Кокандского ханства в состав России привел к резкому сокращению доходов феодальной знати. Теперь Худояр-хан пытался получаемые ранее поборы и подати разложить на оставшуюся часть населения. Это ложилось тяжелым бременем на плечи трудящихся и вызвало выступление узбекского, киргизского и таджикского народов 1875—1876 гг., получившее в исторической литературе название — «кокандское восстание», охватившее все ханство и подвластную ему территорию, населенную киргизами и узбеками.¹ «В зиму 1874 — 1875 гг. недовольство на хана, — говорится в отчете Кауфмана, — увеличивалось и наконец к весне 1875 года охватило все население ханства не только кочевое, но и оседлое. В восточной части ханства снова собирались скопища кипчаков и киргиз»¹. «В половине июля настоящего года (1875 г. — К. У.), — сказано в Военном сборнике, — в Кокандском ханстве вспыхнуло возмущение, вызванное крайне деспотическим, суровым

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 126.

управлением хана Худояра»¹. «Август 1875 г. и последующее затем время, — читаем в Известиях Русского Географического общества о причине и возникновении изучаемого нами восстания, — показало, как глубоко пустила корни болезнь всеобщего недовольства против хана и его приближенных, душивших народ непомерными налогами, взяточничеством, насилием и т. п. действиями. Кокандское ханство и до сих пор (январь 1876 г.—К. У.), как известно, охвачено внутренними беспорядками»². Приведенных материалов достаточно, чтобы убедиться в том, что кокандское восстание было вызвано усилением феодальной эксплуатации, в частности произволом и насилием, чинимыми Худояр-ханом и его чиновниками над узбекским, киргизским и таджикским народами.

Восстание началось в первой половине июля 1875 г. за Ошем, недалеко от Узгена. Во главе его стал Мулла-Исак Хасан-Оглы, объявивший себя Пулат-ханом, дальним родственником Худояр-хана. Восстание, охватывая всю юго-восточную часть ханства, быстро расширялось. Худояр-хан послал против повстанцев карательный отряд численностью 4000 сипаев во главе с Абдуррахманом Афтобачи и Иса-Аулиэ. 17 июля этот отряд изменил хану и возле г. Андижана присоединился к восставшим³. Повстанцы, двигаясь к столице ханства — г. Коканду, заняли Ош, Наманган, Андижан, Асаке, Маргелан и другие города, жители которых присоединились к восстанию. Теперь восстанием было охвачено все ханство.⁴ Об его размахе военный губернатор Сыр-Дарьинской области в своем рапорте от 29 июля 1875 года писал: «Все ханство от центра до окраин охвачено пламенем восстания»⁴.

На сторону повстанцев перешли большая часть ханских войск и войска правителей отдельных городов в количестве более 15 тысяч человек⁵. Повстанцы приближались к столице ханства, в которой нарастало волнение против Худояр-хана и окружающих его фео-

¹ Краткий очерк военных действий против кокандцев. Военный сборник, № 12, 1875, стр. 114.

² А. Кун. Очерк Кокандского ханства. 1876, стр. 1, Известия Русск. Геогр. общ-ва, т. XII, СПб, 1877, стр. 59.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6877, лл. 65—66.

⁴ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 272, л. 7.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6877, лл. 66—67.

далов. Царский чиновник Вейнберг, в то время находившийся в г. Коканде, писал: «Известие о приближении инсургентов сильно повлияло на жителей. Волнение в городе все усиливалось. Хан не мог рассчитывать на симпатии народа. В городе оставаться нам было невозможно вследствие возбужденного состояния народа»¹.

Худояр-хан, оказавшись покинутым большей частью своих войск и лишенный поддержки со стороны населения, не мог подавить восстания теми весьма незначительными силами, которыми он располагал, и обратился за помощью к своему покровителю—туркестанскому генерал-губернатору с письмом. «В эти трудные и злостные времена, — говорилось в его письме от 20 июля, — люди, которых я считал верными и надежными... с войсками перешли на сторону моих врагов — бунтовщиков киргизов и, соединившись с ними, пошли на меня войной... Отдаю себя и Кокандское ханство под могущественное покровительство Его величества государя императора и обращаюсь к Вам с дружественною просьбою, благоволить приказать направить в город Коканд русское войско с артиллериею в возможно скором времени, дабы замыслы мятежников не осуществились»². В результате усиления негодования горожан, Худояр-хану и окружающим его лицам невозможно было больше оставаться в Коканде, поэтому, не ожидая ответа на свое письмо, 22 июня хан с семейством, 500 приближенными вельможами, с казной, нагруженной на 42 арбах (бричках), под прикрытием оставшейся части ханских войск и одного русского взвода, во главе которого стоял Скобелев³, покинул г. Коканд и вышел по направлению к г. Ходженту — под защиту царской России⁴. К ним присоединились 9 русских купцов.

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 63, лл. 85—86.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 63, л. 48.

³ С 13 июля в Коканде находился один взвод, состоявший из 22 солдат, под командованием Скобелева, 9 русских купцов и несколько царских чиновников, в том числе коллежский советник Вейнберг. Они имели поручение обследовать путь на Кашгар, но ввиду народного восстания задержались в г. Коканде (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 129).

⁴ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 133—139. ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 272, л. 39.

Бегство хана сопровождалось частыми столкновениями возмущившихся горожан и жителей попутных кишлаков с ханским отрядом.] Об этом в рапорте (28 июля 1875 г.) коллежского советника Вейенберга, который вместе с Скобелевым прикрывал бегство хана и окружавших его лиц, говорится: «Войска двигались по середине улицы, по обеим сторонам же народ стоял шпалерами, вооруженный батиками, палками и камнями в руках. Нам приходилось проходить по одному, весьма медленно продвигаясь вперед и останавливаясь через каждые 15—20 шагов. Недалеко от дворцовой площади народ и войска до того сгущались, что невозможно было двигаться. Один из проходивших мимо нас с отрядом кавалерии юз-баши, посмотрев в нашу сторону, с улыбкою проговорил: «Проходите, проходите, мы потом со всех вас снимем головы»...» Среди толпы раздавались голоса, предсказывавшие нам путь в могилы»¹. Во время бегства последние остатки ханских войск численностью в 4 тысячи сарбазов и 2 тысячи сипаев тоже перешли на сторону восставших и вместе с ними стали преследовать беглецов. Царский чиновник Вейенберг, умоляя о помощи, писал ходжентскому уездному начальнику: «Ханское войско все перешло к мятежникам, по нас стреляют. Высылайте хоть сотню на помощь по дороге в Махрам и Беш-Арык. Отступаем с ханом»². Преследование продолжалось около двух суток до самого г. Ходжента, куда прибыли беглецы вечером 24 июля. Худояр-хану и его свите пришлось бежать непрерывно, даже и ночью. Им на помощь был послан царский вооруженный отряд, под прикрытием которого они с трудом добрались до Ходжента³. Восставшие отбили у Худояр-хана 2 арбы, нагруженных ценностями. Кроме того, на стороне беглецов имелись значительные людские потери убитыми и ранеными⁴. Восставшие и присоединившиеся к ним трудящиеся г. Коканда жестоко расправлялись с оставшимися ханскими чиновниками и крупными феодалами.} Они «произвели много убийств, — писал Кауфман в своем рапорте. — прежде всего служащих

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 63, лл. 88—89.

² Там же, л. 54.

³ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 133—139.

⁴ Там же, ф. 715, оп. 1, д. 63, л. 67.

беков хана Худояра»¹. Присоединение к восстанию городской бедноты и убийство повстанцами ханских чиновников хорошо видно из следующего сообщения Н. Корытова. «Они (восставшие — К. У.) подступили к г. Коканду. К ним примкнула кокандская чернь. Часть бунтовщиков бросилась грабить богатых и ханскую орду, а другая с Хасан-Кылей и киргизами разыскала спрятавшегося Султан-Муратбека (брат Худояр-хана, правитель Маргелана—К. У.)»².

Как показывают архивные и литературные источники, на начальном этапе данное восстание было направлено против произвола и насилия Худояр-хана и его чиновников и не проявило никакого враждебного отношения к России. Боголюбов А., внимательно следивший за ходом этого восстания, пишет: «Факт изгнания Худояр-хана его подданными в глазах как кокандцев, так и нашего ташкентского начальства не заключал в себе ничего враждебного русским»³. Но когда повстанцы увидели, что казачий взвод под командованием Скобелева открыто прикрывает бежавшего хана и его чиновников, когда на помощь беглецам был отправлен русский военный отряд и тем самым спасена жизнь Худояр-хана, тогда восставшие увидели в лице царской военщины покровителя и защитника феодально-ханского гнета и выступил против России.

После бегства Худояр-хана Абдуррахманом Афтобачи, Иса-Аулиэ и другими представителями феодальной знати, старавшимися использовать плоды восстания в узко классовых интересах, был выдвинут на ханский престол Наср-Эддин, человек слабохарактерный, неспособный к управлению, которого можно было держать им в своих руках.⁴ «Духовенство и старшие люди,— сказано в отчете туркестанского генерал-губернатора от 3 августа 1875 г.,— провозгласили ханом Наср-Эддина»⁴. Но трудовые массы, особенно восставшие рядовые киргизы, «требовали немедленного удаления с престола сы-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 175, оп. 1, д. 53, л. 143.

² Н. Корытов, Самозванец Пулат-хан. Ежегодник Ферганской области, т. 1, вып. 1902. Новый Маргелан, 1902, стр. 30.

³ А. Боголюбов, Очерк войны в Средней Азии. Военный сборник № 1, 1880, стр. 153.

⁴ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 63, л. 166.

на Худояр-хана»¹. Несмотря на возмущение и негодование рядовых повстанцев, Афтобачи и окружавшие его феодалы, опираясь на местную военную верхушку, провозгласили ханом Наср-Эддина, а основного руководителя восстания Пулат-хана, претендовавшего на ханский престол, арестовали. Пулат-хан был заключен в тюрьму в крепости Махраме, откуда через месяц, 22 августа, ему удалось бежать на Чаткал, где он и скрывался до конца сентября². По сути дела Наср-Эддин-хан являлся марионеткой в руках Афтобачи и его приближенных. Представители феодальной знати во главе Афтобачи и Наср-Эддина, в целях сохранения и укрепления своей власти, решили обезвредить для себя восстание, направив его в религиозное русло. Но все эти действия феодалов не могли приостановить борьбы трудящихся узбеков, киргизов, таджиков и кипчаков³ против феодально-ханского гнета и его покровителя — царизма. Повстанцы продолжали жестоко расправляться с ханскими чиновниками и другими представителями феодальной верхушки.

Восстание, охватившее всю территорию ханства, распространилось и на ряд районов, находившихся в руках русских властей. Повстанцы решили нанести удар покровителю феодально-ханского гнета — царизму и окончательно добить ненавистного им Худояр-хана. Они решили взять г. Ходжент, где скрывался Худояр-хан. Разделившись на несколько групп, с утра 6 августа повстанцы начали нападать на пограничные кишлаки и города Кураминского и Ходжентского уездов⁴. Одна из групп захватила г. Курамы, Аблык и несколько кишлаков. Другая группа напала на укрепление Теляу, в котором находился 4-й Туркестанский батальон⁵. Восставшие перерезали телеграфные линии и разгромили почтовые станции. Телеграфное сообщение между Ташкентом и Ходжентом, а также с Ура-Тюбе было прервано⁶. Восставшими также был захвачен и разгромлен стекольный

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 17, оп. 3, д. 593, лл. 176—177.

² Туркестанские ведомости, № 8, 24 февр. 1876 г.

³ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 65, лл. 318—319.

⁴ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 139.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6877, лл. 135—136.

⁶ Там же, лл. 135—142.

завод купца Исаева. Часть повстанцев, двигаясь по Сыр-Дарье, заняла Сил-Махрали и ряд кишлаков, в том числе Паркент, находившийся в 40 верстах от Ташкента. Местное население присоединилось к восставшим. Все это наводило ужас на местную администрацию, боявшуюся народного восстания. Вот, что пишет по этому поводу туркестанский генерал-губернатор в своем рапорте от 2 сентября 1875 года, адресованном на имя военного министра: «Вторжение неприятельских полчищ в Кураминский и Ходжентский уезды, перерыв шайками почтового сообщения между Ташкентом и Ходжентом и неимение вначале никаких сведений о результатах нападения кокандцев на Ходжент и Ура-Тюбе, — все это представляло в первое время наше положение дел здесь весьма трудным и серьезным». С 9 августа восставшие начали нападать на г. Ходжент. Вскоре этот город был со всех сторон окружен повстанцами и полностью прервана его связь с администрацией Туркестанского генерал-губернаторства¹.

Такой широкий размах восстания активизировал ответные действия представителей царизма, туркестанский генерал-губернатор начал быстро формировать карательный отряд. Этот отряд состоял из 18 пехотных рот, 8 сотен казаков и саперной части. Он был снабжен 20 орудиями². При карательном отряде имелись джигиты во главе с шахризьбским беком Джурабеком и кушатским беком Саид-беком. Отрядом командовал лично сам Кауфман, а командование отдельными частями было поручено генералу Головачеву и полковнику Скобелеву. Кроме того, Кауфман объявил призыв бессрочно и временно освобожденных от службы лиц, проживавших в Ташкенте, из них собрал 2200 человек, которые были направлены для охраны почтовых и телеграфных линий.

Начиная с 12 августа, между карателями и восставшими состоялся ряд военных столкновений. Повстанцы, храбро сражаясь с врагом, оказывали ему сильное сопротивление. Но все же они не могли устоять против хорошо вооруженного, регулярного и обученного царского отряда и постепенно отступили в Махрам, находившийся

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6877, лл. 10—24.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 138.

в 44 верстах от г. Ходжента. Махрам считался одной из крупнейших крепостей в Кокандском ханстве. Крепость была обнесена двойными глинобитными толстыми стенами; снабжена водой, продуктами питания, всевозможными военными припасами, большим запасом пороха, снарядов, многими фальконетами и более 40 орудиями. Повстанцы решили в Махраме дать решающий отпор карательному отряду. Здесь были сосредоточены основные силы восставших, насчитывавшие в своих рядах более 30 тысяч человек¹. Махрам был укреплен валами, особенно его левая сторона, откуда ждали наступления врага. Там был наполнен водой глубокий ров и установлено 24 орудия. С 21 августа карательный отряд начал наступление с двух сторон: горным путем через кишлак Кара-Кум и с южной стороны крепости. Повстанцы, несмотря на превосходство сил противника в вооружении и организации, стойко защищались и нанесли наступающим колоннам сильный урон. Об этом начальник карательного отряда пишет: «На втором переходе от Ходжента наш отряд был встречен неприятелем... Казаки под начальством Скобелева — восемь сотен, четыре конных орудия и ракетная батарея целый день вели бой с неприятелем»². После кровопролитного сражения 22 августа войска Кауфмана заняли Махрам. В сражении были убиты тысячи защитников крепости. Часть из отступающих бросилась в реку Сыр-Дарью, не желая попадать в руки врага. Со стороны карательного отряда были также значительные потери. Дух повстанцев не был сломлен. Они продолжали сопротивляться решительному наступлению карательного отряда.

После поражения под Махрамом попутчики восстания: Наср-Эддин, Иса-Аулиэ, Атакул-Батыр-Баши, Халк-Насар-датка и многие другие представители феодальной верхушки, считая свою цель в основном достигнутой, явились к начальнику карательного отряда Кауфману с изъявлением полной покорности³. Они решили сохранить власть в своих руках под покровительством царского правительства. С этой целью 22 сентября Наср-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 272, л. 49. ,

² Там же.

³ Там же, лл. 53—54.

Эддин-хан заключил договор с туркестанским генерал-губернатором. Согласно этому договору, кокандский хан признавал себя покорным слугой российского императора, отказывался от права непосредственных дипломатических сношений с другими государствами и от каких-либо военных действий без разрешения туркестанского генерал-губернатора, открывал свои владения для русских купцов и предпринимателей и обязался уплатить контрибуции в сумме 600 тысяч рублей. По этому договору вся северная часть ханства по правому берегу реки Сыр-Дарьи и Нарына, в том числе часть Ферганы с городом Наманганом, отходила к владениям России¹. Из этих завоеванных земель был образован Наманганский отдел, начальником которого стал полковник Скобелев. Этот отдел находился в составе Туркестанского генерал-губернаторства.²

Здесь следует отметить, что не все попутчики восстания перешли на сторону карателей. Определенная их часть во главе с Абдурахманом Афтобачи, боясь упустить власть из своих рук, в случае победы повстанцев, еще осталась в рядах восставших. Однако и среди них все больше и больше росло стремление прекратить борьбу при условии полной амнистии со стороны царского правительства.

Подписав вышеуказанный договор, Наср-Эддин-хан, подобно своему отцу Худояру, стал послушным слугой царизма. А царское правительство в свою очередь взяло его под свое покровительство.

Теперь Кауфман обратился к населению Кокандского ханства с угрожающим призывом прекратить борьбу и помочь новому «законному» хану Наср-Эддину всем, чем только можно. В одном из его воззваний читаем: «...Пуллат-бек снова беспокоит народ. Приглашаю народ помогать в этом деле всеми силами своему хану. Объявляю также всему народу, что я беспорядков в ханстве терпеть не буду. Предупреждаю, что в случае продолжения беспорядков в ханстве наступит час наказания, тогда раскаяние будет поздно, а будет плач и горе»².

Ни жестокие действия карательного отряда, ни угро-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 268, лл. 34—48.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 162.

жающие воззвания Кауфмана к местному населению не могли приостановить народного восстания. Попытки нового хана собрать с населения поборы и подати¹, а также воинов для ханской армии и большая контрибуция, ложившаяся дополнительным тяжелым грузом на плечи трудящихся, поднимали свежие волны восставших против Наср-Эддин-хана и его покровителя — царского правительства. В этот раз выступление восставших началось в конце сентября в окрестностях г. Андижана. Как сообщает Н. Маев, [поводом к нему явилось несвоевременное объявление приказа Наср-Эддина о сборе на ханскую службу нукеров.] «Никто не хотел идти на службу к непопулярному хану, который и был избран на престол, единственно, вследствие того, что вожди инсургенционного движения надеялись его именем управлять ханством»². Восстание опять охватило все трудовое население ханства. Это видно и из рапорта защитника ханской власти — Кауфмана, который писал: «Наср-Эддин-хан не сумел или не смог собрать ни воинов, ни денег для борьбы. Беки, им назначенные в Андижане, Тарихане и Балыкчи, без денег, без войска, без оружия изгнаны из городов, а народные силы, оружие — все в руках восставших»³. Во главе восставших опять стал Мулла-Исак-хан Оглы (Пулат-бек или Пулат-хан). В конце сентября повстанцы провозгласили его ханом⁴. Восставшие заняли г. Андижан, жители которого, присоединившись к ним, вместе с ними стали преследовать царский военный отряд, бежавший от повстанцев⁵. Город Андижан стал центром восстания. Количество повстанцев в этом городе доходило до 60—70 тысяч человек⁶.

По просьбе Наср-Эддина-хана Кауфманом был направлен карательный отряд в количестве 1400 человек⁷. Кауфман во главе карательного отряда, подойдя к

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 272, лл. 53—54.

² Н. Маев. О беспорядках в Коканде. Туркменские ведомости, 1876, № 8, 24 февраля.

³ ЦГИА Уз. ССР, д. 1, оп. 34, д. 346, лл. 96—176.

⁴ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 273, л. 25.

⁵ Н. Корытов. Самозванец Пулат-хан. Ежегодник Ферганской области, вып. 1, Новый Маргелан, 1902.

⁶ А. Н. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских. С.-Петербург, 1890, стр. 336.

⁷ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 64, л. 139.

г. Андижану и увидев превосходившую силу повстанцев, не осмелился войти в город. Сначала он попытался вбить клин между восставшими, т. е. поднять оседлых узбеков против кочевых киргизов и кипчаков. Вот что говорится в его воззвании, адресованном к восставшим узбекам: «Андижанские узбеки к вам я особо обращаюсь, опомнитесь, не верьте зачинщикам смут, поймите, что они (киргизы и кипчаки — К. У.), решившись воевать, ничего не могут потерять, не имея никакой оседлости. Когда город будет взят войсками могущественного белого царя, вы одни поплатитесь и жизнью, и имуществом... Советую вам не слушаться ваших крикунов и вместе с почетными жителями города представить мне всех зачинщиков войны и выйти с аманом, полагаясь на милость представителя государя»¹. Как и раньше это воззвание не дало представителям царизма желаемых для них результатов.

Оно не могло рассоединить трудовые массы узбеков и киргизов, спаянные общей ненавистью против феодально-ханского гнета и его покровителя — царизма.

Восставшие, ответив на воззвание Кауфмана молчанием, начали усиленно готовиться к решительному отпору. Сражение между восставшими и карательным отрядом началось 1 октября и продолжалось до 6 числа этого месяца. В сражении восставшие, несмотря на свою малоорганизованность и слабую вооруженность, проявили храбрость и отвагу. Начальник карательного отряда ген. Троцкий писал: «...Колонна пол. Аминова наступала с непрерывною перестрелкою с неприятелем, который на всем пути в саклях, мечетях, упорно и ожесточенно защищал город... По занятии Урду войска снова подвергались в ней со всех сторон ожесточенному нападению защитников города, доходившему до рукопашной схватки. Все передвижение по городу опять сопровождалось ожесточенным сопротивлением его защитников»². В результате пятидневной ожесточенной борьбы, карательный отряд разбит восставшими и вынужден был отступить в г. Наманган³. Этот успех вскоре

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6882, л. 202.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 64, лл. 53—54.

³ Там же, ф. 1, оп. 34, д. 272, л. 147.

стал известен по всему ханству, он вселил надежду на возможность успешной борьбы с ненавистной ханской властью Наср-Эддина и вызвал еще больший подъем народного движения.

Рано утром 9 октября повстанцы подошли к г. Коканду. Горожане, отворив городские ворота, присоединились к ним. Восставшие напали на ханский дворец. «Народ в Коканде взбунтовался, — сказано в рапорте ходжентского уездного начальника от 10 октября 1875 г. — Утром (9 окт. — К. У.) массы напали на дворец его (Наср-Эддин-хана — К. У.). Хан три часа отчаянно защищался, но вынужден был бежать с небольшою свитою». Наср-Эддин хан, с позором выгнанный восставшими, подобно своему отцу Худояру, бежал в г. Ходжент — под защиту царского правительства. Восставшие его преследовали до тех пор, пока он не переправился через р. Сыр-Дарью¹. Повстанцами были убиты Мурат-бек, басмандинский аксакал Файзы и многие другие представители феодальной знати².

Восстание успешно развивалось, его огнем был охвачен гор. Наманган, где находилось управление одного из отделов Туркестанского генерал-губернаторства. Но наступление на этот город велось неорганизованно и нерешительно. 27 октября под Наманганом повстанцы были разбиты карательным отрядом. Наср-Эддин-хан, мечтавший вернуть в свои руки власть при помощи царизма, решил воспользоваться этим временным поражением восстания. С этой целью 31 октября он написал воззвание к жителям г. Коканда, в котором говорилось: «Неужели же жители столицы ханства могут терпеть управление людей, поставленных над ними Пулат-беком и Афтобачи». В конце воззвания указывалось, что Кокандскому ханству не под силу бороться с могущественным соседом³. (Разумеется, это воззвание вызвало лишь новое раздражение и негодование со стороны восставших трудящихся узбеков, киргизов, таджиков и кипчаков.

Царское правительство продолжало всячески пытаться подавить восстание и снова поставить во главе

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 64, лл. 93—95.

² Там же, д. 66, лл. 217—218.

³ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 166—167.

ханства послушного ему Наср-Эддина. Было объявлено, что «если население будет участвовать в шайке, скрывать их (восставших—К. У.) или помогать каким бы то ни было способом этим шайкам, то кишлак или аул будет разорен, а начальники их подвергнутся заслуженному наказанию»¹. Этот угрожающий приказ военного губернатора Сыр-Дарьинской области от 18 октября не вызвал в среде местного населения ни уныния, ни страха, наоборот, он показал подлинное лицо царского правительства и поднял трудящихся на дальнейшую борьбу.

Начиная с ноября месяца, между повстанцами и карательным отрядом происходил ряд серьезных сражений, именно: 2 ноября — у кишлаков Кепе и Таш-Бала, 12 ноября—в г. Балыкчи, 18 ноября—в кишлаке Ашабе, 30 ноября—в кишлаке Гур-Тюбе, 2 декабря—при кишлаке Ульджибае и 4 декабря—у кишлака Байбачи². Вот что пишет об одном из этих сражений начальник Ак-Джарского карательного отряда полковник Пичугин: «Мы подошли к кишлаку Ашабу в 7 часов утра 18 ноября 1875 г. После упорной, хотя и непродолжительной, перестрелки пехота бросилась на штурм. Соппротивление жителей было отчаянное; били людей из-за баррикад и бойниц. Жители пощады не просили и гибли с оружием в руках, женщины кидались с ножами на солдат и бросали в них камни»³. Повстанцы, храбро сражаясь, в нередких случаях одерживали победы над карательным отрядом. Восстание продолжало усиливаться, в середине декабря только под одним Маргеланом насчитывалось около 80 тыс. повстанцев⁴, во главе которых стоял Пулат-хан.

Теперь царское правительство решило мобилизовать против восстания все военные силы Туркестанского генерал-губернаторства. Был сформирован новый карательный отряд. Его называли «Зимней экспедицией» или «Зимним отрядом». Он состоял из конно-стрелкового дивизиона, 9 пехотных рот и 750 казаков; был снабжен всеми видами военного оружия того времени, в

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 272, л. 163.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 170—173.

³ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 65, лл. 200—204.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6882, л. 129.

том числе 12 орудиями и ракетной батареей¹. Отряд должен был окончательно подавить восстание и жестоко наказать киргизов и кипчаков, особенно населявших Еки-Су-Арасы, т. е. живших между Нарыном и Кара-Дарьей². 25 декабря карательный отряд вышел из г. Намангана, а на следующий день он уже был на Еки-Су-Арасы. Здесь отряд часто подвергался серьезным нападениям со стороны кипчаков и киргизов³. Коренное население, прекрасно знавшее местные географические условия, внезапно нападая на карательный отряд, наносило ему сильные удары и значительные потери. Однако население Еки-Су-Арасы своими неорганизованными и локальными нападениями не могло приостановить продвижение войск. При приближении карательного отряда местные жители, несмотря на глубокий снег и сильный мороз, бежали в недоступные горы, оставив юрты, имущество и скот, а совершеннолетние мужчины присоединялись к народному ополчению, которое делало внезапные налеты на противника.

Подавление восстания сопровождалось большими жестокостями. Начальник Ак-Джарского карательного отряда полковник Пичугин в своем рапорте от 20 ноября 1875 г. пишет: «Наконец кишлак (Ашаб—К. У.) был взят... все легло под штыками... Ударив сбор и собрав отряд, я отправил часть отряда для разрушения кишлака. Через некоторое время он представлял сплошную массу огня, в котором горели трупы, завалившие все улицы, сады и дворы, скот, забившийся в разных закутках, и все ненужное отряду имущество. В одном кишлаке было сочтено более 150 трупов, погибших с оружием в руках; кроме того, в садах, рывинах, скатах высот, везде валялись трупы, думаю, что и там их было не менее сотни»⁴. Были уничтожены кишлаки: Тода Ходжават, Пайток, Исбаскент, Бута-Қара, Мавсы, Такачи, Кара-Янтак, Хайрабат, Шур-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 67, лл. 67 и 70.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6882, л. 119.

³ Н. Корытов. Самозванец Пулат-хан. Ежегодник Ферганской области, вып. 1, Нов. Маргелан, 1902, стр. 36.

⁴ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 65, лл. 203—204.

Арык, Тулу-Бек, Шур-Курган, Ашаб, Ак-Масар, Янгиз-Бак и другие¹.

Жестокие действия карательных отрядов еще сильнее сплотили узбекские, киргизские, таджикские и кипчакские трудовые массы против царского правительства. Восставшие, оказывая яростное сопротивление карательным отрядам, постепенно отступали в г. Андижан. Здесь сосредоточивались основные силы восстания. Количество только одних повстанцев составляло более 80 тысяч человек. Кроме того, в этот город бежали жители ближайших кишлаков.

Восставшие готовились к решительному бою. Скобелев писал, что жители Андижана отчаянно защищались, деятельно укрепляли свой город и изготовляли огнестрельное оружие и боевые припасы². Во главе андижанцев стоял Афтобачи. Пулат-хан с целью действовать в тылу карательного отряда с 15 тыс. киргизов расположился вне города Андижана.

Карательный отряд 4 января подошел к г. Андижану. Три дня он не осмеливался напасть на укрепленный город. Сражение началось 7 января.

«Битва была ужасная, — писал участник этого сражения Куропаткин в своем дневнике, — невиданная, частью наши солдаты разбежались, 80 человек раненых дотащились до Маргелана»³. Повстанцы проявили большой героизм и замечательную отвагу. Но все же после ожесточенной битвы, потеряв 20 тыс. человек только убитыми, вечером 8 января они вынуждены были оставить Андижан⁴. Со стороны карательного отряда также имелись большие потери.

Борьба восставших против карательного отряда продолжалась и после андижанского поражения. Наиболее крупные сражения происходили 18 января под г. Ассакс и 28 января в кишлаке Уч-Кургане⁵.

Некоторые руководители восстания, особенно из числа феодальной знати, во главе с Абдуррахманом Афтобачи шли с повстанцами до определенного момента. Но когда они увидели, что восстание терпит поражение, то

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6882, лл. 132—141.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6882, л. 136.

³ ЦГИА, ф. 559, дневник Куропаткина, № 6, стр. 9.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6882, л. 102.

⁵ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 172—173.

сразу же позаботились, как и всегда, о своих личных интересах; они готовились перейти на сторону царизма, изменив восставшим. После ряда письменных переговоров с представителями царизма 24 января Афтобачи сдался¹. Вместе с ним сдались Батыр-Тюре, Исфандиар, Нармухамед-датка и др. 26 известных феодалов с 400 джигитами. Царское правительство установило Афтобачи пожизненную пенсию в размере 3000 рублей в год.

Наср-Эддин-хан, жадно следивший за ходом событий в ханстве, еще раз попытался вернуть в свои руки ханскую власть при помощи царизма. 22 января он выехал из г. Ходжента и около г. Коканда в кишлаке Кайнар ожидал удобный момент для захвата ханского престола. Но 28 января часть восставших, внезапно напав на Кайнар, вновь заставила хана бежать в Ходжент. «В Махрам приближался Наср-Эддин-хан. На него в кишлаке Кайнар напали киргизы и кипчаки, — писал начальник Ходжентского уезда барон Нольде в своем рапорте от 28 января 1876 года. — Дав им сражение, сам хан бежал, едва не попавшись в плен. Он разбит наголову, потерял 200 человек»².

18 января Пулат-хан отправил депутацию к и. о. туркестанского генерал-губернатора Колпаковскому и «просил заключить мир»³. Однако вся депутация в количестве 14 человек во главе с Ахун-Дамула-Мир-Бадыл-Маулявым была задержана в г. Ташкенте⁴. Пытаясь вести переговоры с администрацией Туркестанского генерал-губернаторства о мире, Пулат-хан не сложил оружия и не склонил голову перед карательным отрядом. Он продолжал руководить действием восставших. Но в ночь с 18 на 19 февраля Пулат-хан был захвачен в горах Алая и через 8 дней, т. е. 1 марта 1876 года, казнен в г. Маргелане⁵.

Следует отметить, что в работах, имеющих отношение к данному вопросу, даются противоречивые оценки деятельности Пулат-хана. В одних из них Пулат-хан характеризуется как национальный герой, верный ру-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 172—173.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 66, л. 214.

³ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 327, л. 1.

⁴ Там же, ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 5.

⁵ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 272, лл. 209—210.

ководитель кокандского восстания и выразитель интересов народных масс¹, в других — он считается авантюристом, реакционером, старавшимся восстановить и укрепить феодально-ханские порядки, ярким врагом узбекских, киргизских и таджикских трудовых масс². Нам кажется, ни та и ни другая оценка деятельности Пулат-хана не соответствуют действительности. Обе они являются односторонними.

1873—1874 гг. Пулат-хан руководил восстанием трудящихся южных киргизов против феодально-ханского гнета. Когда восстание потерпело поражение, он скрывался в среде киргизов, кочующих на Чаткале и Алае. А в июле 1875 г., т. е. в самом начале кокандского восстания, Пулат-хан, став во главе этого восстания, руководил им до его подавления. Не случайно Пулат-хан был арестован и заключен в крепость Макрам представителями феодальной верхушки — Наср-Эддин-ханом и окружающими его чиновниками. В лице Пулат-хана Наср-Эддин видел не простого претендента на ханский престол, а классового врага, за которым стояли угнетенные трудовые массы.

Однако в октябре 1875 года Пулат-хан, став правителем Кокандского ханства, начал действовать как обычный хан со всеми свойственными ему чертами. Он выдвинул представителей феодальной знати на высокие посты при ханском дворце, правителями городов и на другие должности. Бывший Ура-Тюбинский бек Абдул-Гафар был назначен правителем г. Коканда³, а после заменен бывшим хакимом Ошского вилайета Абдулла-беком⁴. Должность правителя г. Андижана получил известный датка Ша-Мирза, а его помощниками сделались датка Ярмат и бек Амал-Иш-Агасы. Хакимом г. Маргелана

¹ С. Павлов. М. Рабинович. Кокандское восстание 1875—1876 гг. «Борьба классов», 1936, № 4. История СССР, часть II, М., 1949. История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, и др.

² А. В. Пяковский. О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и начале XX вв. Труды ИЯЛИ КиргизФАН ССР, вып. IV, Фрунзе, 1954; К. Усенбаев. О характере национальных движений в Южной Киргизии в 1873—1876 гг. Решение научной сессии историков Киргизии. Фрунзе, 1953. История Узбекской ССР, т. I, кн. II, Ташкент, 1956.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6878, л. 33.

⁴ Военный сборник № 3, 1876, стр. 70.

выдвинут феодал Валихан-Тюре¹. Сподвижник бывшего ляхкари Алымкула Абду-Мумын стал личным наибом Пулат-хана². Два сына крупнейшего феодала Курманджан датки — Омор-бек и Хасан-бек, а также пансат Кийикбай, бывший наманганский бек Батыр-Тюре и другие представители феодальной знати назначены военачальниками и на разные гражданские должности³. Пулат-хан женился на дочери каратегинского правителя Музаффаршаха, ставшего визирем и первым советником своего зятя. Одного из своих шуринов Пулат-хан сделал казначеем, а другого пансатом⁴.

Пытаясь держать население в полной покорности и повиновении, Пулат-хан старался наводить страх смертными приговорами. Он велел казнить не только некоторых ханских сановников, но всех, кого только подозревал в измене, в том числе и представителей трудящихся. Вот что говорится в записке от 15 ноября 1875 г.: «Пулат-хан для упрочения своей власти в ханстве, прибегает к кровавым мерам, вырезывая ежегодно много, преимущественно старших людей и представителей народных»⁵.

Итак, Пулат-хан, хотя руководил борьбой трудящихся против феодально-ханского гнета, но затем, особенно в последнем этапе кокандского восстания, окружил себя представителями феодальной знати, по существу оторвался от восставших народных масс.

Учитывая все это, Пулат-хана нельзя назвать ни национальным героем, верным руководителем восстания, ни реакционером, ярым врагом трудящихся. Пулат-хан безусловно являлся руководителем восстания, только непоследовательным в своих действиях и не до конца преданным делу восставших народных масс. Он шел с повстанцами до определенного времени, но потом, став ханом, попал под влияние феодальной знати, по существу сторвался от рядовых повстанцев.

¹ Ежегодник Ферганской обл., вып. I, 1902, стр. 27—34—35.

² Д. Иванов. Героическая смерть Данилова. Кокандский бунт 1875 г. СПб, 1890, стр. 34—35.

³ А. Серебренников. Кокандский поход 1875—1876 гг., стр. 37 (133). Военный сборник, № 3, 1876, стр. 62, Ежегодник Ферганской области, т. I, 1902, стр. 26.

⁴ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. I, д. 67, л. 168.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6878, л. 32.

Поражение восстания объясняется слабой организованностью, плохим вооружением повстанцев, отсутствием единого руководства, плановости, ограниченностью классового сознания восставших и изменой представителей феодальной знати. Восстание протекало стихийно, его участники — трудящиеся пытались избавиться от феодального гнета путем свержения ненавистного им жестокого хана и провозглашения на его место «доброго» хана. Основная масса повстанцев мирилась с тем, что большинство людей, руководивших восстанием, состояло из феодалов, которые выше всего ставили свои интересы, старались направить антифеодальную борьбу трудящихся по религиозному руслу и после первых же неудач переходили на сторону карательных отрядов. Такие антинародные действия феодальной знати способствовали поражению восстания. Как отмечено выше, руководитель восстания Пулат-хан, заняв престол Кокандского ханства, выдвигал цели, по существу враждебные интересам рядовых повстанцев. Это явилось одной из причин прекращения борьбы восставших трудовых масс, хотя они и имели значительные возможности для ее продолжения.

Восстание 1875—1876 гг. началось как антифеодальное движение, направленное против ненавистного народу хана. Участие в этом восстании широких масс узбекского, киргизского и таджикского народов обусловило его массовость и упорство. Но в отличие от восстания 1873—1874 гг. руководство восстанием феодалами во главе с Абдуррахманом Афтобачи направило борьбу масс по антинародному пути, по пути разжигания ненависти между народами. Не случайно, что восстание 1875—1876 гг. протекало под реакционным лозунгом «газавата». Этому способствовала и царская администрация — своей поддержкой ненавистного народу хана и ненужными жестокостями карательных отрядов. На реакционные, антинародные позиции скатился на последнем этапе борьбы и Пулат-хан. Все же долго восстание оставалось массовым, хотя и направленным на исход по реакционному пути. Именно массовость восстания имел в виду Куропаткин, когда писал в марте 1876 г.: «Если бы борьба происходила с ханом, имевшим значение в глазах народа, то по всей вероятности Махрамскую победою и занятием Кокан-

да экспедиция достигла бы главных своих целей. Но дела имели иной характер, на сцене появились иные причины. Борьба происходила не с ханом, а с народным движением, которое не так легко подавить и т. д... Никогда еще в Средней Азии русским не приходилось испытывать такой длинной и упорной борьбы. Мы первый раз столкнулись с энергичным бойцом и дознали, что бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств»¹.

Местные трудящиеся, томившиеся под гнетом местных феодалов и царизма, поддерживали восстание. В рапорте начальника Аулие-Атинского уезда от 3 сентября 1875 года говорится: «Туземцы по случаю происходивших событий (кокандское восстание—К. У.) находились в напряженном состоянии и скрывали от русской власти то, что им известно. Тревожные слухи усиливались с каждым днем, а 15 августа перед выступлением сотни мне было донесено, что на аулие-атинских кара-киргиз надеяться нельзя, что многие из людей этих волостей находятся в сношении с предводителями шаек и что ими посланы несколько человек в Коканд с политической целью. До выступления моего, я задержал несколько человек кара-киргиз, отлучившихся без моего ведома в Коканд и возвратившихся сюда при начале восстания. Эти люди изоблачились лазутчиками в прямых сношениях с мятежниками»². «В Намангане очень много людей подстрекавших к восстанию,—читаем в донесении начальника карательного отряда Скобелева от 5 ноября 1875 года,—жительство которых народ не выдает, особенно враждебно к нам настроены жители кварталов, не пострадавших во время штурма. Жители кишлаков хотя высказываются за нас, но тайно участвуют в общем восстании, помогая шайкам (отрядам повстанцев—К. У.) деньгами и натурой»³. Наоборот, представители узбекской, киргизской и таджикской феодальной верхушки: шахризьябский бек Джурабек и магианский бек Сеид-бек, крупные маналы Шабдан, Баяке, Дыйканбай, Атакан, Акмат, Бекболт, Егенберди и многие другие, принимавшие активное участие в подавлении восстания, от царизма получили боль-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 67, лл. 312—316.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 272, лл. 82—85.

³ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 65, л. 71.

шие денежные и иные правительственные награды и высокие военные чины¹. Поддержка восстания трудовым населением, угнетенным феодалами и царизмом, и активное участие представителей феодальной знати в действиях карательного отряда против повстанцев, лишний раз свидетельствуют об антифеодальной основе изучаемого движения. Но следует отметить, что по мере того, как проявлялись чуждые народу черты восстания, оно теряло свой массовый характер. При присоединении (после подавления восстания) Кокандского ханства к России народные массы оставались спокойными, а нередко положительно относились к установлению русской власти.

Интересующее нас выступление явилось одним из крупнейших восстаний в истории народов Средней Азии до XX века. Оно охватило всю территорию Кокандского ханства, Южной Киргизии, значительную часть Таджикистана и ряд пограничных районов Туркестанского генерал-губернаторства. Это восстание началось как общенародное и массовое. В нем участвовали узбекские, киргизские, таджикские и каракалпакские дехкане, скотоводы, ремесленники и кустари, обнищавшие, разоренные и обескровленные в результате грабительской политики кокандского хана и его чиновников. В этом восстании принимали участие и представители феодальной знати, преследовавшие свои личные интересы. Завоевание царской Россией большей части территории ханства привело к резкому уменьшению размеров феодальных, особенно вакуфных владений, и сильному сокращению доходов феодальной знати. Худояр-хан, опираясь на поддержку царизма, по существу перестал считаться с крупными феодалами, даже с такими высокопоставленными лицами, как Абдуррахман Афтобачи, Иса Аулиэ, Магомет-Мурат и Наср-Эддин, которые играли раньше большую роль во внутренних и внешних делах ханства. Все это ущемляло интересы и привилегии части феодалов, военно-чиновничьей знати, реакционного мусульманского духовенства, правителей отдельных го-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 67, лл. 258—259; там же, д. 64, лл. 62—65; там же, ф. 1, оп. 34, д. 272, лл. 194—197; там же, ф. 715, оп. 1, д. 64, лл. 62—65.

родов и создало почву для их присоединения к этому восстанию. Однако основу и движущие силы восстания составляли угнетенные трудовые массы.

Необходимо отметить, что у восставших трудящихся и тех феодалов, которые оказались с ними в одном лагере, общего пути не было и быть не могло. Между ними имелись классовые противоречия, и они преследовали различные цели. Трудовые массы хотели освободиться от жестокого феодально-ханского гнета и его покровителя царизма. А представители феодальной знати пытались использовать восстание в личных интересах, в целях захвата власти в ханстве, сохранения старых патриархально-феодальных устоев и восстановления, хотя бы частично, утраченных политических привилегий, говоря другими словами, для укрепления своих классовых позиций.

Кокандское восстание 1875—1876 гг., хотя и кончилось поражением, имеет большое историческое значение. Оно играло определенную роль в деле роста классового самосознания трудящихся. Это восстание ярче и глубже раскрыло социальные противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми, дало возможность трудовым массам лучше осознать свои классовые интересы и отчетливо разглядеть подлинное лицо местных феодалов, а также царских чиновников. Но нельзя забывать и другую сторону: борьба на последнем этапе неизбежно вела к национальной розни, к отчуждению местных народностей от русского народа. И только в иных исторических условиях узбекский, киргизский, таджикский и каракалпакский народы уже совместно с русским рабочим классом и крестьянством нанесли решительное поражение своему исконному врагу—местной феодальной знати и царскому самодержавию.

(Думаем не будет преувеличением, если скажем, что повстанцы, яростно боровшиеся против своих ханов и их покровителя—царского правительства, отвлекая на себя определенные силы царизма, состоявшие из 20 тыс. солдат и офицеров¹, косвенно помогали русским трудящимся, которые в это время также боролись против своих классовых врагов — помещиков и буржуазии.

¹ Ю. Россель. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. Вестник Европы. 1878, № 6, стр. 609.

Покровителю феодально-ханского гнета—царизму—не удалось восстановить ханскую власть ни Худояр-хана, ни Наср-Эддин-хана. Царское правительство, не желавшее ранее по тактическим соображениям принять в свое подданство южных киргизов и узбеков, теперь напуганное размахом восстания, было вынуждено ликвидировать Кокандское ханство и присоединить его территорию к России.

19 февраля 1876 года Кокандское ханство под названием Ферганской области было присоединено к России¹.

С присоединением Кокандского ханства Южная Киргизия, за исключением Алая, вошла в состав Российской империи. Весть о присоединении к России была встречена большинством населения положительно.} «При движении отряда жителям кишлаков объявлялось о принятии подданства великого государя, — говорится в рапорте Скобелева от 9 февраля 1876 г., — (они—К. У.) принимали объявление с восторгом. В кишлак Ваульды пришли ночью, улицы освещены кострами, народ повсеместно ликует, узнав о присоединении к России»². В телеграмме Колпаковского Кауфману от 9 февраля 1876 г. сказано: «Объявление о присоединении к России в Асаке, Маргелане принималось народом торжественно. Жители Маргелана просили отряд войти в город, что было исполнено. Улицы города, базар были иллюминированы. По дороге жители кишлаков встречали радостно»³. «Отряд Меллера вернулся в Андижан, — читаем в донесении начальника Наманганского отдела, — и с ним вместе явились бек Маргелана Турсункул во главе представителей городского населения и депутации из Оша и Узгена. Депутации заявили об аресте своих беков, не желающих покориться русской власти»⁴. Конечно, в этих донесениях сказываются черты «казенного оптимизма». Но в них содержится и правда о положительном отношении народа к присоединению к России. Как уже отмечалось, антинародное феодально-клерикальное руководство восстанием на его заключительном этапе оттолкнуло от борьбы немало его участников. Стремление к присоединению к России, так

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 66, лл. 254—290.

² Там же, л. 322.

³ Там же лл. 311—312.

⁴ Там же, л. 230.

ярко проявившееся во время борьбы 1873—1874 гг., должно было оживиться с новой силой.

Приведенные выдержки из архивных материалов и другие исторические данные показывают, что [кокандское восстание 1875 — 1876 гг. было направлено своим острием прежде всего против феодально-ханского гнета, а не против присоединения ханства, в том числе Южной Киргизии к России. Можно полагать, что если бы царское правительство не брало под свою защиту свергнутых ханов Худояра и Наср-Эддина, а также окружавших их феодалов, то со стороны восставших не было бы ни одного выстрела против русских войск. Наоборот, повстанцы, борясь против феодально-ханского произвола, возможно ориентировались бы на Россию, как это делали южные киргизы во время восстания в 1873—1874 гг.

Но царское правительство своими действиями, направленными на поддержку власти Худояра и Наср-Эддина, настроило против себя повстанцев, сопротивление которых пришлось ему сломить лишь военной силой.

Осуществить присоединение Кокандского ханства стало возможным потому, что и внешнеполитическое положение царской России к середине 70-х годов XIX в. значительно улучшилось. Царское правительство к этому времени уже оправилось от поражения в Крымской войне и в октябре 1875 года заключило договор с Англией, по которому последняя получила свободу действий в Афганистане, предоставив такие же права России в Средней Азии¹.

После подавления кокандского восстания многие киргизские беки, хакимы и датки бежали в Алай. К ним присоединились и некоторые представители узбекской феодальной знати, занимавшие высокие посты в период господства кокандского хана. Воспользовавшись географическими условиями (труднодоступностью Алайских гор), они организовали ряд выступлений против России, за восстановление Кокандского ханства и распространение его власти над Южной Киргизией.

Алай, занимавший значительную часть Южной Кирги-

¹ С. Павлов, М. Рабинович. Кокандское восстание (1875—1876 гг.). Борьба классов. № 4, 1936, стр. 56.

зии, окончательно присоединен к России лишь после подавления этих выступлений.

В марте 1876 года киргизские и узбекские феодалы с отрядом в количестве 1000 человек, собравшись ниже Чемиона, у кишлака Лангара, объявили ханом выходца из династии минг, проповедника газавата — Дивану (Худайкула)¹. Во второй половине марта в урочище Гульча группировались шайки Худояр-халпы². Дивана и Худояр-халпа пытались при помощи оружия поднять народные массы Южной Киргизии против России. Они угрозами требовали от населения предоставления им военных припасов³.

Обеспокоенные разорительными действиями шайки Диваны и Худояр-халпы, киргизские трудящиеся стали переходить во владения Туркестанского генерал-губернаторства. Так, 600 кибиток киргизов из Алая перекочевали к Гульче, где было построено русское укрепление⁴. В конце марта шайки Диваны и Худояр-халпы были разбиты карательным отрядом, возглавлявшимся полковником Корольковым⁵.

В апреле 1876 года старший сын Курманджан-датки Абдуллабек, занимавший во время правления Худояр-хана должность бека Ошского вилайета, при помощи своих сподвижников Сулеймана-удайчи, Тонкула Пансата, Бекджан-минбаши, Оморбека, Валихана организовал отряд в количестве 1500 человек⁶. В его состав входили и представители узбекской феодальной знати, интересы которой были ущемлены с присоединением Кокандского ханства к России. С целью прекращения перекочевок алайских киргизов во владения России Абдуллабек занял сильную позицию в ущелье Яны-Арык, прикрывавшую

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, лл. 24—25. М. Терентьев. История завоевания Средней Азии. СПб, 1906, т. II, стр. 416—418.

² А. Серебренников. К истории кокандского похода. Военный сборник, 1897, № 9, стр. 8 (13—14).

³ Там же, стр. 2 (8).

⁴ М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. С.-Петербург, 1906, том II, стр. 416—418.

⁵ Там же, стр. 416—418.

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, лл. 52—72. В. Тагеев. Памирский поход (воспоминания очевидца). Русский вестник, 1899, № 11.

выход из Алая. Абдуллабек объявил «газават»¹. Было прервано караванное сообщение с Кашгаром.

Выступления феодально-клерикальных элементов против России еще не были окончательно подавлены. В разных местах Алая продолжали появляться довольно крупные шайки, руководимые бывшими сподвижниками Пулат-хана и другими представителями феодальной верхушки. В конце мая Дивана вторично организовал шайку в 400 человек². В июне на урочищах Нау-Джайляу Мулла-Ашур собрал шайку, количество которой доходило до 600 человек³. В июле родственник Худояр-хана Абдулл-Каримбек, организовав шайку, выступил против России⁴. Был объявлен «газават». Он занял сильную позицию на урочище Шот в 40 верстах от Оша. Вскоре Абдулл-Каримбек был провозглашен ханом⁵.

Дивана, Мулла-Ашур и Абдулл-Каримбек, выступая против России, пытались насильно присоединить к себе трудящихся Алая⁶. Они со своими шайками грабили и разоряли русское население и местные трудовые массы.¹ «Огромные шайки лихих джигитов, — пишет участник Алайского похода В. Тагеев, — стали разбойничать, производя беспорядки среди русского населения возникшей (Ферганской — К. У.) области и разбой эти всегда сопровождался обильным кровопролитием»⁷. В работе А. Серебренникова «Кокандский поход 1875—1876 гг.» говорится, что шайки Диваны, Мулла-Ашура и Абдуллабека занимались «грабежом мирных жителей, доводя иногда свою дерзость и нахальство до того, что решились

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, лл. 30—31.

² А. Серебренников. Кокандский поход 1875—1876 гг., стр. 24—25.

³ А. Серебренников. К истории кокандского похода. Военный сборник, 1897, № 9, стр. 21 (27).

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, лл. 88—89 и 146—160. Л. Костенко. «Экспедиция в Алайские горы». Русский инвалид, 1876, № 206, 211, 229, 235. Турк. сборник, т. 150, стр. 125—128.

⁵ Там же, л. 90.

⁶ Там же.

⁷ В. Л. Тагеев. Памирский поход (воспоминания очевидца). Русский вестник, № 11, 1889 г. Туркестанский сборник, т. 420, стр. 367—368.

грабить аулы, стоявшие недалеко от места расположения наших войск»¹.

Значительная часть трудовых масс, опасаясь грабежей и насилий отрядов феодальной знати, перекочевала на территорию, входившую в состав Российской империи².

Во второй половине июня 1876 г. туркестанским генерал-губернатором Кауфманом организован карательный отряд, выступивший в так называемый «Алайский поход». Основной целью его явился разгром шайки Диваны, Муллы-Ашура и Абдулл-Каримбека и окончательное присоединение Алая к России. Отряд состоял из 500 солдат. При нем имелась ракетная батарея и три горных орудия. В его состав входили 25 джигитов во главе с Шабданом³, отрядом командовал генерал Скобелев.

К концу августа выступления Диваны, Мулла-Ашура и Абдулл-Каримбека были подавлены⁴.

Абдуллабек, потеряв надежду на восстановление своей прежней власти, которую имел во время Кокандского ханства, и не желая присоединения к России, бежал со своими братьями и близкими сподвижниками в Афганистан, а оттуда в г. Мекку. За Абдуллабеком в Афганистан пыталась бежать и его мать — Курманджандатка. Но она была по дороге задержана и доставлена к начальнику Ферганской области — Скобелеву. Получив богатые подарки, она примирилась с подданством России⁵.

¹ А. Серебренников. Кокандский поход 1875—1876 гг., стр. 16—26. К истории кокандского похода. Военный сборник 1897 г., стр. 18—20 (24—26).

² М. Терентьев. История завоевания Средней Азии. С.-Петербург, 1906, том II, стр. 416—418; Л. Костенко. Экспедиция в Алайские горы. Русский Инвалид № 206, 211, 229, 239, 250; Туркестанский сборник, т. 150, стр. 125—131. В. Тагеев. Памирский поход. (Воспоминания очевидца). Русский вестник, 1889, № 11. Туркестанский сборник, т. 420, стр. 367—376.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, лл. 140—196.

⁴ Л. Костенко. Экспедиция в Алайские горы. Русский инвалид, 1876, № 250, Туркестанский сборник, т. 150, стр. 131.

⁵ Л. Костенко. Экспедиция в Алайские горы. Русский инвалид, 1876, № 235, Туркестанский сборник, т. 150, стр. 128; Тагеев. Указ. соч., стр. 55—57. Туркестанский сборник, т. 420, стр. 369—371.

Выступление Абдуллабека, Диваны, Мулла-Ашура и Худояр-хана были направлены не только против присоединения Алая к России. Они ставили своей целью восстановление феодально-ханских порядков, Кокандского ханства, отрыв Киргизии от России. Их выступления носили антинародный характер и ничего общего не имели с интересами народа, поэтому не были поддержаны трудящимися массами.

После подавления этих выступлений Алай вошел в состав России¹. На его территории было образовано 5 волостей.

С вхождением Алая вся Южная Киргизия была окончательно присоединена к России.]

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, л. 195.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ К РОССИИ

Трудящиеся Южной Киргизии, как и другие народы Средней Азии, в результате присоединения их к России столкнулись с двумя Россиями: с царской Россией и революционной Россией. Отсюда вытекали два противоположных последствия присоединения Киргизии к России. С одной стороны, уничтожено господство кокандских ханов, но оно заменено режимом царского самодержавия; трудовые массы Южной Киргизии, как и другие народы, страдали от гнета русских колонизаторов. С другой, вхождение Южной Киргизии в состав России, стоявшей на более высокой ступени общественного и экономического развития, несмотря на колониальную политику царизма, имело огромное прогрессивное значение для киргизского народа.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали прогрессивную роль России в истории народов Востока. «Россия,— писал Ф. Энгельс,— действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизирующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

К. Маркс и Ф. Энгельс в 60—70 годах XIX века, т. е. в период присоединения Средней Азии к России, отмечали спад революционного движения в Англии, в то время как Россия приближалась к революции¹.

В конце 70-х и начале 80-х годов XIX века в России назревала революционная ситуация, а последствия русской революции должны были неизбежно иметь «могучее всемирное значение»².

С вхождением Южной Киргизии в состав России киргизские трудовые массы избавились от насилия и произвола кокандских ханов и их чиновников. Им не грозили больше систематические истязания, пытки, продажа детей в рабство, насильственный сбор несовершеннолетних девушек в ханские гаремы и закапывание людей живыми в землю.

С присоединением к России судьбы среднеазиатских народов тесно связались с судьбой великого русского народа. В лице пролетариата России трудящиеся Киргизии, как и все народы нашей страны, обрели великого союзника, верного друга и защитника в борьбе за свое социальное и национальное освобождение.

Трудящиеся Киргизии были спасены от тирании государств Востока и порабощения капиталистической Англии, с давних пор стремившейся превратить Среднюю Азию в свою колонию.

С присоединением Киргизии к России ликвидированы междоусобные феодально-родовые войны³, от которых страдало, главным образом, мирное трудовое население. Как уже отмечалось, каждая из этих войн разоряла хозяйство трудящихся и уносила немало человеческих жизней. Поэтому ликвидация междоусобных войн и барымты являлись безусловно положительным следствием присоединения Киргизии к России. Такую же положительную роль играла и ликвидация рабства, элементы которого еще сохранились в Средней Азии, в том числе и в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Соцэкгиз, 1931, стр. 107, 117; Соч., т. XXII, стр. 468; Избранные письма. Москва, 1947, стр. 311; Соч., т. XV, стр. 407; Соч., т. XIV, стр. 292.

² В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 335—336.

³ В. Наливкин. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913, стр. 111.

Киргизии. Торговля рабами в среднеазиатских городах была запрещена.

Прогрессивность присоединения Киргизии к России особенно ярко проявилась в области земледелия и оседания киргизских кочевников на землю. С развитием земледелия ускорились темпы перехода южных киргизов к оседлому образу жизни. С 1880 по 1892 г. только в четырех волостях Ошского уезда к оседлости перешла 2791 юрта киргизов¹. За этот же период в Маргеланском уезде осело 3134 хозяйства киргизов².

В 1900 г. в Ферганской области проживало 300 тыс. киргизов, из них 200 тыс., т. е. 65%, были уже оседлыми и занимались земледелием³. В 1913 г. из 40218 киргизских дворов Ошского уезда являлись оседлыми 32473⁴.

Следует отметить, что переходить к оседлости стремились в первую очередь беднота, не имевшая скота. Представители трудящихся, переходя на оседлый образ жизни, старались облегчить свое тяжелое материальное положение и освободиться от эксплуатации беков, взимавших с них многочисленные налоги и заставлявших их выполнять разные феодальные повинности (об этом подробно говорилось в первой главе). Но оседанию коренного населения мешало отсутствие свободных земель, что являлось последствием колонизаторской земельной политики царизма, а также право беков распоряжаться «общинной» землей. Бедняки обращались к начальнику управления по землеустройству об отводе им земли для оседания, но их просьбы редко удовлетворялись.

Интересно заметить, что оседание трудящихся вызывало сильное сопротивление со стороны феодальной знати, особенно беков, потому, что с переходом бедняков на оседлый образ жизни, феодалы лишались доходов, соби-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 3347, л. 9.

² Там же, л. 7.

³ Ферганская область в 1901 г. Ежегодник Ферганской области, т. 1, Нов. Маргелан. 1902, стр. 5.

⁴ С. Х. Генкузен. Статистический обзор Ферганской области за 1914 г. Скобелев, 1917. Приложение № 2. И. И. Гейер. Туркестан. Изд. второе. Ташкент. 1909, стр. 330—331. Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Ташкент, 1915 стр. 130—131.

раемых с населения, а также рабочей силы, по существу бесплатно обслуживавшей их хозяйства.

После присоединения к России на территории Южной Киргизии появились новые села и города. Быстро развивался старый город Ош. Если в 1909 г. в нем было 36476 жителей¹, то через пять лет, т. е. в 1914 г., численность его населения возросла до 48160 человек².

Оседание привело к расширению посевных площадей. В 1900 г. коренным населением Южной Киргизии вспахано и засеяно 27137 десятин пшеницы, 10790 десятин хлопка, 7402 десятины риса и 2359 десятин джугары³. Кроме перечисленных культур, киргизы сеяли ячмень, просо и овес. Расширялась посевная площадь. К началу XX в. одна только поливная пашня киргизов Ошского, Скобелевского и Кокандского уездов составляла 1 031 425 десятин земли⁴.

Киргизы этих уездов сеяли следующие сельскохозяйственные культуры:

№№ п/п	Наименование культур	Площадь (десятин)
1.	Хлопок	30,96
2.	Табак	58,55
3.	Рис	70,20
4.	Пшеница	5541,47 ⁵

Гражданская война в Америке в 60-х годах XIX века привела к уменьшению количества хлопка на мировом рынке, в том числе и в России. Все это способствовало развитию хлопководческого хозяйства в Средней Азии.

¹ И. И. Гейер. Туркестан, изд. второе. Ташкент, 1910, стр. 344.

² С. Х. Генкузен. Статистический обзор Ферганской области за 1914 г. Скобелев, 1917, стр. 9, 11.

³ И. И. Гейер. Туркестан, изд. второе. Ташкент, 1909, стр. 330—331. Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения Южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандские уезды). Ташкент, 1915, стр. 130—131.

⁴ Там же.

⁵ Ферганская область в 1901 году. Ежегодник Ферганской области, т. I, Новый Маргелан, 1902, стр. 8.

Увеличивается посевная площадь хлопчатника, появляются его новые сорта. Достаточно сказать, что посевная площадь хлопчатника в Ферганской долине только за 20 лет (с 1880 по 1900 год) увеличилась на 107 280 десятин. В конце XIX века в семи киргизских волостях на юге Киргизстана было посеяно около 11 тысяч десятин хлопка¹.

Киргизы переняли у русских и украинских крестьян-переселенцев опыт ведения богарного земледелия и целый ряд других хозяйственных навыков, которые способствовали развитию производственных сил в Киргизстане. В материалах статистического комитета по землепользованию южных киргизов говорится: «На распространение среди туземного населения богарного хлебопашества, как наблюдалось уже и раньше, не малое влияние оказывает пример русских крестьян»². «Благодаря малороссам (украинцам—К. У.),—писал Ф. В. Поярков,—киргизы ознакомились со многими приемами земледелия, а также и другими сторонами ведения хозяйства»³.

От русских переселенцев коренное население научилось выращивать картофель, помидоры, овес и другие культуры. Вместе с новой хозяйственной культурой местные жители заимствовали от русских новые орудия производства. В 10-х годах XX столетия киргизы Гульчинско-Куршабской волости имели 106 железных плугов фабричного производства и 109 железных борон⁴. Все это дало известный толчок развитию земледелия в Киргизии. В хозяйстве киргиза-земледельца появилась русская упряжь, дуга, хомут, седелка, оглобля и телега. Киргизы заимствовали от русских и безмен. Для просеивания муки применялось русское сито, для хранения хле-

¹ Ферганская область в 1901 году. Ежегодник Ферганской области, т. 1, Нов. Маргелан, 1902, стр. 8. *И. И. Гейер*. Туркестан, изд. второе, Ташкент, 1909, 330—331.

² Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область, Наманганский уезд. Ташкент, 1913, стр. 4.

³ *Ф. В. Поярков*. Последний эпизод дунганского восстания. Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1901 г. Изд. Семиреченского областного статистического комитета. Верный, 1901, стр. 58.

⁴ Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области. Ташкент, 1915, стр. 135—137.

*ба — мешок и куль. Мерами веса стали русские пуд и фунт.

С развитием земледелия улучшилась и оросительная система. В 1895 году в Ошском уезде проведен большой арык «Савай» длиной 54 версты. Он брал свое начало из реки Кара-Дарьи и дал возможность оросить 1100 десятин земли¹.

Киргизы до присоединения к России не знали косы. Она вошла здесь в употребление лишь с приходом русских поселенцев². Сенокосение принимает широкие размеры. В связи с этим уменьшается зависимость киргизских скотоводов от стихийных бедствий. Заготовка сена сокращала падеж скота в джутовые годы. Сенокосные площади из года в год продолжали расширяться, хотя основная масса скота оставалась на подножном корме. Заимствование местным населением у русских крестьян новых орудий сенокосения оказалось весьма полезным приобретением.

Предгорья Кичи-Алая, Чон-Алая и Чаткала, а также Кугарт и Базар-Курган, покрытые цветущими травами и медоносными растениями, представляли большие возможности для развития пчеловодства. В названных местностях русские переселенцы начали разводить пчел. К началу первой империалистической войны на юге Киргизии имелось 235 пасек, в которых насчитывалось 15554 улья.

После присоединения Киргизии к России здесь появились ветеринары, и делались попытки приостановить падеж скота от чумы (щарб) и других болезней. Русские ветеринары делали прививки предохранительной противочумной сыворотки и рекомендовали резать явно больной скот. В 80-х годах прошлого столетия, под влиянием русских переселенцев, киргизы сделали и первые шаги по улучшению породности скота: появляются новые породы лошадей, коров и начинается разведение тонкорунных овец. В 1914 г. в г. Оше организована случная конюшня на 8 жеребцов шведской крови, они покры-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 19, оп. 41, д. 308, л. 16.

² М. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. III, СПб, 1906, стр. 380. Материалы по киргизскому землепользованию. Анджанский уезд Ферганской области. Ташкент, 1913, стр. 41, 51.

ли несколько сот маток и дали десятки лошадей племенной породы¹. Таким образом, прогрессивное влияние русской экономики проявилось и в скотоводческом хозяйстве.

Вхождение в состав России означало для киргизского народа ликвидацию вековой изолированности. В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» отмечал прежде всего прогрессивность объективного процесса развития производительных сил при капитализме, уничтожение национальной замкнутости, ломку патриархальных устоев, экономическое объединение громадных территорий, указывал на объективные стороны капиталистического развития, которые имели «глубоко прогрессивное значение по отношению к старым формам жизни»². В. И. Ленин, в связи с развитием капиталистических отношений на Кавказе писал: «Нам нет надобности добавлять, что то же самое происходит и в Средней Азии, и в Сибири и т. д.»³.

После присоединения к России в Средней Азии, в том числе в Киргизии, стали развиваться элементы капиталистических отношений. Появляются промышленные предприятия. Русские капиталисты в погоне за прибылью в Средней Азии создавали хлопкоочистительные, маслобойные и другие предприятия. Так; за 35 лет, с 1865 по 1900 год, в Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской областях Туркестанского генерал-губернаторства открыто 170 промышленных предприятий⁴. В начале XX века количество промышленных предприятий быстро увеличилось. В 1913 г. в Туркестане насчитывалось более семисот промышленных предприятий, больше половины которых были хлопкоочистительными⁵.

¹ С. Х. Генкузен. Статистический обзор Ферганской области за 1914 г., г. Скобелев, 1917, стр. 49.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 509.

³ Там же, стр. 521.

⁴ Якубовская. Образование и расцвет социалистических наций в СССР, Коммунист, № 9, 1953, стр. 31.

⁵ С. И. Брагинский, С. Раджабов, В. Ромадин. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. Вопросы истории, № 8, 1953, стр. 38.

Предприятия по первоначальной обработке хлопка особенно быстро развивались на юго-востоке Ферганы. В 1901 г. здесь было более ста хлопкоочистительных заводов. Развивались не только предприятия по первичной обработке хлопка, но и другие отрасли промышленности, о чем свидетельствует следующая таблица о предприятиях Ошского уезда¹:

Название предприятий	1882 год			1883 год	
	число пред-приятий	размер произ-водства в руб.	количество рабочих	число пред-приятий	размер произ-водства в рублях
Свечно-сальные	4	2220	16	6	3840
Мыловаренные	—	—	—	1	200
Кожевенные	8	1700	20	6	3000
Овчинные	4	1220	2	4	1300
Алебастровые	3	224	3	3	250
Кирпичные	3	455	5	2	1800
Глинно-корчажные					
и глинно-посудные	5	850	9	5	750
Выделка кожи	5	760	20	5	800
Красильные заводы	10	500	10	10	1600
Шелкомотальные	5	1700	10	5	1500
Бумажно-прядаильные	5	500	16	5	460
Шорные	10	1250	15	9	1300
Мельницы : : : :	55	2000	55	55	2200
Хлебопекарные и булочные	27	37000	85	80	42000
Плотничные мастерские	9	8600	18	10	4000
Всего	153	58979	284	207	65000 ²

А уже через 20 лет в 1905 г. рост промышленных и кустарных предприятий Ошского уезда дает следующую картину³:

¹ Ежегодник Ферганской области. Том I, Новый Маргелан, 1902, стр. 8.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 1170, лл. 181—182.

³ Статистический отчет Ферганской области за 1905 г., г. Скобелев, 1908, приложение № 15.

Название предприятий	Число предприятий	Количество рабочих	Размер производства в руб.
Салотопенных свечей	6	14	3000
Кожевенные	2	12	15200
Мыловаренные	8	12	3110
Кошмовальные	1	1	65
Кишечные	1	1	550
Мукомольные	484	536	65270
Маслобойные	277	300	9572
Толчей	51	55	2100
Алебастровые	3	6	1200
Известковые	4	12	1800
Кирпичные	3	12	1800
Чугуноплавильные	78	188	9400
Ткацкие	24	24	1250
Шелкомотальные	3	12	4200
Всего	945	1192	118517

В 1913 г. в названном уезде уже насчитывалось 1370 предприятий, в том числе 3 небольших завода, 1 фабрика¹.

Из приведенных таблиц и других данных ясно видны темпы развития промышленных предприятий на юге Киргизии в конце XIX и начале XX веков. Кроме того, они показывают возникновение на территории Ошского уезда таких видов промышленных предприятий, как алебастровые, чугуноплавильные, известковые, кирпичные и кожевенные. Все же большая часть предприятий перерабатывала сельскохозяйственное сырье; многие из предприятий уезда были связаны с производством строительных материалов. Но почти все предприятия, за незначительным исключением, являлись мелкими кустарными мастерскими, которые обслуживались в среднем 2—5 рабочими.

С 80-х годов прошлого века на юге Киргизии началась добыча угля. Доставка угля с копей до железнодорожных станций осуществлялась на лошадях и верблюдах. Незначительная угледобыча не могла удовлетво-

¹ С. Х. Генкузен. Статистический обзор Ферганской области за 1914 г., г. Скобелев, 1917, приложение № 11.

ритель растущих потребностей предприятий и городских жителей Туркестанского края. Поэтому были приняты меры к улучшению добычи угля и способов доставки его до железнодорожных станций. В начале XX в. в каменно-угольной копи Кызыл-Кия заложены две вертикальные шахты. Первая из них обслуживалась двумя паровыми насосами для откачивания воды. Уголь из шахты поднимался в клетках паровой лебедкой. При второй шахте установлены паровой насос и паровая лебедка. Для утилизации получающихся при выработке угля отходов устроен брикетный завод с двумя прессами и всеми необходимыми вспомогательными сооружениями.

Производительность брикетного завода была рассчитана на 2000 пудов в сутки¹. В 1913 году добыча угля на Кызыл-Кийских копиях составляла 3 миллиона пудов².

В 1909 г. закончилось сооружение узкоколейного рельсового пути, который соединил каменноугольные копи Кызыл-Кия с железнодорожной станцией Скобелев (г. Маргелан). Подвижной состав этого пути состоял из 10 вагонов, грузоподъемностью каждая в 170 пудов, и из 4 паровозов. Только зимой 1909—1910 гг. по узкоколейной дороге перевезено 600 тыс. пудов каменного угля³.

Другими крупными копиями на юге Киргизии были «Сулукта», годовая добыча которых составляла 1 млн. пудов угля⁴. Уголь, добываемый в Кызыл-Кии и Сулюкте, обеспечивал почти весь Туркестанский край.

Были сделаны первые шаги по добыче нефти в местности Майли-Сай, на северо-западе от Узгена⁵. В Тогуз-Торо в некоторых других местностях добывалась соль, которая удовлетворяла потребности населения, а также вывозилась в города Ферганской области⁶.

Капитализм проникал и в сельское хозяйство Киргизии. Появились специализированные животноводческие и земледельческие районы. Так, в юго-восточной части Фер-

¹ С. Р. Конопка. Туркестанский край. Ташкент. 1910, стр. 43—45 и 203.

² С. Х. Генкузен. Названная работа, стр. 57.

³ С. Р. Конопка. Названная работа, стр. 43—45.

⁴ Там же.

⁵ ЦГИА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, 286, л. 14.

⁶ Д. Федоров. Чжунгарско-Семиреченский приграничный район, часть I, Ташкент, 1910, стр. 150.

ганской долины получает сильное развитие хлопководство, зерноводство, а в горах Алая, Гульчи и Чаткале—скотоводство. В земледельческих, особенно хлопководческих районах, происходил усиленный процесс обезземеливания дехкан. Это способствовало появлению рабочих из местного населения.

Проникновение капиталистических отношений в земледелие хорошо видно по хозяйству киргизов Наманганского уезда. В этом уезде насчитывалось 7542 двора киргизов. В среднем в каждом дворе имелось по одному работоспособному мужчине. Из них 40,2% работали наемниками в сельской местности, а 3% являлись отходниками, то есть уходили на заработки в город—на предприятия¹.

Следует, однако, отметить, что в силу колонизаторской политики царизма и сохранявшихся патриархально-феодальных отношений, капиталистическое развитие в Киргизии происходило хотя и крайне медленно, все же производительные силы после присоединения стали развиваться быстрее, чем раньше. Этому способствовало быстрое капиталистическое развитие центральных областей России.

С развитием промышленности начал формироваться рабочий класс как из коренного, так и русского населения. Это хорошо видно из следующих данных. В Ошском уезде в 1882 году имелось всего 284 рабочих², а через два года их количество достигло до 381³, т. е. возросло на 33%. В 1905 году количество рабочих в уезде увеличилось больше чем в четыре раза, их стало уже 1192⁴. Накануне первой империалистической войны здесь уже насчитывалось 1920 рабочих, из которых 88 были заняты в фабрично-заводской промышленности, а 1832—на промышленных заведениях кустарного типа⁵. В начале XX века в Кызыл-Кийской каменноугольной копи работали

¹ Материалы по Киргизскому землепользованию. Ферганская область, Наманганский уезд. Ташкент, 1913, стр. 53—56.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 1170, лл. 181—182.

³ Там же, д. 1458, л. 402.

⁴ Статистический отчет Ферганской области за 1905 г., г. Скобелев, 1908, приложение № 15.

⁵ С. Х. Генкузен. Статистический обзор Ферганской области за 1914 г., Скобелев, 1917, приложение № 10, 11.

200 рабочих¹, среди которых было немало киргизов. Многие рабочие из местной национальности являлись отходниками. Не порывая связи с сельским хозяйством, отходники нанимались лишь на сезон и выполняли по преимуществу подсобные работы. Квалифицированную силу в промышленных предприятиях составляли, главным образом, рабочие из числа русских переселенцев.

Почти на всех предприятиях юга Киргизии совместно работали русские и узбекские рабочие. Однако нельзя забывать о немногочисленных кадрах киргизского пролетариата.

Необходимо подчеркнуть, что появление отходничества из коренного населения было весьма прогрессивным явлением в общественной жизни киргизского народа. Работая рука об руку с русскими рабочими, отходники-киргизы в процессе производства знакомились с новой техникой. У них появились уважение и любовь к русскому трудовому народу,росло их классовое самосознание и ненависть к местным и царским эксплуататорам. Возвратившись в свои родные айлы, они рассказывали своим родственникам и товарищам о новых приемах в хозяйстве, достижениях техники, гуманном отношении русских рабочих к простым людям, способствуя тем самым развитию дружбы между коренным населением и русскими трудовыми переселенцами, повышению классового самосознания у трудящихся киргизов, пробуждению у них революционных стремлений. Рабочие киргизы являлись составной частью пролетариата России, под руководством которого трудящиеся всех угнетенных народностей боролись против местных угнетателей и царских колонизаторов, за свою национальную и социальную свободу.

После присоединения Киргизии к России, начиная с 80-х годов прошлого столетия, на территории Туркестанского края начали появляться железные дороги, которые впоследствии играли огромную роль в хозяйственно-экономической жизни народов Средней Азии. Здесь была построена Закаспийская железная дорога², которую позднее называли Среднеазиатской. В 1899 году в Фер-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 41, оп. 1, д. 187, лл. 98—99.

² И. Брагинский, С. Раджабов, В. Ромадин. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. Вопросы истории, № 8, 1953, стр. 29—30.

ганской области имелось 222 версты железнодорожной линии с десятью станциями¹. Эта железная дорога соединила все крупные города, в том числе г. Ош и Ферганскую долину с центральными районами России.

В 1905 году закончилось строительство Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Немного позднее построены и сданы в эксплуатацию Бухарская и Семиреченская железные дороги². В начале XX века в Средней Азии уже имелось 2368 верст железнодорожной линии³, а длина железнодорожных магистралей, соединяющих Туркестанский край с Россией, составляла 4444 версты. В 1909 г. ввоз по Среднеазиатской железной дороге составлял 17 млн. пудов, а вывоз 15 млн. пудов⁴. Железные дороги имели весьма большое значение. Они усиливали экономическую и культурную связь Средней Азии с Россией, способствовали росту товарно-денежных отношений, развитию производительных сил и ликвидации хозяйственной замкнутости края.

Все это в значительной мере усиливало рост капиталистических отношений и вело к увеличению числа рабочих в Туркестанском крае.

Наряду с постройкой железнодорожных линий, развивалась и сеть колесных дорог. В 1876 году была начата постройка Ошско-Гульчинской дороги⁵. В начале XX века закончилась постройка дороги, идущей из Намангана в Андижан, а оттуда на Тогуз-Тороу, Кетмень-Тюбе и дальше к Нарынскому укреплению. Эта дорога соединила Фергану с Семиречьем и способствовала развитию товарно-денежных отношений среди местного населения. «С 1904 года, когда в Кетмень-Тюбе,— сказано в Туркестанском сборнике,— из г. Намангана по правому берегу р. Нарына была проведена колесная дорога, картина изменяется: ...киргизы тотчас же начинают расширять свои распахки и теперь ежегодно

¹ Ферганская область в 1901 г. Ежегодник Ферганской области, том 1, Новый Маргелан, 1902.

² И. Брагинский, С. Раджабов, В. Ромадин. Названная работа, стр. 29—30.

³ В. Я. Непомнин. Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России. Известия АН Узб. ССР, № 1, 1954, стр. 46.

⁴ С. Р. Конопко. Туркестанский край. Ташкент, 1910, стр. 80.

⁵ ЦГВИА, ф. 6884, лл. 30—31.

вывозят значительное количество пшеницы на базары Наманганского и Андижанского уездов»¹.

Эти дороги способствовали усилению связей между оторванными друг от друга районами Киргизии и разложению патриархальной замкнутости киргизских айлов.

Если до присоединения к России на территории Киргизии, да и всей Средней Азии, не было почтовых отделений и телеграфных линий, а также электростанций, то в начале XX века телефонная линия связывала города: Ташкент, Ош, Пишпек, Токмак, села Ново-Дмитриевское и Сазановку и г. Пржевальск. Во всех названных городах и селениях имелись почтовые отделения². В 1914 г. в городах Ферганской области было 5 электрических станций мощностью в 1034 лошадиных силы. Электрическое освещение имелось в г. Оше³.

Прогрессивность присоединения Южной Киргизии к России проявилась и в области торговли. Россия, имевшая более развитую экономику, уже давно вовлекла киргизов в сферу развивавшихся товарно-денежных отношений. После присоединения Киргизии к России усиливаются взаимные торговые связи. Русский купеческий капитал, искавший путей для быстрого и беспрепятственного обогащения, воспользовавшись открытием нового края, хлынул в Южную Киргизию. Киргизия нуждалась в промышленных товарах, обладая в то же время излишками продуктов скотоводческого хозяйства. Русские купцы привозили в Киргизию большими партиями изделия русской промышленности — мануфактуру, галантерею, железо-скобяные товары, посуду, чай, табак и др. Из Южной Киргизии вывозились продукты скотоводства: шерсть, шкуры, масло и др., а из земле-

¹ Несколько слов к вопросу об устройстве местности Кетмень-Тюбе Наманганского уезда, Ферганской области русского поселка. Туркестанский сборник, т. 541, стр. 15, А. А. Соколов. Тогуз-Тороу (по новой дороге из Семиречья в Фергану). Семиреченские областные ведомости №№ 73, 76, 79, 88, 1908 г. Туркестанский сборник, т. 198, стр. 1.

² Д. Федоров. Чжунгарско-Семиреченский приграничный район. Часть 1. Ташкент, 1910, стр. 46.

³ С. Х. Генкузен. Статистический обзор Ферганской области за 1914 г., Скобелев, 1917, стр. 53.

дельческих продуктов — хлопок. Основным товаром для продажи является скот.

Старейшие города Южной Киргизии: Ош, Узген и Сузак становятся торговыми центрами¹. Сюда почти непрерывно прибывали русские торговцы со своими товарами. Осенью киргизы пригоняли сюда на продажу стада баранов и табуны лошадей. Здесь происходил оживленный торг между местным населением и русскими.

В некоторых селениях оседлых киргизов в Фергане русские купцы открыли лавки. На юге Киргизии организуются ярмарки, имевшие не только местное значение. Например, на Ошскую ярмарку приезжали торговцы со всех концов Средней Азии, из России, даже из Китая. Среди киргизских баев увеличивается количество «кызыл-кулаков» (перепродавщиков). Кызыл-кулаки, скупая на месте подешевле скот и продукты животноводства, перепродавали их на дальних рынках по высокой цене, получая при этом большие прибыли.

Таким образом, присоединение к России способствовало развитию товарно-денежных отношений в Киргизии. В связи с проникновением русского капитализма в Киргизстан, земледелие, а затем и скотоводство, все более и более принимают товарный характер.

Распад патриархально-родового быта происходит еще задолго до присоединения к России, но вхождение Киргизии в состав Российской империи во много раз его ускорило. Этому способствовало не только развитие товарно-денежных, особенно капиталистических, отношений, но и смещение различных родов и дробление их на отделения и подотделения. Административное деление теперь в известной степени смешивало различные киргизские роды. Это хорошо видно из рапорта военного губернатора Ферганской области Скобелева на имя туркестанского генерал-губернатора Кауфмана от 23 октября 1876 года: «Наукатская волость состоит из адигине (название одного киргизского рода — К. У.), а в остальных волостях адигине, ичкилики и монгуши перемешаны»². В процессе проникновения капитализма

¹ Русские самовольные переселенцы в Туркестане. Туркестанский сборник, т. 522, стр. 127.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, лл. 189—196.

в сельское хозяйство Киргизии и усиленного разложения патриархально-феодалных отношений начинают складываться новые социальные группы. Изъятие земли у коренного населения царизмом и продажа, а также сдача в аренду «общественных» земель представителями феодальной знати привели к появлению сельского пролетариата. Изменяется социальная природа баев. Из коренного населения, особенно из числа баев, начинает формироваться национальная буржуазия.

Важнейшим результатом присоединения к России было то, что киргизский народ вступал в тесное общение с русским народом. В процессе совместной жизни трудящиеся киргизы и русские расширяли экономические и культурные связи, что в свою очередь способствовало укреплению дружественных взаимоотношений между ними.

Характерной чертой русского трудового народа в противоположность царским чиновникам являлось отсутствие расового высокомерия по отношению к киргизскому населению.

Русские крестьяне, переселившиеся в Киргизию, быстро установили с местным населением добрососедские отношения, охотно передавая им свой хозяйственный опыт и знания.

В 60-х гг. XIX века П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал, что русские крестьяне стремились «жить со своими кочевыми соседями в добрых отношениях, закрепленных беспрестанной потребностью взаимной помощи и обмену предметов, производимых той или другой сторонами»¹. «Киргизы и русские,— говорится в «Туркестанском сборнике», — живут мирно и дружно, и киргизы относятся к русским переселенцам с нескрываемой симпатией»². Киргизские трудящиеся завязывали с русскими крестьянами-переселенцами оживленную торговлю и заимствовали их хозяйственные навыки.

Не лишне будет отметить, что хозяйственно-культурное влияние не было односторонним. В свою очередь

¹ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Поездка из укрепления Верного через горный перевал Суюк-Тюбе и ущелье Баум к западному окончанию оз. Иссык-Куль. Туркестан. сборник, т. XV, стр. 178.

² Русские самовольные переселенцы в Туркестане. Туркестанский сборник, т. 522, стр. 128.

и русские переселенцы заимствовали у местного трудового населения много полезного. Они переняли у киргизов способ орошения полей, положительные приемы ведения скотоводческого хозяйства и т. п.

Хозяйственное и культурное взаимовлияние, дружба между киргизским и русским народами на основе взаимного уважения и сотрудничества складывались и развивались вопреки воле царизма и эксплуататорских классов, разжигавших национальную рознь. Если эксплуататоры — царские чиновники, бай, манапы, беки и муллы — стремились использовать народные бедствия в целях своего обогащения, беспощадно закабалили бедняков в трудные годы неурожая, массового падежа скота, используя их безвыходное положение, то киргизские и русские трудовые люди шли на взаимную выручку, бескорыстно помогали друг другу, **делясь своим скромным добром.**

В дореволюционном Киргизстане, в условиях эксплуататорского общества, годы народных бедствий были частым явлением. В этих случаях возникала острая потребность во взаимной помощи. И только дружба русских и киргизских трудовых масс, их совместная **борьба против бедствий в какой-то мере помогала преодолевать несчастье.** Исторически сложившийся **разнородный характер хозяйственной деятельности нередко давал возможность скотоводу-киргизу помочь русскому земледельцу и наоборот.**

Политика царизма, против его воли, неотвратимо толкала трудящихся Средней Азии и России к тесному и прочному сближению, так как они вместе испытывали гнет эксплуататоров. Токтогул Сатылганов во время ссылки в Сибирь о страданиях народов, подвластных царской России, и дружбе этих народов, пел:

Вижу: рядом казах,
Русский, киргиз, узбек.
Вижу: стоят вокруг,
Несчастные, как и я.
Каждый мне брат и друг,
Узник, как и я¹.

¹ Токтогул Сатылганов. Избранные произведения. Москва, 1940, стр. 174—175.

Дружба между русским и киргизским народами неуклонно развивалась. Однако до Великой Октябрьской социалистической революции, в условиях господства царских колонизаторов и местной феодальной знати, сближение русского и среднеазиатских народов, в том числе киргизского, происходило медленно, стихийно, трудными путями.

Только Октябрьская революция, раз и навсегда закончившая в нашей стране с угнетателями, открыла широкую дорогу для подлинного расцвета нерушимой дружбы великого русского народа и других народов нашей страны.

Одним из прогрессивных результатов присоединения к России было изучение Средней Азии русскими учеными. С вхождением Средней Азии в состав Российской империи русские ученые получили возможность исследовать общественно-экономическую и культурную жизнь народов этого края и его природные богатства. Большая заслуга в этом отношении принадлежит выдающимся русским ученым П. П. Семенову-Тянь-Шанскому, Н. А. Северцову, А. П. Федченко, И. В. Мушкетову и др., с огромным интересом исследовавших орографию, течение рек, природу, полезные ископаемые, а также флору и фауну Средней Азии, в том числе и Киргизии. Как отличительную особенность передовых русских ученых, писавших о Средней Азии, надо отметить, чувство глубокого уважения и дружеского участия к среднеазиатским народам, которым проникнуты их труды.

До середины XIX века Памиро-Алайские и Тянь-Шанские горные системы были почти неизвестны европейской науке. Начало изучению Средней Азии, в частности Тянь-Шанских гор, положено русскими исследователями в середине прошлого столетия. Начиная с 50-х годов, Русское Географическое общество и общество любителей естествознания организовали и направили ряд научных экспедиций в горные районы Средней Азии.

Первую и вторую научные экспедиции на Тянь-Шань, организованные в 1856—1857 гг., возглавлял выдающийся русский географ-путешественник П. П. Семенов. Весною 1856 года П. П. Семенов со своим отрядом выехал из Петербурга. В августе он прибыл в г. Верный. Отсюда было начато исследование «загадного» Тянь-

Шаня. В сентябре и ноябре 1856 г. он провел большую исследовательскую работу на берегах Иссык-Куля и на прилегающих к нему горах. В июле 1857 г. П. П. Семенов исследовал юго-восточный берег Иссык-Куля. Затем направился в Центральный Тянь-Шань и дошел до Хан-Тенгри. В конце 1857 г. он вернулся в Петербург.

П. П. Семенов, первый исследователь Тянь-Шаня, доказал несостоятельность концепции А. Гумбольдта о вулканическом происхождении Тянь-Шаньских гор и установил факт широкого распространения ледников в горах Средней Азии. Русское Географическое общество, учитывая его огромные научные заслуги, присвоило ему фамилию Семенов-Тян-Шанский. П. П. Семенов создал замечательные труды и среди них «Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг.», являющийся ценным вкладом в сокровищницу географической науки.

Продолжателем исследований П. П. Семенова-Тян-Шанского является русский ученый и путешественник Н. А. Северцов. Первый раз — осенью 1857 г. он исследовал низовья Сыр-Дарьи, а второй раз — в 1864 г. — западную часть Тянь-Шаня, Чуйскую и Таласскую долины. В 1866—1867 гг., на территории Киргизстана Н. А. Северцов ведет широкую исследовательскую работу. Через Каракол он проникает в Терской Алатау и достигает урочища Аксай. Оттуда, спускаясь вниз к Нарыну по Боомскому ущелью, прибыл в Токмак. Дальше он переехал в г. Ташкент, где провел зиму. В результате трех экспедиций в Среднюю Азию им был собран огромный материал по растительному и животному миру Тянь-Шаня и его географическому строению. В 1877 г. Н. А. Северцов, предприняв новую экспедицию на Алай и Памир, исследовал их орографию. Зимой и весну этого года он провел в г. Оше.

Благодаря неутомимой работе, Н. А. Северцов собрал колоссальный материал по фауне и флоре Средней Азии, ее геологическому строению, обобщив свои выводы в капитальном труде «Путешествие по Туркестанскому краю». Им же был написан «Очерк орографии Алая и Памира».

В дальнейшем изучении Тянь-Шаньских гор, особенно Центральной Азии, большие заслуги имеет великий русский путешественник, всемирно известный географ и

ученый Н. М. Пржевальский. С 1867 по 1888 год, т. е. за 21 год, он совершил пять крупнейших научных экспедиций: в Уссурийский край, Центральную Азию, Монголию, Западный Китай и Северный Тибет. Научные результаты этих экспедиций были обобщены Н. М. Пржевальским в его трудах: «Монголия и страна тангутов», «Из Зайсана через Хоми и Тибет и на верховьях Желтой реки», «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор». Н. М. Пржевальский умер осенью 1888 года в г. Караколе, похоронен на юго-восточном берегу оз. Иссык-Куль. Учитывая его большие заслуги в исследовании Центральной Азии и Тянь-Шаня, г. Каракол был переименован в город Пржевальск.

Говоря об исследовании русскими учеными Средней Азии, в частности Южной Киргизии, необходимо остановиться на деятельности А. П. Федченко. Он был первым из тех, кто проложил путь будущим исследователям к «таинственному» Алаю и Памиру. С 1868 по 1871 год он изучает их орографию, геологию, климат, растительный и животный мир. До путешествия А. П. Федченко о южной части Средней Азии, в частности об Алае и Памире, картографы и географы говорили, что «поверхность луны нам известна лучше, чем эта часть Азии»¹.

В результате своей трехлетней научно-исследовательской работы А. П. Федченко открыл Заалайский хребет и внес коренные изменения в представление о географии Алая и Памира. Ему принадлежат наиболее верные для того времени схемы орографии этих мест.

А. П. Федченко написал капитальный труд «Путешествие в Туркестан». Значение этого труда велико. Он открыл неизвестные ранее части Средней Азии, обогатил науку весьма ценными и интересными материалами о Тянь-Шане, познакомил ученых с орографией, животным миром и растительностью Алая, Южного Тянь-Шаня и Ферганы².

А. П. Федченко изучал быт, хозяйство, антропологию и общественную жизнь среднеазиатских народов, в том числе киргизов. Он описывал производ и многочислен-

¹ Н. Леонов. Впервые в Алае. 1951, стр. 181—182.

² И. В. Мушкетов. Туркестан, СПб, 1886, том 1, стр. 327.

ные поборы среднеазиатских владык, кровавую борьбу крупных феодалов за власть и феодальные междоусобицы, от которых страдал в первую очередь трудовой народ. Им же было составлено описание восстания южных киргизов в 1871 году, направленного против господства Кокандского ханства, за независимость и свободу. Причиной возникновения этого восстания он считал несправедливость кокандского хана Худояра и его сановников, которые жестоко эксплуатировали трудящихся Южной Киргизии. А. П. Федченко, как и другие русские ученые, дружелюбно относился к местным народам, уважал их обычаи и культуру. Киргизы относились к нему тоже с большой любовью и уважением. Об этом он сам писал: «Киргизы приняли нас очень радушно»¹. А. П. Федченко, ведя свою исследовательскую работу, способствовал сближению местного населения с русским народом; вместе со своей женой Ольгой Александровной оказывал жителям коренной национальности медицинскую помощь при самых различных болезнях².

Большую научно-исследовательскую работу в Туркестане провел основоположник детального геологического изучения Средней Азии великий русский ученый и путешественник И. В. Мушкетов. В 1873 году он исследовал геологическое строение Тянь-Шаньских гор; был на Чаткале, оттуда переехал на Киргизский (Александровский) хребет и побывал на Сон-Куле, затем прибыл на Иссык-Куль; далее проник на Терской Ала-Тоо. В 1877 г. И. В. Мушкетов занялся изучением геологического строения Ферганы и Памира. В следующем году он руководил научной экспедицией по изучению орографии и геологии Памира. В том же году со своей экспедицией побывал на Чатыр-Куле. В 1879 году И. В. Мушкетов исследовал побережье Аму-Дарьи, а летом следующего года снова возглавлял научную экспедицию по изучению Памира.

Результаты своих научно-исследовательских работ И. В. Мушкетов обобщил в капитальном труде «Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880

¹ А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, том I, часть II, С.-Петербург, 1875, стр. 115.

² Там же, стр. 71.

год», изданном в Петербурге в 1886 году. Этот труд является монументальной работой, обобщающей наблюдения как самого автора, так и его предшественников и современников. Вслед за П. Семеновым он убедительно доказал ошибочность гумбольдтовских концепций о вулканическом происхождении Тянь-Шаня и о наличии постоянно действующих вулканов в горах Средней Азии. Работа Мушкетова до сих пор остается настольной книгой каждого, изучающего геологию Средней Азии.

П. П. Семенов, Н. А. Северцов, А. П. Федченко и И. В. Мушкетов, глубоко и тщательно исследовав Тянь-Шань и Памиро-Алайские горы, значительная часть которых была населена киргизами, дали науке ценнейший материал по географии, геологии, растительному и животному миру неизвестной до них части Азиатского материка и о ее населении.

В. В. Радлов, В. В. Бартольд и другие передовые русские ученые изучали историю, этнографию, антропологию, быт и культуру народов Средней Азии, в том числе киргизского народа. Киргизский эпос «Манас» был впервые записан из уст сказителей Ч. Валихановым и вслед за ним В. В. Радловым. Этот эпос вышел в свет в 1885 г. в Санкт-Петербурге, в книге «Образцы народной литературы северных тюркских племен» (часть V). По истории народов Средней Азии В. В. Бартольд написал труды: «К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане», «К истории орошения Туркестана», «Очерк истории Семиречья», «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «Киргизы» и другие работы. Изучением природы и богатств Южной Киргизии занимался также русский исследователь Л. Костенко, оставивший работы: «Туркестанский край» (1870), «Военно-научная экспедиция на Алай и Памир» (1879 г.) и др. Русскими учеными написан ряд работ и статей исторического и этнографического характера о киргизах, населяющих южные районы Киргизстана.

Следует подчеркнуть, что русские ученые и путешественники еще задолго до присоединения Киргизии к России начали изучать растительный, животный мир и климат Средней Азии, а также культуру, быт и историю среднеазиатских народов. Так, в 80-х годах XVIII века Филипп Ефремов был одним из первых европейцев, ко-

торый после 9-летних странствований по Средней и Центральной Азии, оставил замечательное описание этого малоизвестного тогда края. Он побывал в г. Хорезме, в Кызыл-Кумах, Кара-Кумах и Фергане. Филипп Ефремов более 3-х лет жил в г. Бухаре и хорошо изучил местный язык. Проезжая через территорию Южной Киргизии, он записал, что «От Оша до города Кашгарии езды 13 дней. Между Ошем и Кашгарией в горах кочуют киргизы от киргиз-кайсаков особливому роду; дорога лежит по горам, по косогорью»¹.

Филипп Ефремович довольно подробно описал почву, воды, растительность, климат, хозяйство, пути сообщения Средней Азии и занятия, обычаи, быт среднеазиатских народов. Им написана и после его смерти издана в Петербурге в 1786 году работа «Десятилетнее странствование», которая давала тогдашней науке довольно достоверные сведения о Средней Азии и ее населении.

Выдающимся русским ученым Н. Я. Бичуриным составлен труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», который до сих пор является ценным источником для изучения истории народов Средней Азии и Центральной Азии с IV—III вв. до н. э. и по X в. н. э.

Труды указанных выше выдающихся ученых и путешественников являются ценными источниками при изучении этнографии, быта, языка, истории и культуры среднеазиатских народов.

Независимо от желания царского правительства и местной феодальной знати, после присоединения к России киргизский народ вместе со всеми народами Средней Азии получил возможность приобщаться к культуре великого русского народа. В. И. Ленин указывал, что в помещичье-буржуазной России «есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,—но есть также великорусская культура, характеризваемая именами Чернышевского и Плеханова»². Подлинную русскую культуру представляли трудовые массы и передовые люди из интеллигенции.

¹ Филипп Ефремов. Десятилетнее странствование. Москва, 1952, стр. 41.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 16.

Надо отметить, что период присоединения Средней Азии к России совпал с невиданным прежде развитием культуры и литературы великого русского народа, подъемом прогрессивной общественной мысли в России. Именно в этот период русская нация дала человечеству мужественных революционеров-демократов, глубоких мыслителей, даровитых ученых, бесстрашных и смелых путешественников, гениальных писателей, талантливых художников, изумительных музыкантов, замечательных артистов и прославленных полководцев. В этот период, т. е. в середине и второй половине XIX века, жили и трудились Чернышевский, Белинский, Герцен, Добролюбов, Некрасов, Л. Толстой, Щедрин, Мусоргский, Римский-Корсаков, Чайковский, Репин, Суриков, Н. И. Лобачевский, А. С. Попов, Н. Е. Жуковский, Д. И. Менделеев, К. А. Тимирязев, И. И. Мечников, Н. И. Пирогов, П. П. Семенов, И. П. Павлов и многие другие.

Передовая русская культура оказывала прогрессивное влияние на развитие культуры киргизского народа. Под влиянием русской прогрессивной общественной мысли складывалось и формировалось революционно-демократическое мировоззрение Токтогула Сатылганова. Токтогул призывал киргизские трудовые массы к тесному сближению с русским народом. Он высоко ценил и любил русский народ и его прогрессивную культуру. Подобно Абаю Кунанбаеву, Айни и Мукими, Токтогул в своих стихах отражал произвол и насилие царских чиновников и местных властей над трудящимися.

Благотворное влияние великой русской культуры на культурное развитие киргизского народа происходило на основе дружбы и сотрудничества трудящихся русских и киргизов. В то время, как царские чиновники, помещики, капиталисты и представители казачьей верхушки, прибывавшие в Киргизию за наживой, осуществляли грабительские планы царизма, эксплуатировали и киргизское и русское трудовое население, простые русские люди, сами страдавшие от царского гнета, были проводниками передовой русской культуры. Общаясь с ними, киргизы заимствовали русские технические приемы, элементы русской материальной и духовной культуры. Простые русские люди не отгораживались от коренного населения.

Царское правительство, с целью подготовить из корен-

ного населения переводчиков и других должностных лиц в некоторых местах Средней Азии, открывало «русско-туземные школы». Первая «русско-туземная» школа была открыта в г. Ташкенте в 1884 году¹. В следующем году в Пенкенте и Чиназе были построены еще две школы². В 1887 году русско-туземные школы были открыты в Оше, Кетмень-Тюбе, а позднее в некоторых других местах Южной Киргизии³.

В Ошской русско-туземной школе вначале училось 12 мальчиков⁴, а в 1913 г. число учащихся доходило до 42. При этой школе существовали вечерние курсы, в которых занималось 25 юношей из местного населения⁵. Количество русско-туземных школ, хотя медленно, но все же увеличивалось. В начале XX века на территории Туркестана насчитывалось около 70 русско-туземных школ⁶, в том числе в Киргизии — 15.

Следует отметить, что в основном в русско-туземных школах учились дети баев, беков и манапов, но иногда в них попадали и дети бедноты. Преподавание ряда предметов в школах велось на русском языке, обучали детей русской грамоте. По сообщению В. Наливкина, за 20 лет, т. е. с 1884 по 1904 год, по всей Средней Азии окончили русско-туземные школы несколько тысяч мальчиков из коренного населения⁷.

¹ В. Наливкин. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913, стр. 104.

² Там же, стр. 106.

³ Туркестанские ведомости, № 8, 1887 г., Туркестанский сборник, т. 461, стр. 27—28. Несколько слов к вопросу об устройстве в местности Кетмень-Тюбе Наманганского уезда Ферганской области русского поселка. Туркестанский сборник, т. 541, стр. 14—17.

⁴ ЦГИА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 12208, лл. 28, 112, 128. Туркестанские ведомости № 8, 1887. Туркестанский сборник, т. 461, стр. 27—28.

⁵ С. Х. Генкузен. Названная работа, стр. 141—142.

⁶ ЦГИА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 9601, «а», лл. 87—93. Там же, д. 31464, лл. 1—10. Там же, д. 8064, л. 6. Туркестанский сборник, т. 541, стр. 14—17. С. Р. Конопка. Названная работа, стр. 76—77. М. Е. Недзвецкий. Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области, Верный, 1913, стр. 125—143.

⁷ В. И. Наливкин. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913, стр. 110.

Но русско-туземных школ в Средней Азии, особенно в Киргизии, насчитывалось очень мало. Количество киргизских детей, окончивших эти школы, было незначительным, а в некоторых волостях они составляли буквально единицы.

Вопреки желанию царизма и реакционной феодальной верхушки через русско-туземные школы, хотя медленно, но все же проникала в Киргизию культура. Огромное значение имело изучение русского языка, знание его давало возможность передовым людям народов Средней Азии знакомиться с общественно-политической жизнью России. Несмотря на жестокий колониальный режим царского правительства, демократически настроенные учителя русско-туземных школ знакомили учащихся с достижениями передовой русской культуры.

Прогрессивное влияние русских сказывалось не только на культуре и хозяйстве, но и на быте киргизского народа. В некоторых домах, а порой и в юртах киргизов стали появляться предметы русской обстановки. В быт коренного населения начала входить русская металлическая и глиняная посуда. Прогрессивное влияние русского народа проявилось и в одежде местного населения. Некоторые киргизы начали перенимать русскую одежду. В. Наливкин писал о влиянии русских на быт киргизов и узбеков: «...туземцы начали постепенно вводить в свой домашний обиход многие из предметов производства нашей фабричной и мануфактурной промышленности, в виде утвари, разного рода материи, обуви и т. п.»¹. Изменения коснулись и форм жилищ и построек. Еще задолго до Октябрьской революции в Киргизстане стали появляться избы и дома русского типа².

Прогрессивные изменения в экономике и культуре местного населения, происходившие после присоединения к России, проникновение капиталистических элементов в Киргизию, разложение устоев патриархально-феодальных отношений, усиление социальной дифференциации и классовой борьбы в Киргизском обществе вызывали беспо-

¹ В. Наливкин. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913, стр. 116.

² М. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. III, СПб, 1906, стр. 380.

койство и недовольство со стороны феодальной знати, идеологом которой являлись Арстанбек, Калыгул и Молдо Кылыч.

Прогрессивные результаты присоединения к России сказывались и в области здравоохранения в Киргизии. Появились врачи и больницы. В 1909 г. в Ферганской и Семиреченской областях насчитывалось 54 врача, 81 фельдшер, 10 аптек, 30 больниц и приемных покоев¹. Больницы имелись в городах Оше и Пржевальске, в которых работали 3 врача и 5 фельдшеров. В этих двух больницах насчитывалось около 30 коек². В Беловодске, Сазановке и некоторых других русских селениях были открыты медицинские пункты. В городах Оше и Токмаке имелось по одной аптеке.

Хотя эти больницы и медпункты обслуживали в основном русских переселенцев, но ими в небольшой степени пользовалось и местное население, особенно состоятельное. Такие передовые русские врачи как Ф. В. Поярков, А. В. Пржегодский, фельдшер В. М. Фрунзе и другие оказывали лечебную помощь коренному населению, вели среди них санитарно-просветительную работу, боролись с вековыми врагами киргизского народа: оспой, туберкулезом и трахомой. Они радовались первому крику новорожденного, спасению жизни матери, тяжело переживали смерть больного. Ф. В. Поярков о деятельности токмакского уездного врача А. В. Пржегодского среди коренного и русского населения писал: «Он оказывал любому больному необходимую помощь, несмотря на его нацию и имущественное и материальное положение. Первым пришел он со своим помощником (В. М. Фрунзе—К. У.) на помощь несчастным и как настоящий солдат последним оставил поле сражения, оставил только тогда, когда все сделал»³.

¹ С. Р. Конопка. Туркестанский край, Ташкент, 1910, стр. 198.

² ЦГИА Уз. ССР. ф. 19, оп. 1, д. 5243, л. 6. С. Х. Генкузен, Статистический обзор Ферганской области за 1914 год. Скобелев, 1917, стр. 124, 126. И. И. Гейер. Туркестан. Изд. второе. Ташкент, 1909, стр. 30.

³ Ф. В. Поярков. Последний эпизод дунганского восстания. Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1901 г. Издание Семиреченского областного статистического комитета, Верный, 1901, стр. 69—70.

Фельдшер Василий Михайлович Фрунзе (отец выдающегося государственного деятеля и пролетарского полководца М. В. Фрунзе) с 1879 по 1891 год работал помощником токмакского уездного врача и жил в г. Пишпеке (ныне г. Фрунзе). Как указывает Ф. В. Поярков, «по своему природному уму и знаниям он стоял выше многих из окружающих его и занимающих более высокое чем он общественное и служебное положение»¹. Василий Михайлович боролся за улучшение условий труда и быта. По мере возможности он стремился улучшить медицинское дело среди русского и киргизского населения. Он шел в деревню и аил, т. е. туда, где в его помощи нуждался больной человек. Посещал больных в крестьянских избах и в юртах скотоводов-бедняков. Об этом врач Ф. В. Поярков писал: «В. М. Фрунзе, несмотря на свое скромное служебное положение, был человеком всегда отзывчивым к нуждам ближнего и всегда во всякое время шел на помощь и помогал, как умел и как мог, словом и делом»².

Царские чиновники, увидев дружественное и гуманное отношение В. М. Фрунзе к коренному трудовому населению, начали его преследовать. Доведенный до отчаяния, оскорбленный и гонимый царским правительством, Василий Михайлович вынужден был «бежать из того общества, которому так долго служил и отдал лучшие годы своей жизни»³. Беспрестанно преследуемый царским правительством, разбитый нравственно и разоренный материально, переживая острые душевные муки, В. М. Фрунзе умер в 1897 г. в г. Аулиэ-Ата, одиноким, далеко от своей семьи. Его современник и друг Ф. В. Поярков совершенно справедливо отмечает, что «В. М. Фрунзе оставил по себе добрую память среди крестьян и киргизов»⁴.

Как видно из деятельности В. М. Фрунзе, вопреки желанию царского правительства, демократически настроенные русские врачи гуманно и дружественно относились к

¹ Ф. В. Поярков. Последний эпизод дунганского восстания. Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1901 г. Издание Семиреченского областного статистического комитета, Верный 1901, стр. 69—70.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

коренному населению, оказывали ему всевозможную медицинскую помощь, несли в киргизский аил славные традиции передовой русской медицины.

После присоединения Киргизии к России передовые русские врачи предприняли изучение лечебных свойств минеральных вод Южной Киргизии и начали применять их в лечении больных. В 1877 г. андижанским уездным врачом Мездриковым впервые составлено медико-топографическое описание джалал-абадских минеральных вод¹. Спустя два года химиком Г. Тейхом опубликованы данные научных анализов названных вод. В 1886 г. открыта Джалал-Абадская гигиеническая станция².

Местное население видело русских больных, которые выздоравливали после водолечения. Поэтому минеральные источники с каждым годом приобретали все большую и большую популярность среди местного населения. Врач М. Рождественский писал об этом: «В последние годы туземцы часто обращаются за разрешением пользоваться русскими купаниями и купаются уже не один и два раза, а иногда неделями»³.

Как замечает М. Рождественский, вера и святость минеральных вод у коренного населения постепенно начала уступать пониманию целебных свойств источников⁴.

Культурное и хозяйственное общение с русским народом пополнило словарный состав киргизского языка новыми словами за счет русского языка. В киргизском языке еще до Октябрьской революции насчитывалось около 200 русских слов⁵. Слова эти употребляются в национальном, фонетизированном киргизском произношении. Например, слово стол произносится—устөл, поселок—баселке, писарь—бесир, печать—бечет, волость—болуш, булка—бөлкө, пуд—буд, жалованье—жалоон, доктор—догдур, фельдшер—белчир, картошка—кар-

¹ М. Рождественский. Хозрет-Аюбские теплые воды и Джалал-Абадская санитарно-гигиеническая станция. Ежегодник Ферганской области, т. 1, вып. 1902 г. Новый Маргелан, 1902, стр. 71—72.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Ю. Яншиансин. Социалисттик Улуу Октябрь Революциясынан кийин, кыргыз тилинин лексикасынын өсүшү. Приложения к диссертации. Фрунзе, 1951, стр. 9—15.

төшкө, газета—кезит, купец— көпөс, мужик — мужук, хозяин — кожоюн, солдат—салдат, соха—соко, шапка — шапке и т. п. Развитие лексики киргизского языка за счет русского, безусловно, является прогрессивным явлением, связанным с присоединением Киргизии к России.

Киргизия вошла в состав государства, где в то время развивалось революционное движение, что оказывало сильное воздействие на развитие классовой и национально-освободительной борьбы киргизского народа.

Рабочий класс России возглавил освободительное движение не только русского народа, но и нерусских народностей. Благодаря вхождению Киргизстана в состав России, киргизские трудовые массы вместе со всеми народами Средней Азии смогли присоединиться к революционному движению русского пролетариата. В этом, в первую очередь, заключалось величайшее прогрессивное значение присоединения Киргизии к России.

Под влиянием русского революционного пролетариата рабочие из коренного населения стали подниматься на борьбу против капиталистического гнета. Во второй половине 1885 г. в сорока километрах от Пенджикента рабочие Залесских каменноугольных копей выступили против представителей царского самодержавия. Причиной этого выступления послужила тяжелая эксплуатация и систематическое издевательство над рабочими со стороны владельца названных угольных копей. Выступление продолжалось около двух дней; рабочие, участвовавшие в нем, в количестве 43 человек избили штейгера и нескольких надсмотрщиков. К ним присоединились 22 рабочих узбека, работавшие в Залесских каменноугольных коях. В донесении туркестанского генерал-губернатора военному министру от 10 октября 1885 г. об этом выступлении сказано: «Недоразумения начались вскоре по прибытии на рудник партии 43 рабочих киргиз... 16 числа во время работ один из надсмотрщиков ударил рабочего, тогда все киргизы бросились на надсмотрщика и избили его. 17 числа штейгер Козловский... во время работы пригрозил побить одного из киргизов... тогда киргиз выругал штейгера, ударил его в грудь, и когда хотел повторить удар кайлом, штейгер выстрелил в него из карманного револьвера, причем, ранил киргиза в щеку. Затем штейгер

скрылся в штольне, но киргизы разыскали его и сильно избили. Поломав часть работ в штольне и в штреках, разбросав инструменты... киргизы взяли с собой штейгера и надсмотрщиков и, заставив... следовать за ними 22 рабочих из сартов (т. е. узбеков—К. У.), отправились в Пенджикент... Все они (т. е. рабочие киргизы—К. У.) отказывались возвратиться на рудник, из рабочих сартов часть вернулась и принялась за работу, а другая часть самовольно ушла в Самарканд»¹.

Это являлось первым открытым выступлением рабочих из коренной народности против капиталистической эксплуатации.

Революционные выступления русского пролетариата оказывали все большее и большее воздействие на борьбу трудящихся Киргизии против местных эксплуататоров и царского самодержавия. В. И. Ленин указывал, что «мировой капитализм и русское движение 1905 г. окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»². Под непосредственным воздействием революции 1905 г. в Киргизии усиливалось революционное движение, местами перераставшее в открытые выступления. «По полученным мною сведениям, — говорится в письме туркестанского генерал-губернатора от 16 апреля 1905 г., —среди киргизского населения за последнее время замечается некоторое брожение, вызываемое очевидно, доходящими до них слухами противоправительственного характера. А потому прошу предложить начальникам и участковым приставам установить самый тщательный надзор за кочевниками и появлением среди них неблагонадежных лиц»³. Как видно из этого письма, революционные выступления 1905 г. среди коренного населения Туркестана, в том числе Южной Киргизии, сильно встревожили царское правительство.

Решающую роль в пробуждении трудящихся Средней Азии, в том числе и Киргизии, к политической жизни и

¹ Фонды отделения общественных наук АН Кирг. ССР, инв. № 1542, стр. 89—90 (139—140).

² В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 66.

³ Фонды отд. общ. наук АН Кирг. ССР, инв. № 1542, стр. 248—249.

революционному движению русского пролетариата сыграли русские социал-демократы. Они беспощадно разоблачали невыносимый гнет эксплуататоров и указывали коренному населению пути национального и социального освобождения...

Социал-демократы вели революционную пропаганду, распространяли марксистскую литературу и создавали здесь нелегальные социал-демократические кружки. Они руководили борьбой трудовых масс против царизма и местных эксплуататоров.

С 1879 по 1881 год в главном городе Средней Азии Ташкенте жил ученик Чернышевского Г. Лопатин, посланный сюда царским правительством за революционную деятельность.

В конце XIX и начале XX вв. в Средней Азии находились социал-демократы Корнюшин, Феофанов, Бахиров, большевик М. В. Морозов и другие¹.

Большевики Туркестана завоевывали авторитет и влияние как среди русских, так и среди коренных трудовых масс. Социал-демократические группы Средней Азии, хотя они и были малочисленными и сравнительно молодыми, поддерживали связь с организациями РСДРП в Москве, Петербурге, Казани, Верном и других центрах страны.

В начале XX века русские революционеры распространяли среди трудящихся Туркестана большевистские газеты «Искру», «Вперед», «Пролетарий», «Кавказский рабочий листок»; работы К. Маркса и Ф. Энгельса — «Манифест Коммунистической партии», «К критике политической экономии», «Нищета философии», «Капитал», «Развитие социализма от утопии к науке», «Положение рабочего класса в Англии», «Революция и контрреволюция в Германии», работы Г. В. Плеханова — «Социализм и политическая борьба», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»; брошюры В. И. Ленина — «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», «Открытое письмо Председателю Совета РСДРП тов. Плеханову», «Пересмотр аграрной

¹ И. Брагинский, С. Раджабов, В. Ромадин. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. Вопросы истории, № 8, 1953, стр. 34—35.

программы рабочей партии», «Победа кадетов и задачи рабочей партии», «Доклад об Объединительном съезде РСДРП», «К деревенской бедноте» и другую марксистскую литературу¹.

В 1906 г. политические ссыльные В. Особо и Ильин распространяли среди трудящихся Южной Киргизии, в частности в г. Оше, нелегальную марксистскую литературу, большевистские листовки и прокламации. Они поддерживали связи с маргеланской подпольной социал-демократической организацией и Петербургским комитетом РСДРП².

В период первой русской революции в Средней Азии издавались газеты социал-демократического направления: «Самарканд» и «Русский Туркестан»³. Эти газеты играли большую роль в распространении большевистских идей среди трудящихся Туркестана.

Распространение марксистской литературы, большевистская пропаганда и революционные выступления рабочих поднимали на борьбу трудящиеся массы кишлаков и айолов. Политическое брожение среди крестьянства Киргизии иногда выливалось в форму открытых столкновений с местной администрацией—волостными правителями, старшинами, уездными начальниками. Весною 1905 г. в Чаткальской и Сусамырской волостях киргизская беднота открыто выступила против представителей местной феодальной знати и царизма⁴. В некоторых районах Киргизии крестьяне категорически отказались платить подати. Киргизские дехкане часто выступали против изъятия их земель царизмом, а также продажи и сдачи в аренду так называемых «общественных» земель

¹ Н. Ф. Симонов. Большевистская печать в Туркестане (1902—1907 гг.). Издательство Уз. ФАН, Ташкент, 1940, стр. 8 и др. В. Я. Непомнин. Прогрессивное значение присоединения Ср. Азии к России. Изв. АН Уз. ССР, № 1, 1954, стр. 58—59. Н. Брагинский, С. Раджабов, В. Ромадин. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. Вопросы истории, № 8, 1953, стр. 35—36.

² ЦГИА Уз.ССР, ф. 1, оп. 31, д. 372, л. 10. Фонды отделения общественных наук АН Кирг. ССР, инв. № 1542, стр. 249—250.

³ В. Я. Непомнин. Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России. Изд. АН Уз. ССР, ф. 1, 1954, стр. 59.

⁴ Фонды отд. общ. наук АН Кирг. ССР, инв. № 1542, стр. 253—254.

крупными представителями феодальной знати. В материалах по землепользованию киргизов об этом говорится: «В настоящее время (начало XX в. — К. У.) наблюдаются среди туземцев нередко споры из-за земли»¹.

В усилении классовой борьбы в кишлаках и аилах небольшую роль играли революционно-настроенные русские крестьяне-переселенцы. Они привезли с собой ненависть к помещикам и продолжали в новых условиях борьбу за землю против кулаков. Своими рассказами о смелых выступлениях крестьян против помещиков в России они побуждали киргизскую бедноту на борьбу против местной феодальной знати и самодержавного гнета.

Почти всякое революционное движение в Центральной России, отзываясь отдаленным эхом в Средней Азии, находило живой отклик в выступлениях коренных и русских трудящихся, в нередких случаях выступавших совместно в этой борьбе. Борьба против самодержавия принимала все больший и больших размах. В одной лишь Ферганской области в 1913 г. были привлечены по политическому обвинению «за проступки против порядка управления» 316 человек, а в следующем году—576 человек².

Революционные выступления в Средней Азии значительно усилились в период первой империалистической войны. Война несла народам России голод, разорение и неисчислимы бедствия. Национальный гнет еще больше усилился. Война унесла миллионы человеческих жизней и разрушала хозяйство страны, а буржуазия, помещики и местная паразитическая верхушка наживались на военных поставках, на народной нужде.

Рост недовольства и ненависти к войне принял всеобщий характер. Это отразилось и на положении Средней Азии, в том числе Киргизии. В период первой империалистической войны освободительная борьба на окраинах Российской империи начала принимать широкий размах. В 1916 году киргизский народ, как и другие народы

¹ Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения Южной части Ферганской области. Ташкент, 1915, стр. 114.

² С. Х. Генкузен. Статистический обзор Ферганской области, за 1914 г., Скобелев, 1917, стр. 115.

Средней Азии и Казахстана, выступил против царского самодержавия за свою свободу и независимость. Как отметила объединенная научная сессия¹, посвященная истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, восстание 1916 г. носило антиимпериалистический и национально-освободительный характер. Оно имело большое революционное значение.

В период первой и второй буржуазно-демократической революции, народы Средней Азии, под руководством русского пролетариата, плечом к плечу вступили в борьбу против местных эксплуататоров и буржуазно-помещичьих порядков. В этой совместной борьбе развивалась и укреплялась дружба киргизского народа с великим русским народом и народами Средней Азии, Казахстана.

Таким образом, присоединение отсталой в политическом, экономическом и культурном отношении Киргизии к России сыграло большую прогрессивную роль.

* * *

Говоря о прогрессивности присоединения Южной Киргизии к России нельзя умалчивать о колонизаторской политике царского самодержавия. В своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин указывал, что признание прогрессивной роли капитализма в хозяйственном развитии России «вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма...»². Исходя из этого указания В. И. Ленина, необходимо отличать роль и влияние России на развитие экономики и культуры среднеазиатских народов от колонизаторской политики царского правительства.

Царизм принес трудящимся массам киргизов, узбеков и других национальностей Средней Азии тяжелый колониальный гнет. После присоединения к России народные массы оказались под двойным гнетом — под гнетом местных феодалов и царской военно-чиновничьей администрации.

Как уже указывалось выше, после присоединения Средней Азии к России в 1867 г. здесь было образовано

¹ Эта сессия состоялась в конце января — начале февраля 1954 г. в Ташкенте.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 523.

Туркестанское генерал-губернаторство с центром в городе Ташкенте, во главе которого стоял генерал-губернатор, имевший почти неограниченную власть. В 1876 г. Туркестанское генерал-губернаторство делилось на 5 областей (военных губернаторств): Сыр-Дарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую, Закаспийскую и Семиреченскую. Во главе каждой области стоял военный губернатор.

Области делились на уезды, уезды — на волости.

Южная Киргизия входила в состав Ферганской области, а часть ее — в Сыр-Дарьинскую. Население Южной Киргизии делилось на 11 волостей: Гульчинскую, Куршабскую, Алайскую, Ак-Буранскую, Наукатскую, Наймановскую, Ичкиликскую, Яукесек-Бостонскую, Нагут-Кипчакскую и Ляйлякскую. Эти волости входили в состав трех уездов — Ошского, Скобелевского и Кокандского¹. Часть Южной Киргизии входила в состав Андижанского, Наманганского и Маргеланского уездов². Волостные управители по существу назначались уездными начальниками из местного населения путем «выборов» из числа феодальной знати.

Царизм вел колониальную политику, опираясь на свою вооруженную силу и местную феодальную верхушку.

Военный губернатор Ферганской области генерал Скобелев в лице Курманджан-датки видел надежную опору царизма в Южной Киргизии и решил во что бы то ни стало привлечь ее на свою сторону. Он устроил ей торжественный прием, подарил халат и золотую чашу и просил ее служить «белому царю», обещая сохранить ей прежние привилегии и преимущества³. Курманджан-датка, жаждавшая власти и желавшая сохранить свои богатства, дала согласие верно служить царскому правительству и приложить все усилия к тому, чтобы «удержать киргизов от напрасных столкновений»; она за верное служение

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, лл. 161—162. См. также материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области. Ташкент, 1915, стр. 102.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 5984, лл. 2—4.

³ В. Л. Тагеев. Памирский поход (воспоминания очевидца). Русский Вестник, 1889, № 11, стр. 57. Туркестанский сборник, т. 420, стр. 367—376.

царизму была названа «царицей Алая»¹, а ее сыновья назначены управителями отдельных волостей². Они играли немаловажную роль в проведении колониальной политики царизма в крае. Это хорошо видно из сообщения В. Тагеева, в котором говорится, что сыновья Курманджан-датки приносили огромную пользу царскому правительству³.

С целью создания себе опоры среди местного населения, царизм привлек на свою сторону не только Курманджан-датку и ее сыновей, но и других представителей киргизской феодальной знати. Царское правительство предоставляло им привилегии, поддерживало их произвол и насилие над трудящимися. Об этом прямо и откровенно писал В. Наливкин: «Мы искусственно плодили клику мошенников, нагло обворовывавших народ... туземцы покачивали головами, удивляясь слепоте «неверных» и их неумению или нежеланию отличать белого от черного, а мы упорно продолжали свое, ибо это нам нравилось, а для многих из нас было даже и выгодно»⁴.

Знатным феодалам разрешалось владеть зимовыми стойбищами и летовками на правах частной собственности, передаваемой по наследству. Они платили незначительные по размеру налоги, освобождались от повинностей; волостным управителям разрешалось в свою пользу облагать население такими налогами, как чыгым, салык и др.

Известное определение В. И. Ленина в том, что царская Россия являлась «тюрьмой народов», особенно наглядно видно на примере отношения царизма к трудовому народу Средней Азии, в том числе и киргизам. Царизм, будучи угнетателем и палачом русского народа, проводил по отношению к нерусским народам еще более жестокую политику.

¹ Правительственный вестник, 1887, Туркестанский сборник, т. 432, стр. 77—78.

² И. Ювачев. Курманджан-датка. Исторический вестник № 12, 1907, стр. 969—970.

³ В. Л. Тагеев. Памирский поход (воспоминания очевидца). Русский вестник, № 11, 1889, Турк. сбор., т. 420, стр. 367—376.

⁴ В. Наливкин. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913, стр. 72—73.

Киргизский народ был лишен элементарных политических прав. В Южной Киргизии, как в других национальных окраинах, почти все государственные должности занимали монархически настроенные царские чиновники, осуществлявшие руссификаторскую политику. Полицейский произвол принял здесь наиболее разнузданные формы. Киргизы, как и другие нерусские народности, беспрестанно подвергались всяческому унижениям и оскорблениям. Чтобы отвести от себя гнев русских трудящихся и не дать объединиться угнетенным нациям, царизм намеренно сеял и разжигал вражду между ними. Царское правительство официально называло киргизов инородцами, «дикоканменными киргизами» или «кара-киргизами», воспитывало русское население в духе презрения к нерусским народам.

На всех предприятиях и каменноугольных копях рабочие, особенно из местной национальности, подвергались жесточайшей эксплуатации. Рабочий день длился 12—18 часов. Зарплата была чрезмерно низкая¹. Рабочие жили и работали в исключительно тяжелых условиях. Это хорошо видно из записки медицинской комиссии по обследованию санитарного состояния каменноугольной копи «Кызыл-Кия» от 1915 года. «Дорога,— говорится в ней,— покрыта каменноугольной пылью... Всюду масса клопов. Площадь рудника в окружности жилых помещений в огромном большинстве случаев загрязнена отбросами домашнего хозяйства: кости, тряпки, мусор. В казарменных помещениях живут только одинокие рабочие русские, туземцы и военнопленные... Казармы грязные и протекают крыши... Во многих казармах, состоящих из одной комнаты, живут семьи по 4—9 душ»².

Рабочие называли шахты Кызыл-Кия мышеловкой. По узким горным лавам, где часто не было никакого крепления, обтываясь потом, шахтеры на четвереньках тащили санки с углем, который добывали при помощи обушка. Нередко из какого-нибудь глухого забоя доносился отчаянный крик: это глыба природы обрушивалась на горняка. Такие несчастные случаи происходили часто. После из-

¹ ЦГИА Узб. ССР, ф. 41, оп. 1, д. 187, л. 99.

² Там же.

пурительной смены, усталый шахтер валился в землянке на солому, заменявшую ему постель. То же самое наблюдалось и в других каменноугольных коях и предприятиях.

Чернышевский, Герцен, Салтыков-Щедрин и др. передовые представители русского народа протестовали против порабощения царизмом других народов. Салтыков-Щедрин заклеил царских чиновников-колонизаторов Средней Азии в своем произведении «Господа ташкентцы».

Чтобы эксплуатировать массы трудящихся киргизов, царское правительство всемерно поддерживало самые дикие пережитки патриархально родового быта: калым, кун, многоженство, знахарство и пр.

Оно не думало о развитии культуры киргизского народа и его просвещении, а наоборот, всячески стремилось держать местное население в темноте и невежестве.

До Октябрьской революции в Киргизии отсутствовали какие-либо административные и культурно-просветительные учреждения на родном языке. В отдельных городах Туркестана были созданы гимназии, но в них обучались преимущественно дети русских зажиточных родителей.

С целью удержания народных масс в темноте царизм полностью сохранил старые мусульманские мектеби, имевшиеся на территории Киргизии. Оно душило всякое проявление культуры киргизского народа, население оставалось сплошь неграмотным.

Наиболее разорительной для местных трудящихся являлась земельная политика царизма. Земля в Киргизии, как и других колониальных окраинах царской России, считалась государственной собственностью, и правительство ею свободно распоряжалось.

Чтобы предотвратить растущую аграрную революцию в центре, царизм проводил, особенно с 1904 г., переселение крестьян в Южную Киргизию, стремясь создать себе опору из кулацкой части переселенцев. С этой целью у киргизских дехкан отнимались лучшие земли и передавались помещикам, а также кулакам-переселенцам, прибывшим из центральных губерний России.

Царские чиновники, работавшие в переселенческом управлении, всячески стремились отвести как можно

больше земельной площади в колонизационный фонд за счет ограбления трудящихся киргизов.

Трудовые массы киргизов, насильно вытесняемые с лучших земель, вынуждены были уходить в горы. У них отнимали не только пашни и сенокосы, но и пастбища. Например, пастбища, принадлежавшие населению трех волостей (Ичкиликской, Яукесек-Бостоновской и Наймановской), были переданы чиновнику Оттедорфу в качестве лесного заповедника¹.

В полукучевых районах Южной Киргизии, на Алае и в Гульче традиционные скотопрогонные дороги и маршруты кочевий были нарушены. При землеустройстве русских переселенцев царское правительство не учитывало интересов местного населения. Переселенцы в большинстве случаев расселялись в предгорьях, в местностях, лежащих между зимовками и летними выпасами скотоводческих хозяйств, что вело к разорению и обнищанию кочевников.

Земельная политика царского правительства разоряла бедняцкие и середняцкие слои населения. Волостные управители, старшины и бии помогали царизму в обезземеливании трудящихся киргизов, а царское правительство в свою очередь охраняло интересы местных эксплуататоров.

В результате земельной политики царизма значительная часть киргизских дехкан лишилась своей земли и была вынуждена работать в самых тяжелых условиях у местных феодалов и русских чиновников и кулаков. На хлопковых плантациях работали сотни чайрикеров, получавших за работу ничтожную плату и влачивших нищенское существование.

Земельная политика царизма в Киргизии, как и в остальных окраинах царской России, проводилась в интересах господствующих классов.

По своему социальному составу русские переселенцы не были однородными. Часть их состояла из кулацких хозяйств. Им отводились лучшие земли, насильственно отобранные у киргизских трудящихся. Но большинство переселенцев состояло из бедноты, не имевшей у себя на

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 5984, л. 10.

родине ни клочка земли. Царское правительство не оказывало им помощи в устройстве на новых местах.

Крестьяне не всегда могли хорошо устроиться на местах переселения, где лучшие земли уже были захвачены привилегированным населением казачьих станиц и кулацкими хозяйствами. Вот что пишет А. Иванов о крестьянах-переселенцах: «Ни скота, ни зерна, ни капитала не привез с собою этот несчастный труженик в новый край... Одна только тощая лошаденка, на которой он притащился за тысячи верст, стоит около шалаша... У него нет ни земледельческих орудий, ни семян. Поблизости стоят такие же хаты, в которых уже живут подобные переселенцы»¹.

Положение русских бедных крестьян-переселенцев было таким же тяжелым, в каком находились основные массы местного трудового населения. Обнищавшие и разоренные русские крестьяне, не имея возможности завести свое хозяйство на новой земле, нередко вынуждены были уходить обратно в центральные губернии России.

Царизм намеренно тормозил в Киргизии рост промышленности, насильно удерживая ее в роли поставщика сырья. Южная Киргизия поставляла шерсть, кожи, хлопок и другое сырье для российской промышленности; она служила важным источником финансовых доходов казны. Царизм облагал местное население разными налогами, которые ложились на плечи трудовых масс большим бременем. Существовали следующие виды налогов: «жер салык» (поземельный), «падышалык салык» (государственный), оброчная и кибиточная подати: «джан салык» (подушный) и «тютин-салык» (подворный). Царское правительство временно в Южной Киргизии сохранило также некоторые виды налогов, существовавших в период господства Кокандского ханства, например, «зякет» и др.²

Помимо налогов, установленных правительством, некоторые царские чиновники облагали народ дополнительными поборами, которые шли в их собственный карман. Так, начальник Ходжентского уезда (сюда входила часть

¹ А. Иванов. Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб, 1890, стр. 238—239.

² ЦГВИА, фонд ВУА, д. 6884, лл. 161—162.

Южной Киргизии) Нольде взимал в свою пользу с каждого двора по 2 руб. 50 коп. Накопив таким образом свыше 90 тысяч рублей золотом, он цинично заявил: «Нужен ведь и нам хлеб»¹.

По-прежнему продолжали существовать «чыгым», «союш», «джигит кызматы» и др. подати и поборы, взимавшиеся в пользу местной феодальной знати.

Основная тяжесть налогов, поборов и податей ложилась тяжелым бременем на плечи трудящихся, что вызывало недовольство среди народных масс и приводило к открытым выступлениям против власти местной феодальной знати и царизма. В марте 1876 года киргизы Ходжентского уезда отказались платить кибиточный налог. Тогда Колпаковский дал им трехдневный срок для уплаты налога, в противном случае он угрожал «привести к повиновению» киргизов².

В июле 1876 года произошло сильное волнение в среде киргизов, кочующих на урочище Теке-Бека. Причиной волнения послужило увеличение размера зякетного платежа; теке-бекские киргизы категорически отказывались платить зякетный сбор. Против них был послан карательный отряд. В рапорте Кауфмана от 23 октября 1876 г. об этом сказано: «1 августа кавалерия в составе одной сотни и ракетного взвода, под начальством флигель-адъютанта Закомельского, выступила к Теке-Беку, с целью наказать киргизов, отказавшихся платить зякет и явно восставших против русской власти»³. Волнение было жестоко подавлено.

Возмущения и волнения трудовых масс киргизов против колониальной политики царизма и эксплуатации местной знати продолжали расти.

В конце 1876 г. царское правительство обязало киргизов построить колесную дорогу между Ошем и Гульчой⁴. Тяжесть постройки дороги ложилась на плечи киргизской бедноты. Сотни киргизских скотоводов и дехкан были согнаны на строительство. Работавшим ничего не платили, их даже не обеспечивали орудиями труда. Постройка Ош-

¹ «Голос», № 37, 1879.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, л. 23.

³ Там же, л. 170.

⁴ Там же, лл. 30—31.

ско-Гульчинской дороги продолжалась несколько лет, требуя все больше и больше рабочих рук¹.

Как отмечалось, трудящиеся Киргизии, угнетались не только царским самодержавием, но и местными эксплуататорами. Волостные управители, бии, старшины и другие представители феодальной верхушки, опираясь на поддержку царизма, жестоко эксплуатировали местных трудящихся. И. Ювачев о грабеже трудящихся сыновьями Курманджан-датки писал: «Дети датки, опираясь на покровительство высших русских властей, очень зазнались, делали в своих волостях, что хотели, налагали непомерные подати и безнаказанно грабили народ»². Произвол и насилия волостных управителей над трудовыми массами ясно видны из жалобы населения Ошского уезда от 20 июля 1898 года, написанной на имя туркестанского генерал-губернатора. В ней говорится, что начальник Ошского уезда, получив взятку в сумме 700 рублей от Шерифбая Мирзакеева назначил его волостным управителем. «Один бог знает, какие притеснения выносит население» со стороны Шерифбая. Последний пользуется поддержкой у Ошского уездного начальника. Шерифбай, «не выслушав, называет нас ворами и доносчиками, поносит всячески, бьет по чему попало и выгоняет в шею. Такое отношение продолжается все время»³.

В результате двойного гнета трудовые массы Киргизии, как и все нерусские народности царской России, были бесправными, владели нищенское существование, жили в темноте и невежестве.

Тяжелое положение трудящихся усугублялось такими стихийными бедствиями, как джут. Особенно тяжелыми были джуты в 1877 и 1886 гг., охватившие всю Киргизию. В газете «Восточное обозрение» за № 24 о джуте 1886 г. говорится: «Среди киргизов голод ужаснейший, масса скота пала, пал и весь молодой приплод, так что ни у кого нет ни капли молока. Цена на хлеб страшно поднялась. Продавать киргизам, чтобы купить хлеба, нечего... Все что

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, лл. 161—162.

² И. Ювачев. Курманджан-датка. Исторический вестник, № 12, 1907, стр. 970.

³ ЦГИА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 5573, лл. 5—6.

можно было съесть, все было съедено и дошло до того, что осторожно скоблили ножом засалившиеся от времени и закоптелые кереги (деревянный остов юрты) ...стружки, точно драгоценность... аккуратно и бережно собирали и варили в своих котлах, и этим питались. Пухли в буквальном смысле от голода»¹.

Трудящиеся Киргизии находились под вечным страхом джута, неурожая, недородов и голода. Они страдали от разных болезней: туберкулеза, трахомы, оспы, тифа и др. В результате колониальной политики царского самодержавия киргизский народ был обречен на неимоверные страдания и вымирание. Жаловаться было некуда и некому: «Нет двери, — говорили они, — в которую мы бы ни толкались с нашими прошениями, но они всегда оказывались запертыми для нас»². Выход из этого трудного положения был один — борьба против местных эксплуататоров и царского самодержавия.

Таков был удел и других народов Российской империи. Сам русский народ, составлявший, казалось бы, «господствующую» нацию в империи, в подавляющем большинстве находился не в лучшем положении. Русские крестьяне и рабочие тоже страдали от гнета, нужды и бесправия, как и киргизы или другие национальные меньшинства.

* * *

Несмотря на наличие множества отрицательных моментов, являвшихся следствием зверской колониальной политики царизма и порождением патриархально-феодалного эксплуататорского общества, киргизский народ, под влиянием великого русского народа и его передовых представителей, развивался в общественно-политическом отношении. В результате трудящиеся Киргизии вместе со всеми народами Туркестана активно включились в общее русло российского революционного движения.

Русский пролетариат под руководством Коммунистической партии сплотил вокруг себя все угнетенные народы

¹ Ф. В. Поярков. Последний эпизод дунганского восстания. Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1901 г. Изд. Семиреченского обл. статист. ком., Верный, 1901, стр. 61—62.

² ЦГИА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 5573, л. 4.

России и повел их на борьбу против местных эксплуататоров и царской власти, как общего врага всех трудящихся страны.

В октябре 1917 г. рабочий класс России в союзе с беднейшим крестьянством под руководством Коммунистической партии сверг власть буржуазии и установил диктатуру пролетариата. Трудящиеся киргизы, как и все народы Средней Азии, во главе с большевиками и при активной поддержке русского рабочего класса свергли власть баев, беков, манапов и царских колонизаторов и установили Советскую власть. Эта великая победа означала коренной исторический перелом в судьбах киргизского народа. После победы Великой Октябрьской социалистической революции киргизский народ получил свободу, за которую он боролся против господства местных феодалов, кокандских ханов и царизма.

Став подлинными хозяевами своей судьбы, трудящиеся киргизы влились в единую семью народов нашей страны, живущих в братстве и строящих коммунизм под водительством родной Коммунистической партии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1) Присоединение Южной Киргизии к России являлось сложным историческим процессом, в котором переплетались стремления подавляющего большинства народных масс к принятию подданства России с феодально-монархическим движением представителей феодальной знати.

2) Усиливавшийся гнет, непрерывно возраставшие повинности и налоги вызывали среди трудящихся киргизов и узбеков стихийные столкновения с представителями феодальной знати, переходившие к открытым разрозненным вооруженным выступлениям, которые подавлялись ханскими карательными отрядами. За кровавым подавлением следовала жестокая расправа, сопровождавшаяся массовыми убийствами и грабежом населения. Жизненный уровень трудящихся снижался до степени нищеты.

3) Низкий уровень производительных сил, усиливающийся двойной гнет, феодальные междоусобицы, нищета и бесправие поставили киргизский народ в чрезвычайно трудное положение. В этих условиях киргизский народ не мог не искать выхода из создавшегося положения.

Внутреннее состояние и внешнее положение на юге Киргизии рассматриваемого периода диктовали киргизам единственно разумный путь — сближение с Россией. Киргизы, населяющие южные районы Киргизстана, борясь против власти Кокандского ханства, взяли твердый курс на сближение с Россией, искали у нее помощи и поддержки, проявляли стремление добровольно принять русское подданство. В лице России они видели избавителя от тя-

желого гнета феодально-деспотического Кокандского ханства. Это стремление вытекало из коренных и жизненных потребностей киргизского народа.

4) В условиях, когда киргизские народные массы стояли под гнетом кокандских властителей и разорялись в результате феодальных междоусобиц, когда по существу отсутствовали необходимые социально-экономические предпосылки и политические силы для объединения Южной Киргизии и освобождения ее из-под власти кокандских ханов, единственным спасением для киргизского народа могло явиться полное присоединение его к России.

5) Часть киргизской феодальной знати, занимавшей более выгодные места в период господства Кокандского ханства, боясь потерять свои привилегии и богатства, выступала против присоединения Южной Киргизии к России. Но народные массы не поддерживали эти выступления феодальной верхушки и продолжали по-прежнему обращаться к администрации Туркестанского генерал-губернаторства с просьбами о принятии их в подданство России.

6) В середине 70-х годов прошлого столетия южная часть Киргизии присоединилась к России. Присоединение Южной Киргизии к России происходило в основном путем завоевания. Глубокие социально-политические и экономические потребности киргизского общества были причиной того, что киргизы приняли подданство России.

7) Присоединение Киргизии к России было естественным историческим закономерным явлением. Оно было обусловлено всем ходом исторического развития Киргизии и являлось завершением длительного процесса взаимных экономических и политических связей между Киргизией и Россией.

8) Несмотря на колониальную политику царизма, присоединение Киргизии к России имело глубоко прогрессивное историческое значение и отвечало чаяниям и интересам киргизского народа. Киргизы присоединились к стране, которая ходом исторического развития превратилась в центр мирового революционного движения. Вопреки желанию местной феодальной знати и царского самодержавия, постепенно складывался и укреплялся боевой союз трудящихся киргизов с русским революционным пролетариатом и крестьянством.

9) Для киргизского народа присоединение к России

являлось единственно возможным выходом на путь широкого прогрессивного исторического развития. Оно вывел киргизский народ из того упадка и застоя, в котором он находился, открыло путь к развитию производительных сил, ускорило разложение феодально-патриархальных отношений и включило его в общий поток мировой истории

10) Присоединение Киргизии к России явилось крупнейшим событием и поворотным моментом в истории киргизов. Оно направило по новому руслу историческое развитие киргизского народа. Благодаря присоединению к России, трудящиеся Киргизии совместно со всеми угнетенными народами царской России, во главе с русским пролетариатом, руководимым партией Ленина, пришли к победе Великой Октябрьской социалистической революции, к объединению в единое многонациональное социалистическое государство и под водительством Коммунистической партии Советского Союза успешно строят коммунизм.

СПИСОК

ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В РАБОТЕ «ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ К РОССИИ»

1. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА¹

- Маркс К. Капитал, том I—III. Собр. соч. Маркса и Энгельса, том XVII—XIX.
- Маркс К. Классовая борьба во Франции. Собр. соч. Маркса и Энгельса, том VIII.
- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Вестник древней истории, том I, 1940.
- Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии. Избранные произведения Маркса и Энгельса, том II.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. Соцэкгиз, 1931.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Собр. соч. Маркса и Энгельса, том V.
- Энгельс Ф. Россия в Средней Азии. Собр. соч. Маркса и Энгельса, том XI, часть I.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Собр. соч. Маркса и Энгельса, том XVI, часть I.
- Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Собр. соч. Маркса и Энгельса, том XVI, часть II.
- Ленин В. И. Крах II Интернационала. Соч., том 21.
- Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. Соч., т. 20.

¹ Тома собраний сочинений Маркса и Энгельса даются по первому изданию.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. Соч., том 20.

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. Соч., том 21.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Партиздат, Соч., том 3.

Ленин и Сталин. Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане. Партиздат, ЦК КП(б) Уз., Ташкент, 1940.

II. РЕЗОЛЮЦИИ СЪЕЗДОВ КПСС И КП КИРГИЗИИ, ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК КПСС И ЦК КП КИРГИЗИИ, РАБОТЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. Часть I—III. Издание седьмое

Резолюции XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1952.

Резолюция XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1956.

О 300-летиі воссоединения Украины с Россией. В Центральном Комитете КПСС, в Совете Министров СССР, в Президиуме Верховного Совета СССР («Правда», 9 декабря 1953 г.).

Тезисы о 300-летиі воссоединения Украины с Россией (1654—1954). Одобрены Центральным Комитетом КПСС («Правда», 12 января 1954 г.).

Верховному Совету Украинской Советской Социалистической Республики, Совету Министров Украинской ССР, Центральному Комитету Коммунистической партии Украины. Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, ЦК КПСС («Правда», 23 мая 1954).

Верховному Совету Союза ССР, Совету Министров Союза ССР, Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза. Принято на юбилейной сессии Верховного Совета Украинской ССР, посвященной 300-летию воссоединения Украины с Россией, 22 мая 1954 г. «Правда», 23 мая 1954 г.

Верховному Совету РСФСР, великому русскому народу от сессии Верховного Совета Украинской ССР и украинского народа. «Правда», 23 мая 1954 г.

О 300-летиі воссоединения Украины с Россией. Доклад секретаря ЦК КП Украины тов. А. И. Кириченко на юбилейной сессии Верховного Совета Украинской ССР 22 мая 1954 года. «Правда», 23 мая, 1954 г.

Резолюции VI съезда Коммунистической партии (большевиков) Киргизии по отчетному докладу ЦК КП(б) Киргизии. Фрунзе, Киргосиздат, 1952.

Раззаков И. Р. Отчетный доклад о работе Центрального Комитета

КП(б) Киргизии VI съезду Коммунистической партии (большевиков) Киргизии. Фрунзе. Киргосиздат. 1952.

О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в республике. Доклад секретаря ЦК КП(б) Киргизии тов. Раззакова И. Р. «Советская Киргизия», 11 июня 1952.

О задачах партийной организации республики по осуществлению постановления Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР». Постановление VII Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Киргизии от 10 октября 1953 г., Фрунзе, Киргосиздат, 1953.

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. Соч., том 2.

Сталин И. В. Политика советской власти по национальному вопросу в России. Соч., т. 4.

Сталин И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Соч., том 5.

Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. II.

Сталин И. В., Жданов А. А., Киров С. М. Замечания на конспекты по Истории народов СССР и Новой истории. См. Сб. К изучению истории, ОГИЗ, 1938 г.

Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 г. Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС 27 января 1959 г. Госполитиздат, 1959.

III. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) Узбекской ССР г. Ташкент

- а) Фонд: I — Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора (КТГГ), (оп. 31 и 34).
- б) Фонд 715 — Материалы для истории завоевания Туркестанского края (оп. I, д.д. 1—74).
- в) Фонд 19 — Ферганское областное управление (оп. I).
- г) Фонд 41 — Окружной инженер Туркестанского горного округа (оп. I).
- д) Фонд 336 — Военный губернатор и командующий войсками Туркестанской области.
- ж) Фонд 17 — Сыр-Дарьинское областное управление.
- з) Фонд 25 — Управление начальника Андijanского уезда Ферганской области.

2. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) г. Москва

- а) Фонд Военно-учебного архива (ВУА).
- б) Фонд 1396—Штаб Туркестанского Военного округа (оп. 2).
- в) Фонд 400 — Главный штаб. Азиатская часть.

3. Рукописные фонды Отделения общественных наук АН Киргизской ССР

- а) Материалы по истории Киргизии XIX в. Инв. 33.
- б) Рабинович И. Р., Софинов П. Г. Кокандское восстание 1875—1876 гг. Инв. 67.
- в) Керимжанова Б. Пословицы и поговорки киргизского народа. Инв. № 826.
- г) Ашубаев и Чекменев. Киргизские пословицы и поговорки. Инв. № 118.
- д) Отражение ига кокандских ханов в народных песнях. Инв. № 829.
- е) Кокандское ханство. Инв. № 127.
- ж) Хасанов А. Завоевание Киргизии русским царизмом, инв. № 57.
- з) Яншансин Ю. Социалисттик Улуу Октябрь Революциясынан кийин Кыргыз тилинин лексикасынын өсүшү. Приложения к диссертации, 1951.

4. Архив восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Ташкент

- а) Семенов А. А. Отношение Кокандского ханства к Кашгару в первой половине XIX века, инв. № 78.

5. Рукописный отдел фундаментальной библиотеки САГУ. Ташкент

- а) Иноятлов В. Восстание под руководством Пулат-хана в 1875—1876 гг.
- б) Житов К. Е. Завоевание Средней Азии царской Россией.

6. Восточный отдел Государственной и публичной библиотеки им. Алишера Навои. Ташкент

- а) Материалы Туркестанского сборника.

IV. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаза К. К. Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев — в общедоступном изложении. СПб, 1902.

- Абрамзон С. М. Манапство и религия, Советская этнография, 1932, № 2.
- Абрамзон С. М. Современное манапство в Киргизии. Советская этнография, № 3—4, 1931.
- Айтбаев М. Т. Историко-культурные связи киргизского и русского народов. (По материалам Иссык-Кульской области Киргизской ССР). Фрунзе, 1957.
- Алексеев А. Курманджан-датка. Краткая биографическая заметка. Ферганская областная ведомость, № 123, 1907.
- Алибеков М. Домашняя жизнь последнего кокандского хана Худояр-хана. Ежегодник Ферганской области, том II, 1903.
- Алтымышбаев А. А. Из истории развития общественно-политической и философской мысли киргизского народа в конце XIX и начале XX вв. Изв. АН Кирг. ССР, вып. IV. Фрунзе, 1957.
- Английские путешественники в Средней Азии. Туркестанские ведомости № 30, 1 августа 1872 г.
- Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Живая старина, вып. III—IV, 1896.
- Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и кара-киргизов... Живая старина, вып. III—IV, 1894.
- Бардашев Г. Сведения о дикокаменных киргизах. Туркестанские ведомости, 7 декабря 1870 г., № 15.
- Бардашев Г. Заметки о дикокаменных киргизах. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. III, СПб, 1874, Турк сборн., т. 95.
- Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Верный, 1898, 2-ое изд., Фрунзе, 1943.
- Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Ленинград, 1927.
- Бартольд В. В. Киргизы. Фрунзе, 1943.
- Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. Москва, 1957.
- Бичурин Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. М. — Л., 1950.
- Боголюбов А. Очерк войны в Средней Азии 1876 г. Военный сборник, № 1, 1880.
- Брагинский И., Раджабов С., Ромадин В. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. Вопросы истории, № 8, 1953.

- Бунаков Е. В. К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX в. Советское востоковедение, т. 2. АН СССР, 1941.
- Буняковский А. В. О пространстве и населении Туркестанского края. Ежегодник. Материалы для статист. Турк. края, вып. I. СПб, 1872.
- Военный статистический сборник, вып. III. Под ред. Н. Н. Обручева, СПб, 1863, Туркестанский сборник, том 30.
- Валидов Ахмед. Восточные рукописи в Ферганской области. Зап. Вост. Отд. Русск. Геогр. общ., т. XXII, СПб, 1915.
- Валиханов Ч. Ч. Сочинения. ЗРГО по отд. этнограф., т. XXIX. СПб, 1904.
- Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии... СПб, 1865.
- Вамбери Арминий. Сведения о Кокандском ханстве. Вестн. Русск. Геогр. общ., 1856, ч. 18, отд. II.
- Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. СПб, 1915.
- Веселовский Н. Киргизский рассказ о завоеваниях в Турк. крае... СПб, 1904.
- Военные действия против кокандцев 1875—1876 гг. СПб, 1876.
- Военные действия в бывшем Кокандском ханстве. Военный сборник, №№ 1—4, 8, 1876.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худояр-хана. Тр. Вост. отд. Русск. Арх. об-ва, часть II, 1856.
- Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб, 1873, Туркестанский сборник, том 85.
- Волконский А. От Нового Маргелана до границы Бухары. Путевые заметки, Вестник Европы 1894, № 7. Туркест. сборник, т. 429.
- Воронин и Нифантьев. Сведения о дикокаменных киргизах. Записки Русск. Геогр. общ., кн. 5, СПб, 1851.
- Вяткин М. П. Батыр Срым. Изд. АН СССР. М.—Л., 1947.
- Гаврилов М. Ф. Манап, Современный аул Средней Азии, вып. X, Ташкент, 1927.
- Гафуров Б. Г. История таджикского народа, т. 1. Госполитиздат, 1956.
- Гейер И. И. Туркестан. Изд. второе, Ташкент, 1909.
- Генкузен С. Х. Статистический обзор Ферганской области за 1914 г. Скобелев, 1917.

- Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, юридический быт. Ташкент, 1889.
- Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб. 1909.
- Грумм-Гржимайло Г. Е. Очерк Припамирских стран. Изв. Русск. Геогр. об-ва. 1886, т. XXII.
- Джамгерчинов Б. Киргизы в эпоху Ормон-хана. Труды ИЯЛИ КиргизФАН СССР, вып. I. 1945.
- Джамгерчинов Б. К вопросу о присоединении Киргизии к России. Известия КиргизФАН СССР, вып. VII. Фрунзе, 1947.
- Джамгерчинов Б. К вопросу об общественно-экономическом строе киргизов накануне присоединения Киргизии к России (в середине XIX века). В кн. Первая научная сессия АН Кирг. ССР. Фрунзе, 1955.
- Джамгерчинов Б. О прогрессивном значении присоединения Киргизии к России. Труды Института истории АН Кирг. ССР, вып. III. Фрунзе, 1957.
- Джамгерчинов Б. Важный этап из истории киргизского народа. Фрунзе, 1957.
- Джамгерчинов Б. Из истории присоединения северной Киргизии к России. Труды Института истории (АН Кирг. ССР), вып. IV. Фрунзе, 1958.
- Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. М., 1959.
- Диваев А. Последние дни Худояр-хана, 1916.
- Ефремов Ф. Десятилетнее странствование. М., 1952.
- Житов К. Е. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент. 1949.
- Заметки о дикокаменных киргизах. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III, СПб, 1874.
- Захарьин И. Начало завоевания Коканда. Исторический Вестник, 1901, том 6, 8.
- Загряжский Г. Кара-киргизы (этнографический очерк). 1874, Туркестанские ведомости, № 41, 15 октября и № 44, 5 ноября 1874 г.
- Загряжский Г. Заметки о народном самоуправлении у кара-киргизов. Материалы для статистики Туркестанского края. 1874, вып. III (Турк. сборн., т. 95).
- Загряжский Г. Юридический обычай киргиз. О различных родах состояний и о правах им присвоенных. Ежегодник. Мат. для стат. Турк. края. СПб. 1876. вып. Турк. сборн., т. 122.
- Заорская В. В. и Александер К. А. Промышленные заведения Туркестанского края, 1915.

- Зибберштейн. Путевые записки лекаря Зибберштейна. Исторический архив, т. I. М.—Л., 1936.
- Зимма А. Земельная политика царизма в Киргизии. Труды Киргоспединститута им. Фрунзе, 1948. Фрунзе.
- Иванов Д. Путешествие на Памир. Известия Русского географического общества, т. XX. 1884. Турк. сборн., т. 367.
- Ильясов С. Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов. Труды ИЯЛИ КиргизФАН СССР, вып. I, 1945.
- Ильясов С. К вопросу о вакуфах на территории Южной Киргизии. Изв. АН Киргизской ССР, вып. I, 1955.
- Ильясов С. К вопросу об общественно-экономическом строе киргизского народа в начале XX в. Труды Ин-та языка и литературы и Ин-та истории (АН Кирг. ССР), вып. 5, 1956.
- История Киргизии, т. I. Фрунзе, 1956.
- История Узбекской ССР. Книга вторая. Ташкент, 1956.
- Котельников В. Г. Ферганская область. Живописная Россия, т. X, Русская Средняя Азия. СПб, 1885.
- Кокандское ханство по новейшим известиям. Военный сборник, 1869, № 7, Туркестанский сборник, т. 23.
- Конопка С. Р. Туркестанский край. Ташкент, 1910.
- Корнилов Н. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания под ред. ген.-лейт. Сахарова. Ташкент, 1903.
- Корытов Н. Самозванец Пулат-хан. Ежегодник Ферганской области, том I, вып. I. Новый Маргелан, 1902.
- Костенко Л. Ф. Экспедиция в Алайские горы. Русский Инвалид, №№ 206, 211, 229, 235, 244, 250, 1876 г., Туркестанский сборник, тт. 150 и 229.
- Костенко Л. Ф. Военно-научная экспедиция на Алай и Памир. Военный сборник, № 4, 1877. Туркестанский сборник, т. 185.
- Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб, 1870 (Турк. сборник, т. 29).
- Костенко Л. Ф. Туркестанский край (опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа), т. I, СПб, 1880. Турк. сборник, т. 249.
- Костенко Л. Ф. Исторический очерк распространения русского владычества в Средней Азии. Военный сборник, № 10, 1887.
- Куропаткин А. Н. Исторический очерк Кашгарии. Военный сборник, 1877. № 12, Туркестанский сборник, т. 185.

- Куропаткин А. Н. Кашгария (Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля). СПб, 1879.
- Кун А. Л. Очерк Кокандского ханства. Изв. Русского Географического общества, том XII, СПб, 1876.
- Кушакевич А. А. Сведения о Ходжентском уезде. Записки Русского Географического общества по общей географии, том IV, 1871, Туркестанский сборник, т. 181.
- Лачко А. Ф. Из истории общественно-экономических отношений у киргизов в конце XIX и начале XX века. Труды ИЯЛИ КиргизФАН СССР, вып. 3. 1952.
- Лачко А. Ф. О влиянии первой русской революции 1905—1907 гг. на характер национальных движений в Киргизии начала XX века. Труды ИЯЛИ КиргизФАН СССР, вып. 4, 1954.
- Маев Н. А. Топографический очерк Туркестанского края. Ежегодник, Материалы для статистики Туркестанского края. 1872, вып. I.
- Макшеев А. И. Географо-этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. Зап. Русск. Геогр. общ. по отд. статист., т. II, 1871. (Турк. сборн., т. 112 и 520).
- Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб, 1890.
- Мартенс Ф. Ф., Масальский В. И. Россия и Англия в Средней Азии. СПб, 1880.
- Мушкетов И. В. Туркестан. СПб, 1886.
- Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.
- Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Ташкент, 1915.
- Материалы для статистики Туркестанского края, том I—II, III, СПб, 1872—1879.
- Материалы по киргизскому землепользованию, Ферганская область, Наманганский уезд. Ташкент, 1913.
- Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб, 1879.
- Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. СПб, 1882. Туркестанский сборник, том 320.
- Миддендорф А. Киргизы Ошской области. Ферганский ежегодник, 1877.
- Мир Иззет Уллы. Путешествие Мир Иззет Уллы в Кокандское ханство в 1912 г. Сводный текст по английскому и французскому переводам. Перевод и примечания Ю. А. Соколова. Труды Среднеазиатского Гос. ун-та, вып. 78, исторические науки, № II, 1956.

- Набиев Р. Н. Уникальный источник по истории Кокандского ханства. Изв. АН Уз. ССР, 1947. № 4, стр. 31—34.
- Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.
- Наливкин В. Туземцы раньше и теперь. Ташкент. 1913.
- Небольсин Н. Очерки торговли России со странами Средней Азии—Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). Записки Русского Географического общества, том X, СПб, 1856.
- Недзвецкий. Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области. Верный, 1913.
- Непомнин В. Я. Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России. Изв. АН Уз. ССР, № 1, 1954.
- Нурекин А. Очерк истории Коканда с 1841 по 1864 год. Туркестанские ведомости, №№ 35, 42, 1872.
- Обручев Н. Н. Военно-статистический сборник, вып. III, СПб, 1868.
- Ошанин В. Ф. Каратегин в Дарваз. Известия Русского Географического общества, том XVII, 1881.
- Пантусов Н. Н. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве. Туркестанские ведомости, № 17, 1876.
- Пантусов Н. Н. О податях и повинностях, существовавших в бывшем Кокандском ханстве в последнее время Худоярхана. Туркестанские ведомости, № 16, 1876.
- Пашно П. И. Туркестанский край в 1886 г., СПб, 1886.
- Петровский Н. Очерки Кокандского ханства. Вестник Европы, кн. X, 1875.
- Погорельский и Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана, Москва, 1930.
- Потанин Н. П. Записки о Кокандском ханстве Хорунжего Потанина 1830 г. Вестник Русского Географического общества, № 6, часть 18, 1856.
- Потапов Л. П. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, том III, 1947.
- Потапов Л. П. Очерки истории алтайцев. Москва, 1953.
- Павлов С. и Рабинович М. Кокандское восстание 1875—1876 гг. Борьба классов, № 4, 1936.
- Пясковский А. В. Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России. Госполитиздат, 1948.
- Раджабов З. Ш. К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом. Сталинабад, 1954.

- Раджабов С. А. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955.
- Резолюция научной конференции историков Киргизии с участием историков Москвы, Ленинграда и братских республик. Фрунзе, 1953.
- Рейнталь П. По поводу заметок «О народном самоуправлении у кара-киргиз». Туркестанские ведомости, № 9, 1871 г. Мат. по стат. Турк. края. Вып. III, 1874.
- Россель Ю. Р. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. Вестник Европы 1878, № 6—7 (Туркестанский сборник, том 222).
- Романовский Д. И. Заметки по среднеазиатскому вопросу, СПб, 1868.
- Саттар-хан-Абдул Гафаров. Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства перед завоеванием его русскими. Туркестанские ведомости, № 26, 30 июня, 1892 г. и № 61, 1893 г.
- Северцов Н. А. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Русск. Геогр. общества. СПб, 1873.
- Северцов Н. А. Месяц плена у кокандцев (с картой низовьев Сыр-Дарьи). СПб, 1860.
- Северцов Н. А. Этнографические заметки о зачуйском крае. Изв. Русск. Геогр. общ., т. 1, 1865.
- Семенов А. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности. СПб, 1859.
- Семенов А. Средняя Азия. М., 1911.
- Семенов П. П. Поездка из укрепления Верного через горный перевал Суок-Тубе и ущелье Баум к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 г., Туркестанский сборник, том 15.
- Серебренников А. Г. К истории кокандского похода. Военный сборник, № 9, СПб, 1899.
- Серебренников А. Г. К истории кокандского похода. 1901.
- Серебренников А. Г. Материалы для истории завоевания Туркестанского края, тт. I—XVIII. Ташкент, 1912—1915.
- Сведения о Кокандском ханстве. Вестник Русского Географического общества, часть 18, 1856.
- Ситняковский Н. Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области. Известия Туркестанского отделения Русского Географического общества, том II, в. 2, 1900.

- Ситняковский Н. Таблица киргизских родов Ошского уезда. Извещения Туркестанского отделения Русского Географического общества, т. II, вып. 2, 1900.
- Тегеев В. Л. Памирский поход (воспоминания очевидца). Исторический Вестник, 1898, №№ 7, 8, 9, Туркестанский сборник, том 420.
- Талызин А. Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета, том II, Верный, 1898.
- Герентьев М. А. История завоевания Средней Азии. СПб, 1906, том I, II, III.
- Герентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб, 1875. Туркестанский сборник, том 93.
- Герентьев М. А. Статистический очерк среднеазиатской России. Записки Русского Географического общества, т. IV. Туркестанский сборник, том 90.
- Гроицкая А. А. Архив кокандских ханов XIX в. Предварительный обзор. Труды Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, т. 2 (5), 1957.
- Гроицкая А. А. «Заповедники Курук кокандского хана Худояра». (К истории Кокандского ханства в XIX в.). Сборник Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, вып. 3, 1955.
- Урунбаев А. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства. Изв. АН Уз. ССР, серия общественных наук, 1957, № 3.
- Усенбаев К. К вопросу о присоединении Южной Киргизии к России. Труды Института истории АН Кирг. ССР, вып. I. 1955.
- Усенбаев К. К вопросу об общности территории киргизского народа в дореволюционный период. Труды Ин-та истории (АН Кирг. ССР), вып. 2, 1956.
- Усенбаев К. О характере национальных движений в Южной Киргизии в 1873—1876 гг. Труды Института языка, литературы и истории (КиргизФАН СССР), вып. IV, 1954.
- Усенбаев К. Прогрессивное значение присоединения Киргизии к России. Фрунзе, 1957.
- Успенский А. Ферганская долина. Краткий очерк. Окраина. 1890 г., № 279.
- Федченко А. П. Путешествие в Туркестан, том II, часть II. СПб, 1875 (Туркестанский сборник, том 125).
- Ферганская область в 1901 г. Ежегодник Ферганской области, т. I, Новый Маргелан, 1902.

- Ханыков Я. Ч. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. Вестник Русск. Географ. общества, 1851, часть 1, кн. I—2, отд. VI.
- Хорошкин А. Народы Средней Азии. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. III, СПб, 1874.
- Царица Алая (К покорению генералом Скобелевым Ферганской области). Правительственный вестник, 1887. Туркестанский сборник, том 432.
- Шкапский О. А. Прошлое и настоящее Туркестана. Вестник Европы, т. IV, 1915.
- Шкапский О. А. Киргизы-крестьяне. Изв. Русского Географического общества, том (41), 1905.
- Ювачев И. П. Курманджан-датка. Исторический вестник, № 12, 1907.
- Якунин А. Ф. Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX века. Присоединение Средней Азии к России. Москва, 1954.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
<i>Глава I.</i> Общественно-экономическое положение Южной Киргизии накануне присоединения к России	10
<i>Глава II.</i> Восстание 1873—1874 гг. и стремление южных киргизов к добровольному принятию подданства России	47
<i>Глава III.</i> Присоединение Южной Киргизии к России	86
<i>Глава IV.</i> Историческое значение присоединения Южной Киргизии к России	129
Заключение	174

Кушбек Усенбаев

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ К РОССИИ

Редактор *С. М. Жажиев*

Оформление худож. *И. Ф. Бульба*

Худож. редактор *И. А. Ефимов*

Технич. редактор *А. Бейшенов*

Корректоры *А. Берзина, П. Лесничая*

Сдано в набор 27/VII-1959 г. Подписано к печати 3/III-1960 г. Д-04600. Бумага 84×108¹/₃₂, 6 физич. печ. л., 9,84 условн. печ. л., 9,68 уч.-изд. л. Тираж 7000 экз.
Заказ № 1703. Цена без переплета 2 р. 25 к. Переплет 2 р.

Фрунзе, тип. № 1 Полиграфиздата Мин. культ. Кирг. ССР.